Интернациональная война

АФГАН

Равиль БИКБАЕВ

Никто не верил, что он станет хорошим солдатом. В учебном подразделении он пользовался репутацией разгильдяя. Но вот боец попал в Афган – и все лишнее и слабое в его характере стало стремительно исчезать, уступая место новым, волевым качествам. Тогда-то в нем обнаружился редкий талант – чутье на врага. Он угадывал приближение «духов», когда даже опытные бойцы не высказывали никакой тревоги. Это «шестое чувство» не раз спасало жизнь ему и товарищам по бригаде...

БРИГАДА УХОДИТ В ГОРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это была война, и мы все на ней были далеко не ангелами и совсем не образцовыми героями. Осталось только добавить, что этот рассказ не исповедь и мне не нужно отпущение грехов.

- Бикбаев Равиль Нагимович
  - От автора
  - Призыв
  - Литовская ССР,
  - Афганистан
  - Афганистан
  - Афганистан
  - Послесловие

Бикбаев Равиль Нагимович
Бригада уходит в горы

«56-я, Десантно-штурмовая,
Войны афганской, лошадь
ломовая…»

От автора

А если, что не так — не наше дело!
Как говорится, Родина велела
Как просто быть не виноватым
Совсем, совсем простым солдатом…

Б. Окуджава.

Во всем «виноват» командир седьмой Десантно-штурмовой роты 56 Отдельной Десантно-штурмовой бригады старший лейтенант (ныне полковник) Тумаха Александр Степанович. Взял и опубликовал на своей странице выписку из боевого формуляра в/ч 44 585. А я то предполагал, что всё, больше я про Афганистан писать не буду. А тут прочитал и как взорвалась память. Да это же мы! Читаю формуляр и отмечаю: «Вот тут я был, а еще и тут, и вот там наша рота и наш батальон участвовали» Стал первую редакцию этой повести сначала по хронологии править, а память как закричит: «а вот об этом забыл упомянуть, а вот об этом надо рассказать. Ну что же ты? давай пиши!» Стал добавлять, исправлять вот и получилось…

Только сразу хочу оговориться, хотя приведенные здесь данные об операциях взяты из документа, но это не документальная повесть. Плохое или как-то иначе, но это все же художественное произведение со всеми его недостатками и достоинствами.

И еще… это была война, и мы все на ней были далеко не ангелами и совсем не образцовыми героями. Осталось только добавить, что этот рассказ не исповедь и мне не нужно отпущение грехов.

Призыв

СССР — РСФСР 1980 от Рождества Христова

Жизнь парней как на две части делилась: до армии; после армии. Самые практичные послушные и умные мальчики поступали в институты с военными кафедрами. Для них долг Родине это сорок пять суток учебных сборов и присвоение звание лейтенанта запаса. Разгильдяи, двоечники и троечники, разбавленные романтиками, проще сказать настоящие балбесы и оболтусы шли служить в армию на два, а во флот на три года. Лично я был сразу романтично настроенным разгильдяем, троечником, настоящим оболтусом, вдобавок закончившим курсы парашютистов.

— Сыночек миленький! Я прошу тебя, не иди добровольцем в Афганистан, пожалей меня! — просила меня мама провожая на службу.

Шла весна 1980 года, и меня призвали в армию. Сейчас став отцом, я ее тревогу и страх прекрасно понимаю, но тогда…

Тогда в 1980 году Советские войска уже вошли в Афганистан, а по стране гадюками поползли слухи об эшелонах с цинковыми гробами.

Тогда в 1980 году 56 Отдельная Десантно-штурмовая бригада уже полным котелком хлебала солдатское горюшко в Кундузе.

Тогда весной восьмидесятого года обещая своей расстроенной плачущей маме, что я не попаду в Афган, я не знал, что 56 ОДШБ станет моей — солдатской судьбой, и пожизненным воспоминаем.

Я обещал маме, что не пойду добровольцем, и сдержал свое слово. Вот только судьбе и войне плевать, на те обещания, что дают матерям их сыновья.

Литовская ССР, Гайджунай, п/о Рукла в/ч 42 227

СССР — 1980 год от Рождества Христова

1401 год по хиджре — мусульманскому летоисчислению.

Вспомни десантник дома вдалеке
Гайджунай зеленый, автомат в руке
Как нам было трудно только зубы сжав
Находили силы на последний шаг

(Куплет из песни. Автор неизвестен)

Литовская Советская Социалистическая республика, в ВДВ ее переименовали в: «страну дождей, блядей и голубых беретов», в этой чудной стране дислоцировались две десантные дивизии, одна строевая «Каунасская», а вот вторая… «Для всех людей Бог создал рай! Для нас учебку Гайджунай!» — такая вот была в то время полная бравады и удали поговорка среди советской десантуры. Гайджунайская учебная дивизия Воздушно-десантных войск, кузница младшего командного состава для ВДВ. Вот туда то я и попал в начале своей службы. Первое отделение первого взвода, первой роты, первого батальона 301 учебного парашютно-десантного полка — в/ч 42 227. Курсантов учебки на жаргоне того времени звали просто — курки. Из нас предполагалось готовить командиров отделений для десантно-штурмовых бригад. Трети выпускников предстояло отбыть в Афган, и нас к этому готовили. Да, под такую мать! Так готовили, что лично мне потом служба в Афгане, отдыхом показалась.

Дорогая мамочка!

У меня все хорошо, я жив и здоров. Не беспокойся за меня. Кормят тут отлично, казармы со всеми удобствами. Командиры добрые и заботливые. Занятия много сил и времени не отнимают. Вечером смотрим телевизор, или ходим в кино в клуб. Время для отдыха и сна вполне достаточно. В нашем учебном подразделении готовят сержантов для войск Варшавского договора. Так что не волнуйся в Афганистан я не попаду. И еще одна

новость, всех кто имеет подготовку парашютиста от прыжков освободили. Так что больше мне с парашютом прыгать не придется, можешь больше не переживать я не разобьюсь. Посылки часто отправлять не надо, деньги тоже. На присягу ко мне не приезжай.

Целую, твой сын

Если театр начинается с вешалки, то служба в армии начинается с пиз…лей. Ну а для меня служба в десанте началась с того, что я вдоволь напился пива.

— Ей курок! — окликнул меня рослый сержант, когда я с интересом оглядывал казарменное помещение роты, куда нас привели после распределения, добродушно улыбнувшись он предложил:

— Пивка хочешь?

— Не откажусь! — не подозревая подвоха, сияя ответной улыбкой согласился я.

Вот оно боевое братство десантников! Вот она настоящая служба, размечтался я. Все в точь в точь как в книжках написано. И тут же получил сокрушительный удар по почкам, и по романтизму.

— Удар по почкам заменяет кружку пива, — все еще улыбаясь пояснил мне командир отделения.

— За что?! — возмущенно закричал я. Было не столько больно, как обидно.

— За знакомство, — получил лаконичный и исчерпывающий ответ, — Еще хочешь?

Конечно я захотел, парень то был, что называется «борзый», кинулся в драку, хлебнул «пивка» вволю, да два наряда вне очереди.

Ну здравствуй первая учебная рота триста первого полка. Будем знакомы тумбочка дневального по роте. Приветствую вас засраные, но обязанные сиять чистотой солдатские сортиры и самое любимое просто легендарное очко армейского унитаза, «очко номер восемь». Ох и часто же мне с вами придется встречаться.

Трудная, но почетная, исполненная сурового романтизма служба в десанте. Строгие, но справедливые командиры, верные друзья рядом. Прыжки с парашютом, рукопашный бой, стрельба, тактика, рельефная мускулатура, гордый взгляд, голубой берет, и восхищенные взгляды благодарных соотечественниц.

Как бы не так! Или по военному «х…й вам в зубы!», ничего общего с этой пропагандисткой ерундой армия не имеет.

— Выше ногу! Шире шаг. Я сказал выше… — заливистая

матерная ругань, — носочек тяни под такую… разэтакий! Я тебе… наизнанку выверну. Как подходишь…? Раздолбай! Еще раз! — командует на строевом плацу сержант.

Разлинованный по белым квадратам полковой плац. Разбитая по отделениям рота три часа отрабатывает строевые приемы, без оружия. Строевой шаг, выход из строя, подход к начальнику, отдание воинской чести в движении. Горят подошвы кирзовых сапог, горят ноги, все тело ломит усталость, а до обеда еще долго, на перекуры даже и не рассчитывай.

— Выше ногу, шире шаг под такую мать…, мы вас научим, как Родину любить, и в…м и высушим! — командуют марширующими по плацу курками вконец обнаглевшие от полной безнаказанности сержанты.

Это строевая подготовка, исключительно важная, для ведения боевых действий вещь. Нам же придется к противнику строевым шагом подходить. Грудь вперед, живот втянут, чеканя шаг подход к душману: «Товарищ душман! Разрешите по вам выстрелить? Есть, лечь трупом! Разрешите выполнять?!»

— Ротааа! Смирно! Шаааагом марш.

Идет рота прямо с плаца в солдатскую столовую, чеканят шаг курсанты. Жрать охота аж сил никаких нет, слюни кипят, всей душой летишь к кастрюлям, а телом:

— Рота смирно! Равнение налево!

Проходит строй курсантов мимо взводного офицера, стараются новобранцы курки, держат равнение на командира. Недовольно морщится невысокий пересидевший в должности командира взвода офицер, х…во идут воины-десантники.

— Вы что мало их еб…ли? — сурово укоряет товарищ старший лейтенант, сержантский состав.

— Будем их в личное время тренировать, — уверенно обещают сержанты, — так вые…ем курков, что через пару суток можно хоть на парад этих долбое….в отправлять. Таких тонких, звонких и прозрачных.

Взводный удовлетворенно кивает головой, у нас в роте такие младшие командиры, что слово с делом у них не расходится. Обещали зае…ть, значит зае…т.

— Рота стой! — командует офицер.

Замирает перед входом в столовую строй, бьет фонтаном желудочный сок, голодный урчит желудок.

— Рооота! Слева в колонну по одному, для приема пищи… бегооом марш!

Ну вот и обед, пожрем, передохнем, и с удвоенными силами побежим учится любить Родину.

Как кормили? Да в общем то нормально. Непривычно после

домашних разносолов, а так ничего. За столом не едим, заглатываем пищу. Быстрее, быстрее забить желудок. В мой тарелке остается здоровенный кусок вареного свиного сала, такое противно жирное на вид. Знаю если не съем его, будет мучить голод весь оставшийся день. Закрываю глаза и не жуя с трудом пропихиваю в пищевод кусок. Провалилось сало в желудок, можно открыть глаза. С интересом наблюдаю за соседом, он аварец призван из горного аула в Дагестане. Уже второй день как он отказывается есть свинину, а его никто и не заставляет. Не хочешь? Ну и не надо! Сегодня пошел третий день его службы. У аварца закрыты глаза, на лице гримаса отвращения, во рту кусок вареного сала, с губ капает жир. Да голод не тетка! Через неделю он принимая пищу уже не закрывал глаза, не морщился, а с вожделением прожевывал балтийскую свининку и шарил взглядом по столу: «А нет ли добавки?».

Послеобеденный приказ Родины строг: «Час времени и чтобы все блестело! Время пошло! Какие веники? Курсант! Ты что совсем оборзел?! Наряд вне очереди. И ручками, ручками все говно убираем!»

Исполняя свой конституционный долг, убирали территорию части ручками. Быстро узнали, что означает подлинная служба в легендарных войсках тех самых которые сразу и воздушные и десантные.

Любит наша Родина-Мать свою армию, а армия ее сыновьям взаимностью отвечает. Вот только любовь в армии она особенная, это суровое мужское чувство. Не зря так часто солдаты нежно называют своих командиров: «Пи…сы! — и напоминают им, — Ну как же вы нас зае…ли!» А уж такая романтичная эта любовь, а уж такая разносторонняя куда там Камасутре.

— Будем вести активную половую жизнь! — ласково призывает к нежной армейской любви дежурный по роте.

В строю я в первой шеренге стоял. Вот дежурный выражение моего личика и заметил:

— Чего лыбишься курсант? — это он меня спрашивает и с похабной улыбочкой выдает главную военную тайну:

— В армии не вы е…те, а вас е…ут, а кроме того полы в казарме должны блистать. Товарищи курсанты! — это он уже ко всей роте обращается, — Не о п…надо думать, а о службе. Рооота! Встать раком! Шевелите костями! Работайте одновременно тазом и ручками и ножками.

Это после ужина уборка казармы, штык ножами мастику на полах соскрести, новую наложить. Не успели?! Родной! Так у тебя все ночь впереди, успеешь.

Полы блистают и воняют свежеположенной мастикой,

солдаты шатаются. Новые сутки уже пошли, а прежняя суточная служба еще не закончилась, армейским дятлом долбит по мозгам новый приказ:

— Рооота! Сорок пять секунд — отбой!

Два часа ночи. Шеренга замотанных половой жизнью курсантов летит к кроватям, на ходу срывая одежду. Горит в руках у дежурного по роте спичка. Успеем скинуть одежду и лечь под одеяло прежде чем огонек обожжет сержанту пальцы, отдохнем. Не успели? Подъем!!! Будем тренироваться!

— Роота! Сорок пять секунд — отбой!

Четыре часа ночи, натренировались до упора, не только в сорок пять секунд уложились, перекрыли норматив. Залегли по койкам. А через два часа, ровно в шесть ревет дежурный по роте:

— Рооооота! Подъем!!! Выходи строится! Форма одежды номер два, для особо тупых объясняю, трусы и сапоги. Построились?! Рота… бегом…. Марш!

Больше половины учебного времени, мы занимались уборкой казармы и территории и другими столь необходимыми для военной подготовки хозяйственными работами. Ходили в наряды по роте и караулы, наряды по кухне, наряды…. наряды, сутки без сна, одна работа под бдительным надзором сержантов. Нагрузки большие, пайка скромная, жрать и спать хотелось постоянно. А командиры тебя все любят и любят и никак не уймутся. Знаете что такое командирский армейский оргазм в мирное время? Это блистающая территория части, блистающие чистотой казармы и шагающие строевым шагом курсанты. Еще ловит командир глубокий оргазм от выровненных по ниточке коек, отбитых кантиков на застеленных одеялах, от перетянутых ремнями талий курков и сияющих сапог. Вот по тому то и еб…т командиры постоянно личный состав, не со зла, а исключительно по любви. Ну а солдат? Так вот отдаться душой и телом командиру это: «Почетный долг и священная обязанность каждого гражданина». Такой вот закон в Конституции прописан. Правда вместо статей конституции, укрепляя свой дух читали курсанты военную молитву: «Нас е…т, а мы крепчаем!»

Мое первое впечатление от армии? Она «непобедимая и легендарная» грозит врагу и готова его победить только образцовой чистотой территории и казарменным порядком в воинских частях и собирается ходить в атаки исключительно строевым шагом.

Военной подготовкой тоже занимались, вот только на нее времени немного оставалась.

Бегом марш!!! Это мы с полной выкладкой бежим на стрельбище. Потные, грязные, зае…..ные. Отстрелялись?! Бегом

марш!!! Это назад в расположение. Вспышка справа! Падает в грязь рота. Отставить! Не уложились в норматив. Рооота! Газы!!! Резиновая маска, гофрированный шланг, пот и сопли заливают сжатое противогазом лицо, с хрипом входит и выходит воздух из легких. Бегом марш!!! Не хватает воздуха, заплетаются ноги, оттягивает плечо и бьет прикладом по заднице, опостылевший ручной пулемет. Это кто там такой умный, что шланг отвинтил? Еще пять километров! Рооота! Газы!!! Бегом…. Марш!

Рота! К бою!!! Это уже тактика, бегаем по полю, ползаем по пластунски, в составе роты, в составе взвода, в составе отделения. А погода в Литве сырая дождливая, месим грязь, мокнем под дождем, зуб на зуб от холода не попадает. Замерз курсант? А ты погрейся, вперед марш, и опять бегом по сырым лесам, ползком по болотам. Сами грязные мокрые, оружие в грязи. И матерная ругань, без остановки, на другом языке в армии не говорят, не уложились, не успели, все снова. Рота! К бою!!!

После каждого выхода из казармы с оружием, по прибытию в расположение его чистка. Чистишь, чистишь распроклятый пулемет — РПКС 74, а пороховой нагар все остается и остается, то тут то там пятнышко. Крохотное оно это пятнышко, а вот пиз…й за него огромадных получишь. Положено оружие ветошью и оружейным маслом чистить. Не очищается въевшийся в оружейную плоть нагар? Стань преступником, стань убийцей, но оружие должно блестеть. Достаешь наждачную бумагу отскабливаешь въевшуюся в металл пороховую копоть, оружие блестит, а ты сразу и преступник (Идиот! Тебе сколько раз повторять, что это запрещено?!) и убийца (Технический срок использования оружия сокращается. По существу использование при чистке вооружения песка, наждачной бумаги, напильников и т. д. это для стрелкового оружия — убийство). Это конечно так, все это верно, и мы это давно знаем, но зато оружие чистое и пи… лей ты не получил. А что по-вашему важнее? Срок службы твоего пулемета (век бы его проклятущего не видать), или то что тебя за крохотное пятнышко в газовой камере, или на газовом поршне, отмудохуют как бог черепаху, плюс еще пару нарядов влепят?

Личная гигиена солдата, это тоже дело государственной важности, не такое серьезное как чистка оружия, но все же…

— Ты что чмо? — прямо в лицо орет мне, побагровевший от возмущения командир отделения, — Ты почему урод, форму не постирал?

А форма у меня после занятий на стрельбище и впрямь грязная. Набегался по грязи, наползался по болотам. С чего же ей чистой то быть? Только, только чистку оружия закончили, не успел я ее в порядок привести.

— А ну пошел! — продолжает орать чуть ли не срываясь на визг сержант, — минута времени тебе и все постирать. Бегом марш!

Вода в умывальнике холодная, мыло хозяйственное, таз один на троих и минута времени всю одежду постирать. Выстирал, отжал, все мокрое, сменой одежды нет. Одевайся курок, отведенная тебе минута времени уже давно истекла. Во влажном, одетом на дрожащее тело х\б, бегом на строевую подготовку, на промозглый балтийский ветер, под неласковое негреющее литовское солнце. Грейся строевым шагом товарищ курсант и суши своим телом одежду.

Баня один раз в неделю, тогда же смена нижнего белья. На сто курсантов выдают девяносто комплектов. Не щелкай клювом воин, а то без трусов останешься. Ополоснулся и бегом за бельем. Не досталось? Сам виноват! И еще один наряд вне очереди. Баня в эту неделю не работает? А мы вас товарищи курсанты по десантному помоем. Как? А вот так! Рооооота! Газы!!! Одеть армейские гондоны! Курсант, да ты просто болван! Не чего так ухмыляться, в армии гондон это ОЗК — общевойсковой защитный комплект. Застегнуть все клапаны. Одеть противогазы. Застегнули, одели и каждый курсант весь в резине, как правильно одетый презерватив. Любое СДЯВ (сильно действующие ядовитые вещества), а заодно и кислород, для тела теперь недоступен. А вот теперь, бегооом марш! Пять километров бегом в резине, уже через сто метров потеешь как в парной. Пока бежишь не ручьем, водопадом пот с тебя хлещет. Прибежали к лесному ручью, сняли ОЗК, распаренные мокрые в ледяную воду. Помылся, выходишь, а кожа аж как после парилки хрустит. Такая вот была спец сауна ВДВ.

А вот и физическая подготовка, вот сейчас то нас и начнут учить рукопашному бою, станем мы самой всамделишной десантурой. Мы ж для этого сюда напросились, мы ж дома потом хотим повыделываться. Раз удар! В крошево разлетается кирпич. Два удар! Десятками вялятся супротивники. Учите нас!

— Рооота! Бегом марш!!!

Как?! А то мы мало бегает? Утром кросс. На стрельбище бегом, на тактике бегом. Все бегом. И вот опять кроссовый марш-бросок на тридцать километров.

— За что?

— Во первых не что, а за х…й! А во-вторых…товарищ курсант! В десанте не ходят, в десанте бегают!!! Бегооом…. Марш!

— Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться?

Это из меня еще не всю романтику выбили, вот полез на глаза к ротному командиру с дурацкими вопросами.

— Слушаю вас товарищ курсант, — командир учебной роты весь такой бодрый и энергичный молодой офицер в спортивном костюме, со скукой посмотрел на меня.

Кросс это было его любимое упражнение, он их всегда лично проводил. Мастер спорта по офицерскому многоборью, оно же спортивное пятиборье, сам бегал как лось, и нас до потери пульса гонял.

— А когда нас будут учить рукопашному бою? — скромненько спрашиваю я и с робкой детской надеждой смотрю на товарища старшего лейтенанта.

А вот возьмет и отменит кросс. Он же командир! Да будет показывать нам суперприемы из богатого, зубы и кости дробительного арсенала ВДВ. Стоявшие рядом со мной курсанты настороженно прислуживались. Сержанты зловеще ухмылялись.

— Курсант, — спокойно объясняет офицер, — у меня в училище (имеется ввиду Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени «Ленинского комсомола») был начальник курса, он еще во Вьетнаме военным советником служил, так вот он любил нам рассказывать такую историю. Крохотный щуплый вьетнамец, в одиночку в бою, завалил семь двухметровых янки — зеленых беретов. Когда его спросили, как он это сумел, этот похожий на недоразвитого подростка воин пожал плечами и ответил: «Все очень просто, я лучше стреляю».

Ротный повысил голос, это как сигнал «слушайте все!»:

— Товарищи курсанты! Вам все понятно?

Мы подавленно молчали. Все понятно, от кросса не отвертеться, а огневой подготовкой так уж точно за…бут в доску.

— Рооота! Бегооом…. Марш!

Побежали, а куды деваться бедному солдатику первого месяца службы. Сопели, задыхались, на бегу блевали, но бежали. Падали, вставали и опять бежали.

За то что я упал во время кросса и еле-еле вихляющей трусцой последним приплелся к финишу, меня уже в казарме приговорили к казни на электрическом стуле. Вытянуть руки прямо над головой и сложить ладони. Согнуть ноги в коленях и опускать туловище до тех пор, пока бедра не станут параллельны полу. Выполнил? Вот и сиди теперь как на воображаемом стуле. Через пару секунд напряженные мышцы ног начинает заметно потряхивать, ощущение как будто через тебя пропустили электрический разряд. Чем дольше «сидишь» тем сильнее напряжение «тока» и трясет тебя все сильнее и сильнее. Валишься на пол, пинками тебя поднимают и снова на сажают на «электрический» стул. Уткатасана — сильный, яростный,

неровный так это упражнение называют йоги и рекомендуют его выполнять не более тридцати секунд. Мы не йоги, мы десантники, и потому минимальный срок казни на электрическом стуле это пять минут. Мой личный рекорд это пятнадцать минут выдержанной пытки «электричеством».

Еще был у нас был воспетый в солдатском десантном фольклоре и военных былинах тренажер силы, духа и воли: «Еб… н гора».

Ох и наеб…лись же мы на этой самой горе, по самое не хочу. Это даже и не горка, а глубокий овраг, а вот подъем из него крутой. Этак с часок побегайте по еб…н горе вверх-вниз-вверх, так она вам круче Эвереста покажется. А уж когда совсем нет сил бежать, то шагом по ней ходят, только шаг не простой, а «гусиный» — иначе вприсядку. Вот такое в основном физическое воспитание было. Еще на турнике занимались, на параллельных брусья болтались, постоянно выполняли самое любимое армейское упражнение: «Упор лежа принять! И на счет раз начали…». Вот и все собственно. Могучих мускулов я не накачал, зато уже через месяц службы стал: «тонкий, звонкий и прозрачный».

За перенесенные муки каждому десантнику прямо с даты принятия присяги бронируется место в раю. Даже песня *(автора я к стыду своему не помню)* такая есть:

> И воскликнул Господь
> Дайте ключи!
> Отворите ворота в сад
> Я приказ даю
> от зари до зари в рай принимать десант

Так вот рай в десанте это ПДП парашютно-десантная подготовка. Укладка парашюта перед прыжком, красота, команды понятные, толковые. Выполняешь их с полным осознанием их необходимости. Выполнение каждой команды по укладке трижды проверяют, командир взвода, заместитель командира роты по ПДП, и командир роты. Даже если ошибочка вышла у тебя по укладке, поправят. А уж прыжки это вообще праздник в раю! Думаете такие мы смелые и отважные, и как в песне поется: «небо нам небо нам родимый дом». Нет, просто многие понятия в армии меняются. Прыжки, это нет никаких работ, строевых занятий, вечного «бегом марш» или «упор лежа принять». Ночью, боже упаси, что бы курка побеспокоили, сон полноценный ровно восемь часов. Перед восходом солнца подъем и плотный завтрак, парашюты со склада получены еще вчера, до утра под охраной

дневального ждут в помещении роты. На рассвете погрузка в автобусы, пока до военного аэродрома едешь, на сиденье как белый человек, можно и вздремнуть. Распределили по бортам. Погрузка в военно-транспортный самолет. Набор высоты. Легкое приятное волнение. Сигнал «Приготовится». Встали потоками в затылок друг другу. Открыт десантный люк. Пошел! Бегом по фюзеляжу самолета. Ахнул вниз. Считаешь секунды до открытия парашюта: «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три!» Кольцо! Рвешь кольцо парашюта. Раскрылся купол. Туго натянуты стропы, чуть давит на тело хорошо подогнанная подвесная система. Летишь! Летишь!!! Лепота. Приземлился, погасил купол, отстегнул подвесную систему, собрал парашют в сумку. Все. И пока весь полк не отпрыгал, никто тебя не трогает, лежишь на спине небом любуешься, отдыхаешь. Эй курсант! А в десанте за прыжки платят. Получи прыжковые три рубля, распишись в ведомости. Иди на эти три рубля купи чего вкусненького. Выездной солдатский буфет — булдырь на жаргоне, уже на поле. Покупай чего душа изволит и кушай родной, отдыхай, сегодня у тебя праздник. Рай. Сравните это с многокилометровым бегом в противогазе да еще постоянно «вспышка справа!», «вспышка слева!». Вот и понятно будет, почему прыжок с парашютом это рай для десантника. Тут каждый день прыгать согласишься, невзирая на проценты нераскрывшихся парашютов. Бывает, конечно, что и не раскрываются купола, но редко. Если статистику взять, то больше шансов под машину на улице с оживленным движением, угодить, чем разбиться при прыжке в нормальных условиях, на нормальном оборудовании.

Не успел я еще присягу принять, а военную службу, уже до донышка, до самой распоследней капли понял. Для солдата, что главное? Кто служил, сразу скажет: «сачкануть, пожрать и поспать» Для командира, что главное? Заставить солдата работать, кормить в меру, голодный солдат это злой и инициативный воин, а именно такой Родине и нужен. А спать? Спать милые дома будете, если до дембеля доживите.

Военную службу я невзлюбил, и она отвечала мне тем же. Поняв ее родимую, до самой сути, стал я вовсю сачковать, думал исключительно о жратве, а не об уставах, старался побольше поспать, умудряясь это делать даже стоя на тумбочке дневального. В своем соревновании с армией, я проявлял и развивал в себе именно те качества, которые мне потом не раз пригодились в Афганистане. Решительность, настойчивость, умение маскироваться, умение вводить противника в заблуждение, готовность любыми мерами обеспечить себя пищевым довольствием. Но в то время солдат я был совсем не

опытный. Мою маскировку, легко раскрывали, в заблуждение командиров вводить не особенно получалось, вот и огребал я нарядов вне очереди, и других, но уже не уставных педагогических мер и приемов военного воспитания, по полной программе. Но попыток объегорить и объехать на «сраной козе», своих командиров не оставлял, проявляя похвальную настойчивость. Посему, говорю это без ложного стыда, был я в учебной роте самым хреновым курсантом, а в солдатском ранце (РД — ранец десантный) носил не маршальский жезл, а прятал сухари и сахар. Что было, то было.

До сентября служба шла, наполненная хоть какой то, но все же боевой учебой. Научили стрелять, собирать и разбирать стрелковое оружие, действовать в составе роты, взвода, отделения, малой боевой группы. Преодолевать полосу препятствий, ходить строевым шагом, десантироваться с воздушной и наземной техники. Зазубрили уставы. Мирно дремали на политзанятиях.

Тогда летом 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры, умер Владимир Высоцкий, несли первые боевые потери наши части в Афгане. А у нас? У нас… упор лежа, принять! Бегом марш! Носочек тянем. Рооота! Газы!!! И постоянно…окрики и добавления к командам: «под такую вашу мать…. вашу мать….. вашу мать!»

Что есть солдат? Солдат есть безропотная скотина, обязанная выполнять приказы своих командиров. Об этом тактично и уклончиво говорится в военной присяге: «Стойко переносить тяготы и лишения воинской службы» и более ясно в дисциплинарном уставе: «Приказ начальника, закон для подчиненного». Еще солдат есть бесплатная, безответная рабочая сила, на которую трудовой кодекс не распространяется.

С сентября курсантов стали припахивать на гражданские работы, то есть наша народная армия, оказывала за бесплатно, помощь народу в его труде на благо Родины, но при этом еще и гарантировала этому народу свою защиту. Во как! Другой такой армии в мире не найти!!! Так нам с гордостью говорили замполиты.

Работы так работы, нам по х… по барабану в общем. Уголек по ночам разгружали, траншеи копали, в колхозах картошку убирали, трудились — пахали, вместо боевой учебы. Грех жаловаться, все лучше, чем по тем же полям с оружием бегать. Вот тут то я и развернулся! Показал на что способен! Работать не работал, а уж жрал так, что за ушами трещало, и все норовил вздремнуть. Самогоночку дегустировал, сальцом закусывал, на дебелых литовских девиц засматривался.

Осенью в самом начале октября копаем мы отделением картошку на народном поле литовского колхоза. Наш командир отделения куда то увеялся, мы свободны. Раз надзора и вечных понуканий нет, то и работы нет. Поле после дождя мокрое, ветер зябкий, я закутавшись в бушлат, сижу на корточках рядом с ведром наполовину заполненным перепачканной мелкой картошкой. Маскируюсь, ввожу возможного наблюдателя в заблуждение, пусть думает что я работаю, а сам в это то время предаюсь предрассудительной медитации. О доме думать бессмысленно, не о чем другом думать не хочется, в общем чистейшей воды медитация: мыслей ноль, тело расслаблено, время как отсутствует.

Чувствую как в спину меня деликатно толкнули, не реагирую. Во-первых лень двигаться, во-вторых офицер или сержант деликатничать бы не стал уж двинул бы так двинул, на всех остальных мне в состоянии углубленной медитации почти в самадхи было просто наплевать.

«Солдат?» — с какой-то подозрительной неуверенностью спрашивает, обошедший меня немолодой седоватый и морщинистый мужчина. Судя по скромной рабочей одежде, акценту и манере поведения типичный литовский хуторянин, в руке у него топор.

Я мигом вспомнил все слухи, о том что литовцы до сих пор режут советских солдат и резво вскочил. Бац! Бью хуторянина ногой в пах, он загнулся и застонал. Выхватываю у него топор и торжествующе ору:

— Что съел, сука?! А вот х. й ты десантника за так возьмешь!

— Не брать, не есть, — испуганно кричит хуторянин и закрывает руками лицо.

На мой вопль спешит подмога, это остальные бойцы с нашего взвода по-десантному шустро выскочили из своих сладко-горьких дум и разбрасывая кирзовыми сапогами черную полевую грязь бегом спешат на выручку.

— Зачем тебе топор? — сурово допрашиваю я литовца.

— Дрова рубить, — пытается он ввести в заблуждение доморощенного следователя. Ну знаете ли! Я не зря еще до службы прочитал столько детективов, меня не обманешь.

— Я что так похож на бревно? — с максимальным сарказмом спрашиваю я и грозно взмахиваю трофейным топором.

Подбежавшие товарищи с сильнейшей неприязнью смотрят на поверженного литовца.

Понимаете, мы уже тогда наслушались от литовцев: «Оккупанты»; «Захватчики»; «Русские свиньи». Хотя чисто русских у нас было в общем то немного, в основном преобладали

украинцы, белорусы, татары и представители многочисленных народов Дагестана, но слыша слово «русская свинья» каждый понимал, что обращаются лично к нему и очень сильно, до дрожи в кулаках, обижался на литовских «патриотов». В известном смысле мы тогда вне зависимости от национальности все были русскими.

Хуторянин сраженный моей проницательностью и вероятно поставленный в тупик неопределенной формой вопроса, молчал. Мы стали оживленно обмениваться мнениями о том как лучше поступить, сразу его отмудохать или все-таки подождать командиров. Решили: Сразу! Но не до смерти и без видимых повреждений. Вмешалась баба и все испортила или наоборот? Она тяжело дыша прибежала от рядом стоящего небольшого хутора. Плотная, немолодая женщина, с обветренным красноватым лицом, одетая в потертую ватную куртку и обутая в испачканные навозом резиновые сапоги с короткими голенищами. Для начала она быстро вырвала из моих рук топор и сноровисто отвесила мне оглушительную оплеуху. Голова моя с хрустом мотнулась на тонкой шее, а форменная пилотка упала в грязь. Рука у женщины была тяжелой. Потрясенные курки замолчали и расступились. Хуторянин не торопясь вставал и все молчал. А вот она не молчать не стала. По чужеземному из ее уст зазвучали родные русские слова с прибалтийским прибавлением «скас». Пи…скас, х…яускас, еб…ускас. У «проклятых оккупантов» и «русских свиней» даже мысли не возникло заткнуть скандалящей бабе рот, её не то что не тронули, с ней даже не спорили. Восемнадцатилетние курсанты почти дети, эти «пи… скас», «х…яускас», «еб…ускас», потупив бесстыжие солдатские глазоньки молчали и не зная, что дальше делать, неловко переминались. Между тем, под русскую бодро — матерную музыку в литовском исполнении, хуторянин встав отряхнулся и медленно как будто камни изо рта выплевывал, заговорил, а его баба тут же замолчала.

— Я хотел просить вас, — начал объяснять он свой приход с топором, — набрать картофель и принести в мой дом. Пять ведер от одного солдата. Я вас за это угощать. Кормить и поить.

— Что ж ты сразу не сказал? — добродушно спрашивает хуторянина мой сослуживец здоровенный рыжеватый хохол из Донецка Али Баба. Вообще то его Грицком звали, Али Баба это прозвище.

— Я не успел, — кисло морщится хуторянин и рукой потирает мошонку, — ваш друг, сразу стал бить.

На свежем холодном воздухе мы успели проголодаться и жрать хотелось просто невыносимо, вот за кусок свиного

литовского сала меня тут же и «предали»:

— А он вообще у нас шизанутый, — показал в мою сторону пальцем Али Баба, и вежливо переспросил литовца, — Так сколько ведер ты говоришь надо собрать?

Работа по уборке народного тогда еще социалистического картофеля закипела. Минута делов и очередное ведро общественное добра собранного с грязного поля, бегом несут голодные курсантики в частный амбар хуторянина. Не по пять, по десять ведер крупной отборной картошки ловко и умело собрали курсанты первого взвода первой образцово-показательной роты.

Пока мы батрачили, хозяйка собрала на стол. Шматы крупно порезанного и просоленного свиного сала на одних тарелках, квашеная капуста на других, здоровенные в полбуханки куски черного хлеба аккуратно разложены на дощатом столе, блюдо горячего картофеля дымится, свежее молоко в стеклянной банке плещется и апофеоз застолья трехлитровая бутыль мутного самогона как стратегическая ракета стоит в центре стола.

Руки перед едой мы конечно помыли, и кушать старались прилично и аккуратно, не очень то выходило, но старались. Короче, чавкая жрали так что за ушами трещало, на самогон глядели с вожделением и с легкой опаской, пить на службе еще не приходилось. По шариату мне как мусульманину за сало и самогон публичная порка плетьми положена, по уставу — дисциплинарный арест на гауптвахте но… тогда я был комсомольцем и шариат не признавал, а гауптвахты не очень то и боялся это раз, выпить очень сильно хотелось это два. Сало без самогона шло туговато. Хотите бросайте в меня камень, хотите нет, но я первым выпил полстакана мутноватой самогонки, предварив воинское преступление, небрежным тостом: «Ну будем!» Самогон был свекольный, на вкус отвратный, но крепкий. Вкус напитка поспешно постарался заглушить закусив бутербродом со свиным шпиком.

Эх ребята вот что я вам скажу: «После этого дела, одна надежда осталась на милость Всевышнего, может и простит мне съеденное сало и выпитый самогон, а то точно с гуриями обниматься не придется».

Хотя тогда мне уже не до гурий стало, показалась хозяйская дочка. Рослая светловолосая девица, вот все при ней и даже больше. Алкоголь уже всосался в младую кровь, та бурно закипела и так братцы захотелось всосаться в спелую девицу, что я громко без обиняков заявил хозяину, что не прочь и дезертировать, если он меня в зятья возьмет. Девица кокетливо хихикнула, хозяин нахмурился, о таком зяте он и не мечтал. На девицу рявкнула на родном языке ее мамаша, и девушка ушла в

дом, а мне хмурый хозяин еще подлил самогона. Еще через пару минут мне уже не до девиц стало, я стал путано и многословно извинятся перед хуторянином за причиненный его мужскому достоинству вред, а его хозяйку стал попрекать отсутствием пролетарского интернационализма. Ребята за столом угорали от пьяного хохота. Хозяева хмурились все сильнее и сильнее. Что они думали я не знаю, а вот я думаю: «А хорошо что я не дезертировал, а то с могучей литовской женой, с такой тещей и тестем, скорее всего меня и на свете то, уж давным-давно не было» Уж больно девица была дебелой, хозяин хмурым, а хозяйка здоровой и тяжелой на руку.

Вот так нагло, цинично и грубо нарушал я воинский устав. Так мне сильно подвыпившему, зато твердо стоящему на ногах, объяснил пришедший за нами пьяный в дымину сержант. Попало мне за это конечно, наряды в не очередь сыпались и сыпались, военных пиз. лей я тоже огребал хороших. Но, во-первых, я уже привык, а во-вторых…. ну согласитесь ребята, дело того стояло.

В работе на благо Родины и литовских колхозов, незаметно прошел октябрь.

Вот и закончилась наша учеба, прощай Гайджунай, век бы тебя не видеть.

— Добровольцы! Два шага вперед! — скомандовал загорелый, рослый, одетый в непривычную для нас тропическую полевую форму лейтенант.

Он приехал за пополнением для славной 103 Витебской дивизии ВДВ, что первой вошла в Афган, и обводил требовательным взглядом нашу застывшую в строю роту.

Даже если бы я не давал слово своей маме не ходить добровольно в Афганистан, то я бы все равно из строя бы не вышел. Мне романтики за глаза и в учебке хватило. Еще искать ее, тем более за тридевять земель я не собирался. Мечтал я о службе тихой и мирной, желательно в каптерке.

Но среди наших курсантов все же добровольцы нашлись, двадцать новоиспеченных сержантов вышли из строя роты. Отобрали лучших.

«Вот и славненько, вот и пронесло, — с циничным не патриотизмом подумал я, — вот и хорошо, что я не из лучших. Без меня Афган обойдется» Всем моим сокурсникам после выпуска повесили по две сопли на погоны. Здравия желаю товарищи младшие сержанты! Мне единственному в роте присвоили звание ефрейтора. И на этом спасибо товарищи офицеры! Родные вы мои! По-хорошему то, в дисбат меня надо было отправить.

Со всех рот 301 ПДП формировали сводную команду в

количестве ста человек, и вот пока я чего ни будь опять не отчудил, меня побыстрее запихнули в эту группу, которая первой покидала, наш славный учебный полк. Я умудрился за шесть месяцев пребывания в его рядах, не бросить пятна на его знамя. Впереди ждал Ташкент, где как нам объяснили, формировалась новая часть. На самом деле нас без всяких там: «Добровольцы и комсомольцы! Шаг вперед!», отправляли в Афган пополнять личный состав 56 ОДШБ.

Вперед ребята, труба зовет…

Знаете, поскольку по возрасту меня уже не призовут, то признаюсь, я остался должен первой роте 301 полка, аж десять нарядов вне очереди. Но Гайджунай теперь за кордоном, а мой первый полк давно расформирован. Так что этот долг, пусть неоплаченным и остается.

Вот какую песенку мы горланили покидая военную часть:

Вспомни десантник дома вдалеке
Гайджунай еб…чий, толстый хрен в руке
Как там было тяжко, только зубы сжав
Находил ты силы на последний взмах

Это переделанное из приведенной выше романтической песенки про десантников, четверостишие. Да уж, мелодия та же, ритм и рифма сохранились, а вот слова уже другие. Нет уже романтизма, больше разудалого похабного цинизма. Вот такими мы стали после учебки. Так нас воспитали назначенные Родиной — Матерью отцы — командиры. Солдатский фольклор он точно, пусть и ненормативной лексикой, отражает мироощущение отведавших службы солдат. Что до романтизма, то романтикам нет места в нашей армии, а если такой и попадется его быстро перевоспитают или сломают.

Прощай, Литовская Советская Социалистическая Республика в составе СССР, прощай Гайджунай, прощай триста первый учебный парашютно-десантный полк, я уезжаю и уже никогда не вернусь. Нельзя вернуться в то место которого давно уж нет. Разве что в памяти…

Афганистан
Провинция Кундуз

1980 год от Рождества Христова

1401 год по хиджре — мусульманскому летоисчислению.

Дорогая мамочка!

Я жив и здоров. После учебки меня направили служить в Афганистан. Мамочка не бойся и не плачь. Ничего страшного тут нет. За пределы части мы не выходим. А наша служба состоит только в том, что мы занимаемся строительством. Мамочка, если кто-то будет тебе говорить, что тут идет война, не верь, это слухи. Никакой войны тут нет. Афганцы к нам относятся очень хорошо. Климат здесь сухой и жаркий, почти как у нас дома. Снабжение тут просто прекрасное, нормы пищевого довольствия увеличены, а нам еще выдают и дополнительный паек. В роте куда я попал служить у меня есть двое земляков, которые мне здорово помогают, так что все нормально. Посылок мне не готовь и денег не присылай. Полевая почта посылки в Афганистан не принимает, а наши деньги тут просто не нужны, так как денежное довольствие нам выплачивают в чеках Внешторга. Спешу тебя обрадовать, меня назначили редактором ротной стенгазеты, так что от большинства работ я освобожден. Еще раз прошу тебя не бойся, все будет хорошо, писать тебе буду часто как минимум один раз в неделю. Береги свое здоровье и напрасно не волнуйся.

Целую, твой сын.

Наглый, циничный, «борзый», готовый в любой удобный момент грубо нарушить воинский устав вот таким я стал. Мечтал не об орденах и медалях, а уж тем более не об оказании интернационально помощи, нет мечты у меня были более возвышенные: сачкануть, пожрать и поспать. В учебке меня грубо лишили романтической невинности, зато научили: стрелять, собирать и разбирать стрелковое оружие, действовать в составе роты, взвода, отделения, малой боевой группы, преодолевать

полосу препятствий, ходить строевым шагом, десантироваться с воздушной и наземной техники. Таким вот «соколом» я прибыл в славную 56 Отдельную Десантно-штурмовую бригаду. И сразу пришелся там ко двору, вот такие то интернационалисты здесь и требовались.

Выписка из боевого формуляра в/44585

В формуляре указаны только те боевые действия, которые входили в месячные планы, утвержденные командующим 40 А. Реализация разведывательных данных по согласованию со штабом 40 А, операции по сопровождению колонн, боевые выходы на внезапно возникающие задачи не отражены.

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
12 января, 13–14 января	**1,2 ПДБ ввод в ДРА Бригада (без 2, 4-го батальонов)**	**Дислоцирована пригород города Кундуз, аэропорт**	**2 ПДБ придали 70 ОМСБ. 4 ДШБ до марта 1980 держал перевал Саланг. 3 ДШБ был дислоцирован под Имам — Сахибом**

Бригада наша в то время, 1980 год, дислоцировалась по правую сторону аэродрома города Кундуз, слева стояла 201 мотострелковая дивизия, в центре располагался аэродром. Аэродром выполнял и военные и гражданские функции. Использовала его военная авиация, в составе: эскадрильи истребителей-бомбардировщиков (фронтовая авиация); и 181 отдельный вертолетный полк ранее дислоцированный в Одессе.

— Молодых пригнали!

Услышали мы радостный вопль. Это было первое приветствие от наших новых сослуживцев.

— Парадки (парадное обмундирование), знаки, береты, что есть? Давайте ребята делитесь, а то у нас нет не хрена!

Мы прибыли к новому месту службы на транспортных вертолетах, высадились, были приведены к штабу бригады и испуганной отарой, сгрудились возле штабных палаток. Нас почти сразу окружила толпа полуголых в истерзанном

обмундировании загорелых парней. Ноябрь месяц, но так тепло в Литве даже в июле не было.

— Ей, — окликнул меня дочерна загорелый невысокий герой — десантник одетый в застиранную выцветшую маячку — тельняшку, в драных штанах и обутый в рваные кроссовки. Но на запястье левой руки у него красовались, хромированные дорогие японские часики.

— У тебя, что есть? — весело улыбаясь спросил он и ощупал взглядом мой пустой РД. Я сокрушенно пожал плечами, а воин чуть повысил голос:

— Да не жмись ты! Вам парадное барахло здесь не понабиться, а до дембеля тебе как до Вашингтона раком…

У меня кроме надетого на мне х\б, головного убора «пилотки», и кирзовых сапог не было ничего. В учебке нас перед выпуском, конечно, обмундировали, в соответствие с нормами вещего довольствия. Но по дороге в Афган пил я, что называется беспросыпно. Только не думайте, что от страха, нет, исключительно от озорства. Глоток вина или водки, был глотком свободы, вызовом армейским уставам, а свободу я любил, а вот армейскую дисциплину, нет. Когда кончились деньги, а войсковое имущество в Чирчике, где мы десять суток ждали отправки в Афган, было расхищено, обменено на вино, пропито, и уже нечего было реквизировать, а пить все еще хотелось, то многие из нас, а я одним из первых, бросили в решительный бой с алкоголем последний резерв, личное обмундирование. Кроме того, что было на нас одето, все пропили. Да! По дороге в Афган мы поддержали легенду о советском десанте: «Все может быть, все может быть… Но чтоб десантник бросил пить?! Да этого не может быть!!!» В Афган я прибыл, гол как сокол. И надо сказать далеко не один такой был.

Коротко я объяснил ситуацию интернациональному полуголому оборванцу. Он тяжело вздохнул:

— На вас только надежда и была, — с горечью поведал он, — Вот нам в чем домой ехать на дембель? Видал, в чем мы ходим, — он бросил взгляд на свои рваные штаны, — Ладно, прорвемся! Ты сам то откуда родом?

Я сказал, где такой уродился. Город свой я люблю, им горжусь, но если бы пришлось выбирать, то постарался бы здесь не родится.

— Земляк!!! — обрадовано заорал мой собеседник и, сильно хлопнув меня по плечу, стал расспрашивать. Нашлись общие знакомые, замелькали в воспоминаниях родные улицы, винные магазины, пивнушки, танцплощадки.

— Просись к нам в роту, — посоветовал мне земеля.

— Это уж куда пошлют, — с унылым фатализмом ответил я.

— Куда пошлют? — передразнил меня земляк, — а если тебя пошлют на х…?! Ты пойдешь!? Сейчас все устрою, а ты шнурок учись!

Земеля в рваных штанах подошел к штабному офицеру, что ведал нашим распределением, переговорил с ним, снял и передал ему свои часы. Все, круг моей военной судьбы замкнулся, я попал во вторую роту первого батальона.

Батальон наш располагался в ста метрах от штаба, нас выпускников из учебки туда попало тридцать человек.

Вечером, как только разместились в больших ротных палатках, земеля, отозвал меня в сторону.

— Пошли, я тебя с остальными нашими земляками познакомлю, — предложил он, и повел в блиндаж, что был вырыт и оборудован, для несения службы в боевом охранении. На позициях, так мы это тогда называли.

В блиндаже собрались мои загорелые в рваном обмундировании земляки, и не только собрались, но притащили браги, технического авиационного спирта, на закусь была тушенка и черный хлеб. Пир! Ей богу по военным временам настоящий пир! Выпили! Эх, родимая! Хорошо пошла! Мне сразу понравилась бригада, с первой кружки мутной браги, она для меня родной стала.

Быстро иссяк скудный родник моих воспоминаний о малой родине, моих собутыльников — оборванцев — десантников — ветеранов — интернационалистов в основном интересовали последние тенденции женской моды. Я рассказал все, что знал. Дальше опытные воины стали передавать свой бесценный боевой опыт, молодому товарищу. Меня стали учить, как жить и служить в родименькой части.

— Ты главное не вы…ся, — учил меня «дед» Коля А***, то есть в переводе на язык общечеловеческих ценностей, веди себя достойно.

— И не суй свой нос, туда, куда собака свой… не совала, — опорожнив кружку с брагой, рекомендовал Цукер, перевожу — будь осторожен и внимателен, и не лезь туда куда тебя не посылают.

— И тогда еще не раз на гражданке, гражданок будешь…, - обнадеживал сержант из роты связи Серега Г***, перевожу — благополучно вернешься домой.

Вот такие советы я получил от земляков, если все суммировать. Забегая вперед, скажу, я им последовал, именно поэтому, кроме всего прочего, имею возможность вам обо всем рассказать.

Льется бражка, технический спирт я тогда еще пить опасался, и добре выпив, ударились ребята в воспоминания о былом. Привожу их рассказы, как запомнил, в переводе с военно-матерного языка, на литературный. Возможно, есть и неточности, но это были рядовые солдаты, а не генштабисты.

Бригаду нашу сформировали осенью 1979 года, на базе воздушно-десантного полка, который базировался в Чирчике и входил в состав Ферганской воздушно-десантной дивизии. Округ наш (прим. автора Краснознаменный Туркестанский военный округ) самый залетный в Союзе был. Всех рас…ев офицеров сюда служить отправляли. А тут новая часть формируется, новые штаты, вот нам из самых-самых распиз…ев военные кадровики отобрали законченных раздолбаев, и в новую бригаду сплавили. А пополнение в часть пришло, призыв осени октябрь-ноябрь 1979 года. Слезы, а не солдаты, пацаны. Их еще, службе учить и учить. Одно слово дети, или как у нас говорили шнурки. Только, только неполную сборку разборку автомата усвоили, на стрельбище пару раз сбегали, на строевой помучились, как в декабре приказ: «Выступить в Термез (прим. автора. город Термез, находится на границе с Афганистаном), быть в полной боевой готовности». Оружие, боеприпасы, сухие пайки, раздали, в десантуру одели (прим. автора. Десантура — осенне-зимняя полевая форма у десантников. Утепленная куртка, утепленные штаны, зимняя шапка с наушниками), и вперед. Сначала думали ученья, матерись почем зря и солдаты, и офицеры, Новый год на носу, а тут горюй в поле. Сухпайки сожрали, сами замерзли во чистом поле, товарищи офицеры и дембеля всю наличную алкогольную продукцию и у местного населения скупили и выжрали.

Здравствуй ж….а — Новый год! «Тили-тили, трали-вали… по просьбе Афганского правительства… ввести наши части… для оказания интернациональной помощи, братскому народу…» Вот такой приказ значит, в первых числах января 1980 года получили.

Вот мы и поперли, оказывать братскую помощь, дружественному афганскому народу.

Батальон наш первый он же единственный в бригаде парашютно-десантный, остальные десантно-штурмовые, они на технику, мы на вертолеты. Десантировались прямо на аэродром, вокруг чисто поле, сопротивления не было, потерь нет. Как нож в масло вошли, нет, не так, как в г….но вляпались. Вляпались буквально, аэродром на глиняном плато расположен, зима снег с дождем, глину развезло, а нам приказ: «занять оборону приступить к оборудованию места дислокации» Как? Из строительной техники, только малые саперные лопатки. Да как хотите! Вы же десантники, вот и покажите, на что способны.

Через пару дней остальные батальоны, батареи и прочие средства усиления бригады подошли.

Не воинская часть, табор, нет хуже. Боевая техника БМД, БРДМ, машины, полевые кухни, минометы, станковые противотанковые гранатометы, зенитная батарея. Все брошено, все под снегом и дождем на пронизывающем ветру. Между техникой голодные замерзшие солдаты как одурелые бродят, большинство всего то третьего месяца службы, офицеры матерятся, порядок хотят навести. Да какой тут порядок, если они своих солдат толком и не знают, да и сами мечутся как щенки беспомощные. Жрать нечего, спать негде, вода и то привозная. Воюйте ребята! Палатка полевая рассчитана на четверых, ни черта, мы туда весь взвод впихнем, теплее будет. Печка чугунная «буржуйка» модель образца 1917 года, а топлива нет. Полевая кухня есть, а продукты когда будут? А х. й его знает! Сухие пайки жрите. Как это закончились? По плану вам их еще на две недели должно хватить, ничего не знаю, выкручивайтесь как хотите.

Сказку про русского солдата, что кашу из топора сварил, небось, помните? А в песне что поется? «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». Вперед товарищи десантники делать сказку суровой военной реальностью! Сказано — сделано! У кого взять? Где взять? Ясное дело, пусть местное население нам тоже братскую помощь окажет. Ах, они не хотят?! Родной ты мой! Так кто же их спрашивать то будет? Вот в таких обстоятельствах афганцы с пламенными интернационалистами знакомство свели. Так был заложен прочный фундамент дружбы между афганским народом и нашей армией.

Слева от аэродрома подошла и встала гарнизоном 201 мотострелковая дивизия, а у них, мать честная, половина личного состава «партизаны» (прим. автора. «партизаны» жаргонное наименование призванных на время, и уже отслуживших срочную службу солдат. Тогда это называлось: «военные сборы»). «Партизаны» сплошь узбеки, по русски решительно отказываются понимать любое слово кроме «жрать» и «спать». На службу и войну им насрать. Бардака у них еще больше было, а вот материально-техническое снабжение лучше. Дивизию с наскоро сформированной бригадой не сравнишь. Стали наши орлы к ним в гости ходить. Время такое старались выбирать, когда хозяев нет. Делились мотострелки с нами, всем чем только могли, вот только не подозревали об этом. А если ловили наших десантных соколов за этим делом, то подбивали их, но знаете «голод не тетка», прорывались наши избитые бойцы из окружения мотострелков, и добычу с собой уносили. Вот вы как бы их назвали? Только десантура, другого ругательства и не подберешь. Генерал комдив

нашего комбрига подполковника ругал и стыдил. Комбриг ругал и стыдил командиров батальонов, командиры батальонов ставили на вид командирам рот. А те?

Жизнь строевого офицера от быта солдата — срочной службы первые полгода пребывания в Афгане почти не отличалась. Те же палатки, тот же сухпай, та же форма. И тоже неукротимое желание есть досыта и спать в тепле. В упор не видели командиры рот и взводов как уходили на дело их бойцы-мародеры. Вот так родилось в боевой обстановке, полное взаимопонимание между солдатами и строевыми — ротными офицерами. Недавние мальчишки быстро постигли науку, как выжить там, где как бы и жить то невозможно. А каждый офицер точно знал, на что способен подчиненный ему воин. Идиллия! Под такую ее мать!

Бардак это непременное условие и гордость нашей армии. Все меняется, страна, форма, оружие, а вот бардак остается. Этим мы похваляемся и чванимся, перед иными армиями. А вот если случится чудо и бардак исчезнет? Затоскуют тогда солдаты, офицеры и генералы. И вообще это уже не наша армия будет, а какая то иноземная. Но пока стоит нерушимо среди бардака наша любимая Родина, то не быть нашей родной армии — иноземной. На том стоим, и стоять будем непоколебимо! Как пьяный солдат-дембель перед застукавшим его командиром.

В Афгане первые месяцы бардак рос в геометрической прогрессии, и чем больше его пытались искоренить, или хотя бы скромно поставить в рамки, тем сильнее он разливался как вширь так и вглубь.

К февралю 1980 года все более-менее стабилизировалось. Спали в палатках, блиндажах и землянках не раздеваясь, жрали не раздеваясь, про мытье горячей водой даже и не мечтали, обмыли личико холодной привозной водицей и ладно. Закалились, оборвались, нижнее белье и форму не стирали, негде, да и незачем в таких то условиях, обовшивели, но оружие держали в чистоте и полном порядке. Ко всему привыкли. Поняли соколики десантники, хоть воздушные хоть штурмовики службу до самых печенок.

Выписка из боевого формуляра в/ч 44 585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
11.02.1980.	**1-я пдр**	**Кокчинский мост, Ходжагар**	**1 рота была усилена**

расчетами ПКМ и АГС — 17 из второй и третьей рот 1ПДБ По рассказу Владимира С*-Цукера**

— Ребята! Нашу роту усиливают расчетами АГС-17 из других подразделений, и лететь нам на вертушках, брать Чертов мост, — ставит боевую задачу своим многократно проверенным в мародерстве, воровстве и жестоких битвах: за кусок хлеба; банку тушенки и ведерко угля, бойцам — командир первой роты старший лейтенант К***.

Сам то ротным только четыре месяца как стал, взводные офицеры молодняк после училищ, а солдаты в основном призыва осени 1979. Но ничего, уже притерлись, пообвыкли, озлобились, оборзели, в первые месяцы выжили, а дальше уж и так попрет. Опыта боевого нет? А у кого он в феврале восьмидесятого был? Опыт он ведь кровью добывается, и чем больше крови, чужой естественно, тем он дороже. А пороха хватало! Погрузилась рота в вертолеты, полетели. Сколько противника? Знаменитый ну просто стратегический русский ответ: «А х…й его знает!? Бой покажет. На месте разберемся» Усиленная парашютно-десантная рота это всего то шестьдесят пять бойцов, а из этих шестидесяти пяти, пятьдесят восемнадцатилетних пацанов, только, только среднюю школу закончили. А мост обороняло около полтора тысяч афганцев, вооруженных естественно.

В числе приданого первой роте расчета АГС — 17, летел захватывать мост и мой земеля, прозвище Цукер. Настоящее его имя говорить не буду, разрешения такого не имею, но кто служил в то время в первом батальоне, личность его легко идентифицирует. Рассказываю я, об этой операции исключительно с его слов, с официальной версией подвига, эта версия чуть расходится, если какая ошибка и есть, то оставляю это на его совести и памяти. Сам то я в то время, февраль 1980 г., еще книжки на гражданке читал.

Когда наши части вошли в Афганистан, то сопротивления практически не было, афганская армия засела в казармы, и носа своего не высовывала, многие ее солдаты и офицеры дезертировали. В стране неразбериха, кто… как… зачем…, никто ничего не понимал. В Кабуле пытались порядок навести, а в провинциях…, безвластие, да наши отдельно стоящие гарнизоны.

Первое время наши части в боевые действия не ввязывались, да и не с кем было. Отряды моджахедов — душманов — духов, только создавались. Зато по Афгану полно бродило вооруженных дезертиров, и всяких там других любителей половить золотую рыбку удачи в мутной воде безвластия. Вот такой то отряд и захватил мост. В Афганистане других средств сообщения кроме автомобильного транспорта, не было, и нет. Через тот мост, проходили колоны и одиночные машины, и захватившие его дезертиры и прочая, прочая… шваль, очень недурно устроилась. Афганские машины и колоны они или полностью грабили, или пропускали за выкуп. Разок обстреляли и советскую войсковую колонну.

Ах, Вы так….?! Ну держитесь… паскуды! Первая рота к БОЮ!!!

К Бою!!! На рассвете зависли перед мостом вертушки.

— Все вперед! ПОШЕЛ!» — ревет команду офицер, посыпались из вертолетных люков в тусклый рассвет в неизвестность десантники.

— Рооота… в цепь! — надрывая глотку командует высадившимися десантниками ротный, — Справа и слева… перебежками… Вперед! Огонь!!! Расчетам АГС прикрыть навесным огнем наступающие цепи. Гранатами огонь!

АГС-17 «Пламя» это 30-мм автоматический станковый гранатомет, отличная почти безотказная машинка. АГС по существу является миниатюрным артиллерийским орудием. Скорострельность 350–400 выстрелов в минуту, оптический прицел имеет почти трехкратное (2,7) увеличение. Площадь поражения одной гранаты (ВОГ-17М) — 9 кв. м.

Всего АГСов придано к первой роте шесть единиц. Бьет навесным огнем «Пламя». Рвутся на мосту и предмостных укреплениях гранаты. Нет спасения от мелких осколков. Бежит к мосту десантура, с ходу из автоматов и пулеметов поливает мутный рассвет, мост и мечущиеся по нему ошалевшие тени. Оттуда редкая беспорядочная стрельба очередями. Посвистывают пульки. Эх, поймал свою свинцовую судьбинушку солдатик, упал. За ним еще один, вот и взводный офицер валится. Замялись ребята, попадали в зимнюю грязь, залегли под огнем, вжались телами в чужую землю.

— Куда лег раззэтакий…! — заметались вдоль цепи ротные офицеры, — Не ложится….! Под такую…..! Если ляжем всех перебьют! — бьют ногами тех кто лежит, тех кто не хочет под пули вставать, — Вперед в бога и в мать, вперед……

Вперед! Вливается в души злоба, силы придает, и страх куда то ушел. Вперед! Поднялась десантура. Ну, вашу мать, щас мы

вам покажем! А вертушки не ушли, набрали высоту, развернулись, и пошли на противника, его свинцовой смертью из пулеметов поливать, своих ребяток прикрывать. Давайте родненькие, прикрывайте! Потом сочтемся, если живыми вернемся.

Тонковата кишка, оказалась у тех, кто мост оборонял, паника их накрыла, вот и дрогнули они, побежали. Не захотели столкнуться лицом к лицу с озверевшими гяурами, до рукопашной дело не дошло. Взяла первая рота мост, с божьей и матерной помощью, и богатейшие трофеи в придачу. Семеро наших товарищей погибло, да десяток раненых.

Энтих тоже кучу положили. Сколько? Не считали, только заставили пленных, совсем одуревших от страха афганцев, трупы убрать. А потом и их отпусти, валите мол, не до вас, только больше не попадайтесь.

К полудню очухались духи, видят немного наших, захотели лакомый кусочек отбить. Постреляли в сторону моста, мы в ответ, только было собрались они в атаку, да видать духа не хватило. Не пошли. Но постреливать, постреливали все три дня, пока не подошли менять первую роту мотострелки, на БТРах с приданным танковым взводом.

Солдат к медалям, офицеров к орденам представил комбриг. Вот только улыбнулась ст. лейтенанту К*** военная жар-птица. Из штаба армии настоятельно порекомендовали комбригу, представить командира роты к званию: «Герой Советского Союза».

Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой. Операция «Мост» была одной из самых первых боевых удач нашей армии в Афгане. Ну и исторические аналогии свою роль сыграли «Чертов мост» Суворова в Альпах, Аркольский мост Наполеона. А мы что хуже? Нет, и у нас свои герои есть, достойные так сказать, наследники титанов прошлого.

Смогли бы эту боевую задачу выполнить другие солдаты и офицеры бригады? Мой ответ — Да! Любое боевое подразделение 56 ОДШБ выполнило бы этот приказ ничуть не хуже. Впоследствии мы участвовали и в более сложных и тяжелых в боевом отношении операциях. Только на войне у каждого своя судьба, кому пуля, кому орден, кому выговор, а кому и быстрая карьера. А большинству и совсем ничего, это уж кому как повезет.

Старшему лейтенанту К*** повезло. Представить к званию «Герой Советского Союза», присвоить вне очереди воинское звание «капитан», направить на учебу в Академию. Выполнять! Ну так Герой Советского Союза капитан К*** все это честно заслужил, за чужими спинами не прятался в одной цепи с бойцами шел, вышестоящему командованию задницу не

вылизывал, а самое главное то для такого боя потери у него в роте небольшие были.

А весной в Афгане уже тепло, а иные дни даже жарко. В бригаду новые многоместные палатки привезли, кровати, матрасы, постельное белье, солдатам и офицерам новую полевую форму выдали, снабжение хоть и никудышное, но все же было, да и научились солдатики, жить поживать да добро наживать в условиях предоставленных Демократической Республикой Афганистан. Правда к марту треть личного состава бригады по госпиталям мыкалась, не боевые потери, желтуха. Но все равно, хоть личного состава и мало, а война то началась. Стали духи, наши подразделения пощипывать, то колонну обстреляют, то на отдельно стоящую часть нападут, то часовых поснимают. Надо, надо воевать товарищи десантники. Вы что сюда на отдых прибыли? Вам тут понимаешь ли не санаторий! А ну вперед!

Десантуру по ротно, а когда и в составе батальона, стали на боевые операции посылать.

Выписка из боевого формуляра в/ч 44 585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**
21.03.1980	**7, 8 дшр/3ДШБ**	**Ханабат**
29.03. 1980	**3 ДШБ**	**Кундуз**
31.03.1980	**3ДШБ**	**Кундуз**
02.04. 1980	**8 ДШР**	**Ханобат**
07.04.-24.04. 1980	**3 ДШБ**	**Долина Ахтам, Ханабан, Ходжагар, Сараки Мамаи**
09.04.1980– 16.04.1980	**4 ДШБ**	**Долина реки Панджер**

Примечания автора.

Данные по 2 ПДБ отражены в боевом формуляре 70 ОМСБ. Отдельные подразделения 1 ПДБ в указанный период усиливали 3–4 ДШБ. А также участвовали в операциях локального характера и не были внесены в формуляр.

Крупных боев не было, а по мелочи постреляли и порезали духов, те тоже в долгу не оставались. Но серьезных потерь не было.

Тут надо еще и офицерам спасибо сказать, помните, я в начале рассказа, говорил, что всех рас…ев, при формировании

бригады в нее и сплавили. Может они с точки зрения вышестоящего командования, и были рас…ми, а вот по нашему солдатскому мнению, нормальными командирами были. Козлы и «пидорасы» и среди них попадались, но было их меньшинство и погоду в бригаде они не делали. Да и за первые, самые тяжелые, три месяца с начала ввода бригады в Афганистан, солдаты и офицеры не то что сроднились, не было такого, но вот уважали и считались друг с другом это точно.

Не подставляли командиры ребят под пули, берегли как могли, на крови их ордена не мечтали заработать, но и мы в долгу не оставались, пожрать да выпить всегда офицер от солдатских щедрот имел и трофеями делились. А уж чтобы бросить ребят в бой, а самому в укрытии остаться, шкуру спасать, на такое и самый распоследней пидор не был способен.

Конечно офицер это офицер, а солдат это солдат, и промеж ними всякое случалось. Но разбирались по домашнему, почти по семейному. Виноват? Заполучи трендюлей! Больше так не делай. Все без обид, гауптвахт и трибуналов. Офицер беспредельничает, устав его бедного засвербел? Так его свои остановят, объяснят, урезонят. Не успокоился? Не взыщи: «на войне как на войне», получишь от солдатского трибунала. Слухи такие ходили, но у нас в батальоне за время, что я служил, такого не было. А слухи… так не доказано ничего, героически погиб при выполнении интернационального долга.

Вот так значит, служили, по всякому.

Весной 1980 года подкатил дембель и приказ об увольнение, для весеннего призыва 1978 года. А в Афгане барахла, что в Союзе в страшном дефиците, было не меряно. Бытовая электроника, джинсы, кожаные изделия, крестики, все было, чего только душа пожелает. Вот душа дембелькая и возжаждала, добра хапнуть, да дома родных подарками побаловать, перед девчонками и знакомыми по выделываться. Пошло семеро ухарей из третьей роты через посты боевого охранения в самоволку. Раз в селение афганское заходят и в лавочку-дукан. А там товара мало и качество он невысокого. Дембеля самовольщики автоматиками поигрывают, торговцу грозят, и повелевают ему к завтрашнему дню все приготовить, а то помрет он торгаш смертью лютой. Тот все обещает сделать, жизнь то дороже.

На следующий денек ухари забили косяк, курнули джарса (прим. автора. джарс-марихуана, или анаша) и опять через пост охранения проходят, а на том посту мой земляк Цукер стоял. Он их не пускать, ему в лоб кулаком заехали, и дальше пошли, ну не стрелять же в них. А бежать закладывать товарищей своих, то есть доложить по команде об их самовольной отлучке, так это же «за

падло», он же не стукач. Промолчал Цукер, только лоб потер.

А в селении обкуренных интернационалистов уже засада поджидает. В минуту их всех холодным оружием положили, головы им по отрубали, оружие забрали, и ищите ветра в поле.

Пока схватились, пока дежурная рота вниз пошла, времени много прошло. Три трупа безголовых нашли. Вот потому то их стали звать «всадники без головы». А остальных? Искали остальных, искали… и местность прочесывали, и дома в кишлаках вверх дном ставили, и местных допрашивали. До декабря 1980 года искали, я как раз эти операции уже застал и принимал в них участие.

Вот только ничего и никого не нашли.

Слушок ходил, что этим делом душманы долго похвалялись и якобы успели заснять на видеокамеру как нашим ребяткам головы отрубали.

Дело «всадников без головы» нашу бригаду на весь Афган «прославило». Комбриг, комбат, командир третьей роты, таких п…ей из штаба армии получили, что потом в раскоряку долго ходили. У комбрига чуть погоны не полетели. Командиру третьей роты очередное звание придержали, и личное дело строгачем (прим. автора. строгач — жаргонное наименования строгого выговора с занесением в личного дело) подпортили капитально.

Цукеру, которого к тому времени представили к медали «За отвагу», наградной лист в штабе «зарубили».

Забегая вперед скажу: в августе 1981 года работая по наводке армейской разведки, на одной из операций взяли мы одну группу духов, без боя взяли, из засады неожиданно.

Духи и «ах» сказать не успели, как им стволы во лбы смотрят, умирать они не захотели, вот и сдались по хорошему. Стали оружие их складывать. В основном винтовки, советские автоматы ППШ, несколько пулеметов РПД, парочка автоматов китайских АК-47 и один АКС — 74. И вот видит один солдатик, его из третьей роты к нам перевели, а на трофейном автомате АКС -74, а такие только у десантников были, номер ему хорошо знакомый. Он ротного зовет, еще раз номер сличили, тот автомат, тот самый, что у одного из наших «всадников без головы» был. Что тут началось… Я то этих ребят погибших не знал, а мои сослуживцы с ними вместе первые месяцы в Афгане горюшко хлебали. Такое началось… меня стошнило, а потом я отошел, и больше в ту сторону, где пленные были, не смотрел, даже уши заткнул. А ведь к тому времени уже успел всякого насмотреться. Такая вот концовка истории о «всадниках без головы».

Вот так под бражку и спиртик мне земляки основные вехи славного пути нашей бригады и рассказали. Я слушал, мотал на

несуществующий ус, и запоминал. И только после конца каждого рассказа кружку с брагой поднимал и пил с ребятами. Все выпито, все съедено и голова уже кружится. Я вопросительно посмотрел, на земляков, мол пора и честь знать, выдвигаться в расположение роты, спать. Но мое воспитание еще не было закончено.

Забью косяк я в трубку туго
И сразу угощу я друга….

Забили косячок мои наставники в сигаретку, пустили по кругу, пыхнули, и мне показали, как дурь курить. Раньше, хоть у нас в городе издревле коноплей балуются, я наркотики не употреблял. А тут… ну не отказываться же… пыхнул раз, второй и… улетел. Помню только, распевали ребята песенку:

Горит косяк, и у тебя глаза горят
И это все той конопле благодаря
И этот запах конопли
Нас отрывает от земли,
Нас отрывает от земли……

Да было дело. Пыхали бойцы и командиры сороковой армии, пыхали. Не только наша бригада, этим отличалась. У Кандагарской мотострелковой бригады даже прозвище было «раскумарочная». А что вы хотели? Дури этой валом было, стоила она копейки, купить не проблема, где хочешь тебе ее продадут или обменяют. Водка дорогая, браги не напасешься, вот и приловчились наши интернационалисты, скрашивать свои суровые будни косяками. Поскольку я пишу от первого лица, то сразу скажу, мне это дело не нравилось исключительно по физиологическим ощущениям (долбит сушняк, ржешь как дебил, жрешь как свинья), поэтому я, что называется, не злоупотреблял. Иногда пыхал, как говорится за компанию, и все. Но многие на наркоту плотно сели. Ну что еще? Промедолом кололись, опием, но редко, разбавленный одеколоном иной раз баловались, спиртик технический авиационный употребляли. Но в основном все-таки пыхали. Все об этом знали, все без исключения, но помалкивали. Я вот вам одну характерную картинку обрисую:.

Стоит на вечерней поверке рота, как раз накануне великого государственного праздника очередной годовщины Великой октябрьской социалистической революции. В такие дни по традиции командир роты сам осуществляет вечерню поверку. Зачитывается поименный список личного состава.

— Такой то…..- зовет ротный своего солдата.

— Ха-ха, — заливается воин. Морщится офицер, но продолжает:

— Имярек… — зачитывается следующая по списку фамилия.

— О хо-хо, ха-ха, — откликается солдат-комсомолец — интернационалист.

Заливается рота, хохочет, корчатся от смеха десантники, анекдоты офицер роте рассказывают, а не поверку осуществляет.

— Ха-ха, о хо-хо, — радуются великой годовщине бойцы.

Плюет ротный на список личного состава и уходит. Закончена поверка. А утром все как огурчики. Похмелья от косяков не было, вот только жрали или тогда говорили, хавали как…, ну понятно я думаю. Вот только не подумайте, что у нас в бригаде анархия была, знали, знали отцы-командиры, когда надо гайки закрутить, и как это сделать, а когда лучше глаза закрыть, ничего не вижу не чего не слышу. Да и мы солдатня, тоже знали, когда можно и нужно, а когда лучше о дисциплине и воинской субординации вспомнить.

Вы уж нас не судите, только представьте. Кинули бригаду — полторы тысячи молодых здоровенных парней в чужую страну в голое поле. Холод, голод, грязь, война, а в перерывах между операциями попытки хоть как-то подсобными средствами обустроить быт. Отдых? Развлечения? Даже и не мечтай солдат. Твое развлечение это марш бросок по горам, твой отдых это строительные работы. Скучно, тоскливо. А так хочется отдохнуть, так хочется расслабиться, забыть обо всём, забыть… Эх братишка давай косяк что ли забьем…

И заканчивая с сагой о пыхтении, скажу, никто из моих земляков тех, кто пытался приобщить меня к радостям суровой службы, вернувшись домой, наркоманом не стал. Все они на данное время живы и здоровы, и даже алкоголем не злоупотребляют. Нормально живут ребята, насколько можно жить нормально в нашей стране.

На следующий, после знакомства с историей бригады, день я очухался на кровати, раскрыл сонные глазки и удивился: «Мамочка ты моя родная! А где же: «Рота подъем! Выходи строится!», и почему меня, хотя уже полдень, никто пинками с кровати не скинул. Пока валялся на кровати осматривался. Большая палатка ткань двойная, влагу не пропускает такая ткань и в холод тепло в помещении сохраняет. По обе стороны палатки установлены два ряда двухъярусных железных коек рядом тумбочки. На земле деревянный настил из сколоченных досок, две чугунных печки «буржуйка». У обоих выходов из палатки самодельные ящики для хранения оружия и боеприпасов. Вот и

весь мой дом на полтора года.

Выхожу из палатки, в курилку, там сидят мои новые сослуживцы смолят «Смерть на болоте» (прим. автора. Так назывались пайковые сигареты: «Охотничьи»), на меня ноль внимания.

— А что подъема не было? — присаживаясь на лавочку, спрашиваю я.

— Был, — равнодушно выпустив никотиновый дымок отвечает мне собеседник, — и завтрак был, обед скоро.

— А меня, почему не разбудили, — недоумеваю.

— Ты что шнурок совсем оборзел? — разозлился голый по пояс солдат и кинул в урну окорок, у него на худом плече синяя искусно выколотая татуировка: «парашютист в свободном парении». Смерив меня недружелюбным взглядом парень раздраженно добавил, — Тут тебе денщика нет, что бы тебя будить. Сам встанешь.

— Да я не об этом, — слегка смутившись пытаюсь объясниться я, — где развод на ученья или работы, у вас, что каждый встает, когда хочет?

— Общий подъем в шесть часов, но обычно все встают в восемь к завтраку. Ты пьяный был да еще обкуренный, ребята-земляки твои, попросили тебя не трогать, дать возможность отдохнуть, а уж завтра вставай как все, — пояснил мне дежурный по роте, тоже с меланхоличным видом смоливший сигарету в курилке.

— А если бы офицеры зашли? — продолжаю недоумевать я.

— Ну и что? — даже не глядя в мою сторону, дежурный сплюнул в лежавшую посередь курилки, потрескавшуюся резиновую шину от ЗИЛа, промазал и огорченно вздохнув, объяснил:

— Раз спит человек, значит ему положено. Если его пинками не подняли, значит так надо. Не лезут офицеры в нашу жизнь, не их это дело. Мы все вопросы сами решаем, так как нам надо. Понял?

Понял?! Конечно, все понял! Нет, вот житуха, прям по мне! Очень, очень мне бригада понравилась.

А вот обед совсем не понравился, плохо пропечённый черный хлеб — черствый и кислый, первое — жидкий супчик с сушеным картофелем без мяса, второе — каша сечка без масла, третье — я даже в ужасе глаза зажмурил, в бачке поверх компота плавают сварившиеся черви.

— Это они в сухофруктах, жили и жрали, теперь мы их сожрем, — успокоил меня раздатчик, разливавший еду из армейских термосов притащенных с батальонной кухни, — у нас

такое блюдо мясной компот называют. Чего глаза вылупил? Привыкай!

Тарелки? Не было такой роскоши не для нас она. Из котелков ели. Поешь, вымоешь котелок, а хочешь и не мой, твое дело, можешь жрать из грязной посуды, только не удивляйся что тебя отдельно от остальных есть заставят. Где ели? А кто где хочет! Столовой не было.

Еще мне не понравилось, что после обеда погнали на работу. Яма в глубину два метра, почва глина. Объяснили мне, как из этой глины кирпичи формируют, сушат, а затем из этих кирпичиков домики строят, бригаду обустраивают. Норма, на одного бойца, двести кирпичей в день.

— А если я не буду? — попытался борзануть я.

— Все работают и ты будешь, — спокойно сказал мне напарник по работе маленький худенький одетый в одни выцветшие сатиновые трусы солдатик-башкир, — А если начнешь борзеть, мы тебя бить не будем, твоим земам скажем, они тебя и отмудохуют, они полное право имеют своего земляка воспитывать. Ну, как будем работать?

Двести кирпичей в день я научился делать через неделю, землякам меня мудохать и воспитывать не пришлось, они меня честно и сразу предупредили: «не вые…ся». Я и не вые…лся, то есть стал вести себя прилично и достойно, им за меня краснеть не пришлось. Еще научился строить дома, штукатурить, делать двери и рамы из деревянных ящиков, которые ранее использовали для хранения боеприпасов. Приноровился воровать строй материалы. Но это чуть позже, а пока:

— Тебя как хоть зовут? — недовольно и с оттенком легкого презрения спросил я рассматривая этого задохлика. Если дело до драки дойдет то я его соплей перешибу.

— Муха, — назвался щуплый солдатик и уселся на самодельный формовочный ящик.

— Позолоченное брюхо, да?

— Ты вот что, ты шнурок не борзей! — вылез из глиняной ямы еще один солдат. По виду узбек, поздоровее Мухи будет, пошире в кости, мышцы покрупнее, — У Мухи медаль «За отвагу», по сроку службы он ветеран, а ты шнурок, и кем еще будешь неизвестно.

За отвагу? У этого дохляка?! Не может быть! Подкалывают точно подкалывают.

— Пошел ты! Вместе со своими подъ…ками и работой к такой то матери, — презрительно сощурив глаза нагло заявил я. Развернулся и ушел в роту, думая завалиться в палатке на койке и проспать до ужина.

Через десять минут после того как я начал пролеживал бока на тощем матрасе пришел мой землячок Колька А*** и бесцеремонно пинком ноги поднял меня с кровати.

— Будешь Муху обижать, — свирепо заявил он на мое удивление, — я тебя лично урою.

— ?! — лицом я показал крайнее изумление и только потом спросил, — у него чего и вправду медаль что ли?

— У первого в роте, — подтвердил земляк, — он летом восьмидесятого один в бою пятерых духов завалил. Отряд духов с тыла к роте зашел, а Муха в охранении стоял. Увидел их и начал из автомата шмалять, пока подмога не подошла, минут десять один бой вел. Когда духи нас увидели, то сразу свалили. Муха всю роту спас, зайди они к нам в тыл, половину бы в спину положили. Тебе за него, тут любой горло порвет. Понял?

— Ага.

— На первый раз предупреждаю, — поднес землячок свой кулачище к моему сморщившемуся носу, и добавил, — а теперь двигай работать, тут все работают, ты не исключение.

— Коль! А что шнурок означает?

— Так это ты! — захохотал земляк, — до года службы шнурок или шнур, год отслужил — ветеран, полтора — дембель, после приказа — гражданин. Ну я пошел и ты не задерживайся…

Нехотя я поплелся обратно к глиняной яме. А там уже вовсю работа кипит. Разулся, снял штаны и молча залез в яму, глину месить. Глину размачивают водой, месят ногами, полученным раствором заполняют формовочный ящик. Вытаскивают, опрокидывают сырые кирпичи на землю для просушки. И все заново. Технология сохранилась почти без изменения с древнейших времен, до наших дней. Глина, вода, мускульная сила, высокая температура воздуха, вот и возводятся из необожженных глиняных кирпичей: крепости; дворцы; дома, да общем то что угодно построить можно. Мы в бригаде: дома и подсобные помещения строили. Грязная работа, тяжелая и муторная. Где-то час без перерыва работали. Потом вылезли покурить.

— Ты это… ну извини… я же не знал, — чуть смущенно обратился я к Мухе усевшись на обляпанном коричневой глиной формовочном ящике, — тебя на самом то деле как зовут? А то вроде и неудобно Мухой звать.

— Рифкат М*** — протягивает мне сигарету усевшийся рядом маленький башкир, — только зови меня как и все Мухой, меня так еще в школе прозвали, сам видишь на кого я похож…

На кого ты похож? Да на настоящего солдата, вот на кого. В бою не дрогнешь, работать умеешь, перед товарищами не выe…

шся. По виду маленький, да тщедушный? Так это же херня! Зато весь ловкий, жилистый, выносливый, я хоть повыше и поздоровее буду, а уже устал, руки как свинцом налиты, ноги дрожат, а тебе хоть бы хны.

— А я Лёха! — подошел ко мне и белозубо улыбнулся плотный и сильный узбек, — если так то Алишер О*** — протянул для пожатия ладонь, — вместе будем службу тащить, мы с тобой одного призыва.

Жму Лёхе руку, свое имя называю. Вот и познакомились ребята. Перекурили, отдохнули малость, и работать. Вечером уже после ужина, оставшись в курилке вдвоем с Мухой небрежно так спрашиваю:

— Слушай! А ты как умудрился один, столько духов положить? Может расскажешь?

— Да ничего интересного, — как от кислятины морщится Муха, безразлично поясняет, — деваться некуда было.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
25–27 июля 1980 г	**1-й ПДБ, 4-й ДШБ**	**Алишах**	**По рассказу Рифката М***

Первый батальон на Алишах десантировали с вертолетов. Четвертый шел своим ходом на боевых машинах десанта. Под Алишахом советских гарнизонов не было. Афганские части воевать не хотели. Да и из их частей больше половины личного состава: кто дезертировал; а кто и с оружием в руках перешел к духам. Власть в Кабуле никто не признавал. А раз так, то пожалуйте товарищи десантники к бою, укрепите центральную афганскую власть, а то им самим воевать несподручно, да и не охота, убьют еще. Вас тоже убить могут? Ну уж извиняйте, назвались интернационалистами, вот полезайте в пекло. А в июле в Афганистане на самом деле пекло. В тени плюс сорок пять, на солнцепеке вода во фляжках чуть ли не закипает, пот высыхает не успев выступить, по всей форме соляные потные пятна расползаются, подошвы ног горят в рваных армейских ботинках, иссыхает от жажды глотка, и все тяжелее и тяжелее становится тащить свой груз и оружие. Стволы автоматов и пулеметов все металлические части оружия как раскаленные, тронь обожжешься. Тяжелое дыхание идущих в колонну по одному солдат. Уже с еле поднимаются ноги, от тяжести РД ломит спину,

руки безвольно обвисают. Лезет в ноздри пыль, забивает рот, кружится голова и давно уж нет сил идти, а надо. Вот и прёт сгорая под беспощадным афганским солнцем неполного состава рота к заданному участку. Где противник, сколько его? Никто не знает. Войсковая разведка еще толком не работает, сведения из афганских источников доверия не вызывают. Никто не знает и не может знать кто из афганцев на кого тут работает. Вроде пятьсот духов, а может и меньше, вроде тут их базы, а может и нет. Веселее идите товарищи десантники. Соколом! Соколом смотри солдат! Пятьсот духов на неполного состава роту? На сорок измотанных жарой, истощенных от недоедания пацанов? Так это ж вам раз плюнуть духов разбить, вы ж десантники под такую вашу мать, вот и выполняйте приказ.

Разбитые по ротно батальоны осуществляют оцепление указанных приказом населенных пунктов. Район охвата большой. Связь между подразделениями по рации. Если что вопи в эфир о помощи, но лучше надейся только на себя. Пока помощь подоспеет от тебя в таком бою только «вечная память» останется.

Остановилась у окраины кишлака рота, готовится к прочесыванию. По боевым группам распределены бойцы. На расстоянии около километра виден еще один кишлачок. Небольшой, по виду домов на пять. На картах он не обозначен. Но все уже навоевались, вот и знают что надо супротив этого кишлачка заслон установить, мало ли чего.

— Муха! — скрипит пересохшими голосовыми связками командир роты капитан А*** глядя на шатающегося солдатика.

Рост у Мухи «метр с кепкой», вес пятьдесят два кило. А амуниции на каждом солдате по пятьдесят килограммов навешено. Все шатаются всем тяжело. А этот малыш с истощенным худым детским лицом так вообще неизвестно откуда силы на каждый шаг берет.

— А…? — не по военному откликается маленький щупленький солдатик.

Хотел капитан на отклик «А?» употребить военную присказку: «Х. й на!» да не сказал, изморен пацан, вот-вот свалится. Надо ему хоть какую то передышку дать.

— Оставляю тебя наблюдателем, — говорит А*** и рукой показывает на виднеющийся вдали кишлачок, — посматривай, увидишь кого ракету вверх, сам если что, в бой не ввязывайся, к домам отступай. Понял? С тобой, — А*** оглядел стоявших рядом бойцов зацепился взглядом за здоровенного загорелого и тяжело дышащего десантника, — Д*** остается, вдвоем наблюдение осуществляйте.

— Есть товарищ капитан! — довольно ответил Д***.

Здоровый Д*** да рыхлый, тяжело жару переносит. До усёру он отдыху рад. И потом в охранении поспокойнее, не так опасно как в кишлаке. Там больше шансов на пулю нарваться. Бой в незнакомом населенном пункте самый опасный. Особенно в самом начале. Ты противника еще не видишь, а вот он тебя уже на мушке держит. Бац! И ты труп. Нет в охранении оно поспокойнее будет.

Группами по три-четыре бойца ушла рота в кишлак на прочесывание. Муха и Д*** в арыке себе наблюдательный пункт выбрали. Арык это мелиорационная канава, небольшая такая траншея даже Мухе и то по пояс будет. По дну арыка ручеек тоненький струится, кроны деревьев его местами закрывают. Тенек, прохладная водичка, почти как в садах для праведных, где мусульманам место в посмертии уготовано. Из кишлака уже стрельба доносится, а тут тяжесть РД скинули, водички попили, умылись, закурили, одно слово рай. Стрельба доносится?! Так по звуку выстрелов определили, что это наши на панику давят, в основном в воздух пуляют, или на крайний случай поверх голов. Ответных то выстрелов нет. Уже минут тридцать как нет, стало быть отсутствуют духи в кишлаке, или они попрятались, а раз так, то неймется Д*** тянет его трофеями затарится.

— Я пойду погляжу чего там, — встает из арыка и хищно скалится Д***, - а ты тут оставайся.

— Стой! — пытается удержать его Муха. Рослый Д*** коротко боковым справа бьет Муху и челюсть и:

— Заткнись дохляк!

Д*** не пригибаясь бежит мародерничать к ближайшему дому. Муха потирая челюсть смотрит ему вслед, потом вскидывает и опускает вниз ствол автомата.

«Понимаешь, — позже рассказывал он мне, — такая была злоба, такая обида, хотел его убить. Д*** и раньше до меня постоянно доеб…ся. Сам видишь сдачи то я толком дать не мог. А тут такой удобный случай, поквитаться. Никто не видит, можно грохнуть, а потом на духов все списать. И… не смог, не смог и всё тут…»

Залег Муха обратно в арык, челюсть болит, зубы шатаются. Вспомнил как еще в школе все над ним смеялись, каждый обидеть норовил и чуть не заревел от обиды. Ну почему же я такой маленький уродился? Разве я виноват?

Вытри сопли солдат! Оружие к бою! Смотри Муха, ползут духи к кишлаку, в спину ребят долбанут, не ждут наши этого удара, передушат их духи на узких улочках кишлака. А много их! Около сотни будет. К бою! Под такую мать! К бою!!!

Сначала сигнальную ракету. Есть! Пошел вверх красный

сигнал: «вижу противника», а вот теперь из автомата: Огонь! Огонь! Огонь! Только трясется от отдачи АСК, стволом туда сюда ведет Муха. Сменить расстрелянный магазин, и опять: Огонь! Огонь! Огонь! Хрен вы суки пройдете! Близко пули ложатся, залегли и не двигаясь ведут ответную стрельбу духи. И нет больше ничего в этом мире, нет, только цепь противника, только твой автомат и все. Держись Муха! Сменить позицию, сменить магазин, и: Огонь! Огонь! Огонь! Не дать им подняться, не дать пойти на рывок. Не дать передушить ребят на кривых изломанных улочках кишлака. Подготовить для броска гранаты, кинутся духи вперед, гранатами их встречу. Сменить пустой магазин, и опять длинными очередями, по всей лежащей цепи душманов стрелять. Стрелять безостановочно, не дать им поднять головы, не дать собраться силами для атаки. И двигаться, двигаться по арыку, постоянно менять позицию, не дать им себя убить. Последний снаряженный магазин, патронов полно, а вот магазинов к автомату всего четыре. Нет времени забить их патронами. Последние это патроны для тебя Муха, замолчит автомат, рванут вперед духи, и тогда только гранаты. И уходят духи не принимают бой. Впустую щелкает затвор автомата, кончились в магазине патроны.

— Муха! Ты живой?! — на бегу сваливается в арык Колька А*** за ним еще один боец, и еще.

Вот уже все группы роты вышли на окраину кишлачка, и ведут по отступающим духам прицельный огонь. Те уходят, не принимают бой, уходят. Прячутся за складками местности и уходят. Кто перебежками, или ползком, кто бегом напрямую.

— Живой, — еле хрипит Муха, и во весь голос орет, — живой я ребята!

— Глотку то побереги, — после перебежки падает в арык рядом с Мухой капитан А*** и широко улыбаясь добавляет, — Не ори так, а то даже в раю услышат что ты живой. Обидеться еще, что к ним не захотел.

— Да ну его на х. й этот рай! — возбужденно кричит Муха, — меня мама дома ждет, я лучше к ней!

А какие яркие в ночном небе Афганистана звезды и ветерок теплый, даже и не скажешь, что ноябрь наступил. У нас дома только в конце августа такие ласковые вечера бывают. А вот вкус у сигарет противный, самый дешевый табак нам в паек давали. Горек его дымок. В курилке я с удивлением и невольным уважением смотрю на маленького щупленького башкира и все расспрашиваю:

— А что ты чувствовал, а? Один против сотни.

— Да ничего, — пожимает узкими плечиками Муха, —

камешек в ботинок попал, всю ногу растер, пока по арыку ползал промок весь и в грязи перепачкался, а еще у меня носков не было, ботинки на босу ногу носил, а они при перебежках так и хлюпали…

— Врешь!? — не верю я, ну не может такого быть, просто не может и все.

— Нет, — досадливо морщится Муха, — ну не было у меня выбора. И какая хер разница, сотня их была, или десяток… понимаешь зашли бы они к нам в тыл, постреляли бы ребят…

— И ты не боялся? — не успокаиваюсь я.

— Не успел, — беззаботно засмеялся Муха и глядя на моё растеряно недоумевающее лицо, неожиданно признается, — я драться боюсь, с детства у меня это, били меня часто.

— А теперь тоже боишься?

— Когда как, — задумался Муха и повторяет, — когда как…

После боя подходит к арыку Д*** отводит глаза и посвистывает. Вид у него наглый, выражение на морде когда он повернулся в сторону Мухи: «Да чё ты мне сделаешь мозгляк?» Рядом с Мухой одна из групп. Всего четверо ребят из тех, что первыми к Мухе на выручку прибежали.

— Ты это где был? — хмурясь спрашивает Д*** невысокий коренастый Колька А***.

— Не твое дело! — небрежно сплевывая на землю уверенно огрызается Д***.

— Не моё? — врастяжку цедит слова Колька, — значит не моё, — сжимает он кулаки и надвигается на Д*** — Ты сучонок! — орет он, — Я же видел вас двоих оставляли.

— Подожди Колян, — останавливает его Муха, — я сам это дело решу.

Хлюпая мокрыми ботинками подходит к ухмыляющемуся Д*** легко перехватывает половчее автомат и как ахнет ему прикладом по скуле, у Д*** перед тем как он упал только кости хрустнули.

— Отличный «скуловорот», — прокомментировал удар подошедший командир третьего взвода П***, вопросительно поднял выгоревшие густые брови, — А за что?

— За дело товарищ лейтенант, за дело, — мягко успокаивают П*** стоящие рядом бойцы.

— Ну раз так, — отворачивается П*** и уходя предупреждает, — только не до смерти.

Собирают трофеи, подсчитывают потери. В роте убитых и раненых нет, только один Д*** пострадал. Неловко упал бедняжка вот и получил перелом челюсти и сотрясение мозга. Д*** сам идти больше не может? Так его вынесут — на пинках!

Все группы собралась у окраины кишлака. Приказ выполнен, готовы к движению. Трофеи? Оружие духовское брать не стали, да ну его тащить еще такую тяжесть. Все поломали, боеприпасы взорвали. Остальное? Ну это как обычно, затарились как говорится. Потери у духов двадцать убитых, семь раненых.

— Пятнадцать положили в спину при отступлении, а у пятерых пули в голову и грудь попали, — говорит вызванному Мухе капитан А***, - эти пятеро твои Муха.

— С ихними ранеными чего делать? — спрашивает у ротного стоящий рядом П*** и кивает в сторону хоть и пострелянных, но все равно живых духов.

Их по одному отнесли к окраинному дому, перевязали бинтами, напоили водичкой. Вот и вся помощь. И это по сравнению с другими делами верх гуманизма. Просто потерь в роте не было вот им и повезло. Очень сильно повезло. Для той войны настоящее чудо.

— Раненых местным оставим, пусть они их хоть в жопу целуют, хоть режут, нам по х. й, — равнодушно отвечает А*** и глядя на еле достающего ему до плеча, худенького в оборванном заляпанном грязью обмундировании Муху, качает головой:

— Ну кто бы мог подумать…

Я тоже в недоумении чуть качаю головой, глядя сидящего напротив так похожего ребенка Муху. Действительно кто бы мог подумать?

— А Д*** это кто? — спрашиваю я, еще не зная всех своих сослуживцев в лицо и по именам.

— Его от нас перевели в другую часть.

Было в первые дни службы в Афганистане для меня еще одно удивительное открытие. Удивительное, до отвращения.

Ночью чувствую как чешется у меня в паху и под мышками, думал раздражение, перевернулся на другой бок и хотел дальше спасть. Не получилось, все сильнее и сильнее зудит тело. Тихонечко встаю осматриваю белье. Мамочка ты моя родненькая! Да это же вши. Честно говоря я даже обалдел от неожиданности, раньше то о вошках только в книжках читал. А тут… стыдобища то какая! Так стыдно было, что я о своем позорном открытии никому не сказал. Засмеют это раз! Отмудохуют это два. Выкинут вшивое чмо из палатки это уж наверняка. Пару дней в одиночку войну с насекомыми вел. Давил их как мог. Легче не стало.

— Ты это чего тут делаешь? — застукал меня за войной с насекомыми вошедший в построенное из самана подсобное помещение, Лёха.

Я ночью туда юркнул, разнагишался, и расстелив одежду и белье на полу катал по ней овальной формы гранату РГНД давя

маленьких кровососных чудовищ. Услышав Лёхин вопрос, встал с колен и покраснев тихонечко чуть запинаясь попросил:

— Лёха, ты это… ты некому… не говори… а…

— Дрочишь что ли? — подозрительно сощурился Лёха.

— Нет! — испугался я, и брякнул, — вши у меня, бью их тут.

Стою голый и от мучительного стыда весь красный.

— Бесполезно, — широко улыбаясь говорит Лёха, — так без толку их бить. Завтра я своих травить буду, вот и присоединяйся если хочешь.

— Ты? Ты, что тоже вшивый? — растерянно бормочу я.

— У всех тут вши, — рассудительно обыденным тоном объясняет Лёха, — форму и белье прокипятишь вот и легчает, а потом по новой. Уж чего только не делали как с ними не боролись, бесполезно. День, два, опять они появились и кровь сосут.

Приятная новость, нет я без иронии говорю, что приятная. Согласитесь узнать, что не тебя одного пожирают паразиты, это как-то успокаивает. Откуда они вообще взялись эти твари? Ребята потом говорили, что мы от афганцев эту заразу подхватили. Очень даже может быть. Но я по-другому думаю. Понимаете мальчик я был начитанный. Особенно исторические книжечки любил, и не только художественные. Так вот есть такая закономерность, там где у людей резко ухудшаются бытовые условия, когда они недоедают там эти твари обязательно появляются. Можно сказать это физически ощутимый вестник человеческих несчастий, а вовсе не от грязи. За личной гигиеной мы очень следили. Палатки регулярно убирались, сами постоянно мылись, наголо стриглись, кипятили и вымачивали в хлорке белье. Без толку. Все регулярно проводимые санитарно-эпидемиологические мероприятия ощутимого успеха не приносили.

Привык я к постоянному присутствию вошек довольно быстро, и перестал обращать на них особое внимание. Вшивый? Ну и ладно, ничего страшного если вся бригада такая. Как говорится: «бытие определяет сознание».

— А ты почему это решил, что я тут… ну… этим самым занимаюсь, — уже одевшись хмуро спросил я Лёху.

— Бывает, — усмехнулся он, и злорадно улыбаясь рассказал:

— В третьей роте, есть такой лейтенант С*** он первым взводом командует, вот тот постоянно суходрочкой занимается, уходит к позициям спустит штаны и пошел наяривать. Кончил правой, давай левой! Его ребята сколько раз ловили за этим дело. Кликуха у него: «Дроч». И сам по себе говнистый мужик. Весь такой выеб…нистый. Так и прет от него: «Я офицер, а если ты

солдат то значит говно».

— Да и х. й с ним, мы своё отслужим, а ему генеральские жопы еще долго лизать, — отмахиваюсь я и в свою очередь интересуюсь:

— А ты тут чего делаешь? В час то ночи?

— Да я это… ну… — теперь уже Лёха мнется, и смущенно признается:

— Я сочинение пишу, мне А*** приказал.

— А ты про С*** для потомков поведай! — регочу я, — как он свое орудие тренирует, — и глядя на Лёхино удрученное лицо предлагаю:

— Давай помогу, о чем сочинение то?

Лёха узбек, его из горного кишлака призвали. Когда в часть попал, он на русском языке еле-еле говорил. Сначала и очень быстро всего за неделю мат выучил. Потом все остальные части речи. Когда я ним познакомился то словарный запас у него вполне приличный был. Говорил он совершенно правильно часто прослаивая русскую речь матерными словами и иногда узбекскими ругательствами, но писал не просто безграмотно — чудовищно.

Командир роты капитан А*** один раз его объяснительную прочитал, так и взъелся на парня. А*** всучил Лёхе томик поэм Пушкина и заставил их читать, а потом и сочинения о прочитанном писать. Каждую неделю Лёха носил ему свои творения на проверку. А*** проверяет и все повторяет: «Х. ево товарищ солдат, очень х…ево. Будем учиться в личное время, стыдно советскому солдату не уметь грамотно писать». А знаете какая тема у сочинения была? Так вот упасть и не встать: «Образ Татьяны Лариной в поэме А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Ну и А*** ну и шутник. Всяких приколов я уже в армии насмотрелся, но такое… такое изощренное «издевательство» первый раз встретил.

Пока сочинение пишу, Лёха мне матерно жалуется на А***. Очень быстро Лёха переводил А*** из мужского в женский род и обратно, то пассивным началом был А*** то активным, и скотоложством А*** по мнению Лёхи занимался, то вдруг вступал в не предусмотренные уставом извращенные отношения с боевой техникой и оружием. Слушать его было интересно, явным литературным талантом обладал парень. Мыслил и говорил исключительно образами.

Сочинение я за Лёху написал, пока царапал ручкой по страницам тетрадки все вздыхал, дело в том что сочинение на эту тему я писал на вступительных экзаменах в институт. Тогда получил «неуд» и загремел в ВДВ. И вот надо же и тут эта Татьяна

Ларина достала. Мистика однако. Ох как же мне не нравится эта Таня Ларина, у меня одну знакомую девушку так звали, ну и стерва же она была.

— Ты уверен, что это правильно написано? — подозрительно спросил Лёха прочитав мое творение.

— По крайне мере оригинально, без штампов, — ухмыльнулся я и успокоил Лёху, — не боись переписывай, посмеются и отстанут.

А на следующий день, вечером после работ, когда я маясь от скуки валялся на койке в ротной палатке, прибегает с дурной вестью Муха и орет на меня:

— Ты чего Лёхе подсунул? Его ротный за твое сочинение чуть не отпи…л!

— ?! — резво вскочил я с койки.

— А*** так визжит, будто ему яйца раздавили и в звании понизили, — продолжает орать Муха.

Я бегом в офицерский домик. Товарищ капитан… разрешите войти… разрешите обратиться… разрешите доложить…

— Вот значит какое «чудо» к нам с пополнением прибыло, — мрачно констатирует А*** выслушав историю написания сочинения.

Рядом со мной переминаясь с ноги на ногу стоит бледный и растерянный Лёха. Сидят за столом и как-то двусмысленно улыбаются командиры взводов. И стоя передо мной пышет гневом и внимательно рассматривает меня капитан А***. С офицерским составом второй роты это у меня первая встреча. А*** мужик здоровый весь такой кряжистый и я с нарастающей тревогой смотрю как сжимаются и разжимаются у него кулаки. «А за что?» — так и написано у меня на лице.

— Ты что подлец про Таню написал? — риторически на повышенных басах спрашивает А*** и возмущенно начинает цитировать и по ходу дела комментировать мое сочинение. Комментарии были угрожающе матерные.

Ну я то для смеха написал, что-то вроде эротической фантазии о том как Таня известным письмом не ограничилась, и так дала Евгению, что он был вынужден отбыть в путешествие для восстановления сил. О быстром росте и ветвистости рогов ее мужа генерала когда Таня и Евгений вновь повстречались после ее замужества. Ну откуда я мог знать что жену А*** зовут Татьяна, а в девичестве она носила фамилию Ларина?

— Что скажешь в свое оправдание? — злобно глядя на меня спросил А*** когда закончил цитировать мое произведение.

Думаю от мучительной казни меня спасло только то, что в сочинение не было не одного нецензурного слова, все только

аллегориями да намеками ограничивалось, но сильным похабным душком несло от аллегорий и слишком явными были намеки.

— Она мне не дала, — угрюмо признался я, думая отнюдь не о героине Пушкина.

— Ах вот оно в чем дело… — удовлетворенно снизив рык до нормального голоса заметил А*** и оставил меня в живых.

Чуть подумал и тихо добавил:

— А вот я на ней женился.

— Извините товарищ капитан, — смиренно покаялся я и перевел дыхание надеясь, что извинениями все и ограничится. Плохо, очень плохо я еще знал наших офицеров.

А*** устроив допрос и быстро выяснив, что та Татьяна которая поступила со мной самым возмутительным образом, к его жене Татьяне никого отношения не имеет, более того у них разный возраст и их разделяет огромное расстояние, призадумался.

— Ну ладно, я то может и прощу, а Пушкин? — задает мне совершенно бессмысленный вопрос командир парашютно-десантной роты, дислоцированной в составе Десантно-штурмовой бригаде в Афганистане.

В полной растерянности пожимаю плечами. Откуда мне знать, что Пушкин сделает? Может просто за свою Таню морду набьет, а то глядишь и на дуэль вызовет. Так еще встретится с ним надо, а это когда еще будет… и в любом случае я не Дантес и на «солнце русской поэзии» руки не подниму.

— Ты, — больно бьет меня указательным пальцем в грудь, капитан А*** — назначаешься редактором ротной стенгазеты. Свой первый номер посвятишь творчеству Пушкина в разрезе задач выполняемых нашей бригадой в Афганистане.

— Так… — обалдело заморгав глазами начал было отнекиваться я, но А*** не собирался ничего слушать.

— Не сделаешь, пеняй на себя, — отрубил ротный и приказал, — пошел вон!

Номер ротной стенгазеты я сотворил за два дня. Озаглавил я номер таким вот перлом: «А.С. Пушкин в строю 2-й ПДР. Лира рядом с пулеметом» там же была и моя одноименная статья. Оформлять газету мне помогал Муха, оказалось что он неплохо рисует. Правда изображенный на ватмане Пушкин вместо гражданской шляпы носил десантный берет и сильно смахивал на загримированного башкира, а уж на кого была похожа Татьяна я так вообще промолчу, но это не так и важно. Статью про Татьяну Ларину, с учетом выполняемых нашей бригадой задач в ДРА, написал Лёха. Содержание статьи? Ну что-то вроде того: «Никому не даст Татьяна, пока ее парень тут интернационализмом

занимается, а вот уж когда он вернется то…» Должен с грустью признать, что от моей помощи Лёха при написании этой статьи категорически отказался. Половина прилагательных в этой статье были на узбекском языке с под строчечным переводом на русский.

За эту газету замполит роты (совершенно бесцветная личность) получил благодарность от начальника политотдела бригады, цитирую: «за оригинальное и свежее пропагандистское решение в воспитании личного состава подразделения в духе советского интернационализма». Газету у нас тут же отобрали и послали на конкурс в Краснознаменный Туркестанский военный округ. Там то она сгинула. И еще, для меня самое главное в этой истории, я подружился с Мухой и Лёхой.

А.С. Пушкину
18 ноября 1980 г. из Афганистана в Иномирье.
Милостивый государь
Александр Сергеевич,

Вы только представьте как надо знать и любить Ваше творчество что бы связать Вашу изумительную поэзию со вшивой полуголодной и постоянно матерящейся десантурой в Афганистане. Я такую попытку дерзнул предпринять, опубликовав сей скромный литературный опыт в рукописном издании «За Родину!». К моему глубочайшему сожалению этот номер, в силу не зависящих от меня обстоятельств, не могу Вам представить для одобрения и корректуры. Смиренно приношу Вам свои извинения, за то что ранее в своей рукописи, безосновательно позволил подвергнуть сомнению девичью честь Татьяны Лариной. Но и без Вашего вмешательства честь и достоинство Вашей героини успешно защитил командир гвардейской роты капитан А***.

Надеюсь, что учитывая это обстоятельство, Вы не станете при возможной встрече в иномирье бить меня по лицу и вызывать на дуэль. Ставлю Вас в известность, милостивый государь, что в любом случае я не Дантес и на «солнце русской поэзии» руки не подниму.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть,
милостивый государь
Вашего поэтического превосходительства
покорнейший слуга

*гвардии ефрейтор Б****

Афганистан, провинция Кундуз, в/ч 44 585 1980 год от Р.Х.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
20–21. 11.1980.	**1-й ПДБ, 4-й ДШБ**	**Захейль**	**Каждая рота действовала отдельно**

Так вот с Мухой и Лёхой я дружил. А остальными? Да в общем-то то обычные отношения были. С земляками традиционно товарищеские, с большинством приятельские, кого то терпеть не мог, с некоторыми частенько дрался. Не было у нас в роте большой и дружной армейской семьи. Большая и дружная армейская семья…. здоровый воинский коллектив… басни это все. А уж если об армии как о семье говорить то уместно другую поговорочку вспомнить, вот эта житейская мудрость как выстрел хорошего снайпера в «яблочко» попадает: «В большой семье еб… лом не щелкай!» Ничего, все нормально как и в любом армейском коллективе.

— Не могу больше эту парашу жрать, — я брезгливо посмотрел в термос который наряд по роте притащил с батальонной кухни и убрал свой котелок. Каша сечка без масла, каждый день одно и тоже.

— Не хочешь не жри, — безразлично ответил помахивая черпаком наголо стриженный рослый боец с моего взвода Витек, он сегодня раздатчиком был.

— Отойди — предложил он, — не задерживай народ.

У четырех принесенных термосов собирались вечно недовольные едой бойцы.

— Так что мне голодным что ли ходить? — ища сочувствия заорал я и посмотрел на соседей. Муха и Лёха промолчали, а вот еще один боец с нашего взвода:

— Хочешь ходи, — разрешил Филон, усмехнувшись посоветовал, — не хочешь не ходи все в твоих руках.

В моих руках был только пустой алюминиевый котелок и совет высокого дочерна загорелого и бритого на лысо Филона я воспринял как оскорбление. Уставился в его серые глазки и заявил:

— А вот ты в своих руках только х…й, удержать можешь.

— Думаешь, тебя земляки защитит? — засопел Филон.

— Да я сам за себя отвечу! — явно нарываясь на драку вызывающее бросил я.

Вечером за ужином было скучно, хотелось развлечений, хотя бы и просто подраться, тем более худощавый Филон впечатление сильного противника не производил.

— Ты что, — останавливая дернул меня рукав х/б Муха и предупредил, — он же тебя враз отмудохает.

— Кто? — я презрительно посмотрел на Филона, и пнул ногой по термосу, — Этот что ли?

— Филон оставь его, — попросил Лёха пытаясь протиснутся между мной и Филоном.

— Филон, — вмешался подошедший замкомвзвод Фаик, — проучи этого шнурка, а то я смотрю он совсем оборзел.

— Пошли, — буркнув предложил Филон и первый не оглядываясь пошел на ристалище.

Договоренные драки у нас за батальонной кухней всегда проходили. Там удобная площадка была. Всякими там боевыми искусствами я не владел, бил как умел. Вот только Филон умел намного лучше. Впоследствии довелось мне всякие боевики иноземные смотреть с участие разностилевых боевых мастеров. И вот что думаю, доведись Филону с ними схлестнуться, шансов у этих мастеров просто не было бы. Оказалось, что парень владеет самым совершенным боевым искусством, дворовой дракой, стиль широко известный в России. Это искусство наши бойцы с младенчества изучают, детский сад, школа, танцы, рубка стенка на стенку и конечно армия.

Скорость, координация движений и реакция у Филона были такие, что я только два раза успел взмахнуть рукой намериваясь провести прямой правой в челюсть и оба раза приходил в себя на земле. Как Филон серии ударов проводил я даже заметить не успевал. Губа разбита, набухает по глазом фингал, ноет челюсть, болят ребра, еле двигаюсь. Хотел поразвлечься? Вот и получай!

— Еще хочешь? — даже не запыхавшись спрашивает Филон.

— Здорово, ты бьешь, — тяжело дыша признался я.

Проверяя языком целость зубов и вспомнив о том, что такт и вежливость лучшее оружие цивилизованного человека, скромно попросил:

— Поучишь, а?

— Тебя что каждый день пи…ть? — скалится Филон.

— Да ладно тебе Филон, — примирительным тоном я признавал своё поражение.

Потом до дембеля Филона то есть год, он обучал меня приемам дворового боя. В дворовой драке все работает: руки; ноги; корпус; голова. И очень быстро мне эти навыки

пригодились. Не думайте не в бою с духами, там до рукопашной дело просто не доходит, а в драках. Разные бывают обстоятельства и всегда помня о том, что такт и вежливость лучшее оружие цивилизованного человека, очень-очень полезно уметь бить: рукой; ногой, головой.

— Кстати насчет жратвы, — небрежно заметил мне Филон, когда мы вернулись в расположение роты, — могу показать как это делается, мне как раз напарник нужен, а ты вроде как ничего…

Умываясь и смывая кровь с разбитого лица я вопросительно глянул на льющего мне воду Лёху.

— Не ходи с ним убить могут, — сливая мне в подставленные ладони воду из котелка шепнул Лёха.

— Э… — вняв его предостережению стал отказывать я.

— Ну и жри до дембеля одну парашу, — разозлился Филон.

— А что хоть делать то надо? — заинтересовался я уже не обращая внимания на предостерегающе толкнувшего меня Лёху.

— Склад с пайками у лётунов ломанем.

— Как?

— Если пойдешь то увидишь.

Ну что ж далеко не первый из сынов человеческих я внял демону искусителю. Хотя как раз демоном то Филон совсем и не был. Он предложил, я согласился, все по честному, просто не мне одному совсем уж обрыдла войсковая пайка.

Воровство, грабеж, разбой вот как это в уголовном праве называется. Хотя если подумать то можно и иначе, ну например: отработка учебно-боевой задачи: «проникновение на охраняемую территорию, посредством нейтрализации часового, и преодоления технических средств защиты». Как хотите так и называйте. Если вы сытый законопослушный гуманист — тогда это безусловно разбой, если вы полуголодный обозленный солдат — тогда это умелое применение военной выучки в обстановке максимально приближенной к боевой.

Летчиков снабжали великолепно, кормили разной вкуснятиной как на убой, а их сухие пайки, это вообще мечта армейского гурмана. Были они нашими соседями, просто рукой подать, а их склады охраняли доходяги из БАО — батальон авиационного обслуживания. Вот туда мы и намылились с дружеским так сказать визитом.

Ночью взяв из каптерки трофейные ватные халаты и захватив два вместительных общевойсковых мешка приходим на продовольственный склад авиаторов. Склад — сборный модуль, территория ограждена двумя рядами колючей проволоки. У ворот склада «грибок», под «грибком» мается от скуки часовой.

— Ты почему сука тыловая, честь советскому десанту не отдаешь? — начинаю я отвлекать внимание вооруженного БАОошника.

— Да пошел ты! — воспрянув и радостно ожививший подается на провокацию часовой.

— Да я тебя сейчас… — грожу я и упоминаю разнообразные способы при помощи которых можно заставить БАОшника отдать свою честь.

Но твердо знает часовой, что согласно уставу караульной службы его «честь и достоинство охраняется законом» и ничуть меня не боится. Смотрит он на меня, грозит автоматом и ведет пылкую дискуссию о том кого следует считать п…сом и тыловой «крысой». Пока мы значит демонстрируем друг другу свои познания в матерном приложении к русскому языку, с тыла склада заходит Филон, перебрасывает через колючую проволоку грязные уже давно все изорванные ватные халаты и успешно преодолевает оба ряда колючей проволоки.

— А еще ты… — не сводя с меня негодующих глаз увлеченно ведет свою ругательную арию часовой и не закончив фразу падает. Это Филон подкравшись бьет его кулаком в затылок. Жалко конечно пацана, но ведь не до смерти же.

Все остальное дело техники. Пломбы с двери склада срываются, замки взламываются штык-ножами, и все твое…

Быстро доверху набили два мешка, оставили в качестве вещественного доказательства преступления обрывки халатов на колючей проволоке и домой.

Ну а дома, в палатке то есть… так вот мы же не «крысы» что бы под одеялом втихоря жрать, мы как и положено со всем взводом поделились, а я со своей доли еще земляками пару банок сосисочного фарша отнес да печенья с шоколадом, еще пачку сигарет «Золотое руно». Накрыли в палатке стол, сели от души поели. Завистливые взгляды и явные намеки наших соседей по палатке ребят со второго взвода молча проигнорировали. А пайки у летчиков отличные, такая вкуснятина просто пальчики оближешь.

— Ты сходи к офицерам и им пожрать отнеси, — распорядился Фаик когда мы уже почти насытившись за ночным пиршеством, помогали пищеварению покуривая и смакуя медовый аромат сигарет «Золотое руно».

— А чё я им скажу? — поразился я.

— Так и скажи. Шел, увидел мешок, что делать не знаю, решил вам отнести, — сыто и снисходительно улыбаясь учит Фаик и глядя на мое вытянувшееся лицо спокойно пояснил:

— Не боись они все как надо поймут, и еще, — тут Фаик

наставительно поднял палец вверх, — командиры должны знать, что ты нормальный солдат, службу понимаешь и верить тебе можно.

— А вот интересно, а почему в летных пайках спирта нет? — развалившись на кровати расстроился Витек.

— Должен быть, — поддержал его Филон, — но мы искали, да не нашли.

— И без спирта хорошо, — подал голос со своей кровати Муха.

— Летуны уже свой спирт давно выжрали небось, — уверенно предположил сидевший рядом со мной Лёха.

— Ну так я пойду? — встал с табуретки я и загасив окурок в пустой консервной банке взялся за лямки мешка.

Знаете что я услышал, когда в офицерском домике изложил предложенную легенду и передал вещмешок капитану А***.

— А вот интересно, а почему в летных пайках спирта нет? — проверив содержимое «находки» расстроился А***.

— Небось они его сами весь выжрали, — кивнув в мою сторону выдвинул версию командир второго взвода чернявый лейтенант Г***.

— Мои бойцы на такую подлость не способны, — вступился за честь своего взвода лейтенант П***.

А*** испытывающее посмотрел на меня и даже принюхиваясь потянул носом воздух, мне скрывать было нечего, я был абсолютно трезв и смело от души дыхнул в лицо своему командиру. А*** поморщился, а П*** засмеялся.

— Свободен, — махнул на меня рукой А*** и уже у порога комнаты я услышал:

— Молодец!

Как на строевом плацу учебки образцово щелкнув каблуками выполнил я поворот «кругом» и встав лицом к отцам-командирам отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Такая вот, сильно разная была служба Советскому Союзу.

На следующий день мы узнали, что переодетые в советскую форму душманы, напали на военный склад летчиков, злодейски похитили военное имущество, но не успели совершить диверсионный акт против летных пайков, так как разводящий со сменой вступили с ними в неравный бой, и испуганные враги под покровом ночи бежали. Была произведена инвентаризация похищенного и оставшегося имущества. Ей богу мы бы столько унести просто физически не смогли бы, но акт был составлен, а это знаете ли документ. Наверно зав складом был нам очень благодарен. Правда, командир вертолетного полка, хотя и

«поверил» в душманское нападение, но все же пошел к комбригу и попросил больше так не делать. «Мои пилоты тоже кушать хотят» — так он обосновал свою принципиальную позицию. Комбриг довел его позицию и свое к ней отношение до строевых офицеров. Вертолетчиков у нас в бригаде особенно в первом ПДБ очень уважали. И ротный приказал, что бы мы к летчикам в гости больше не ходили.

— Я смотрю, ты уже созрел, пора и на боевые выходить, — закончил он разговор.

Как я уже говорил, мои первые боевые операции связаны с поиском «всадников без головы». Мы упорно пытались найти хотя бы их тела. Сбор на первый выход это вообще умора, я сдури то выкинул из РД сухпаек, а набрал патронов и гранат, а этого добра у нас было, «бери, не хочу». Обвешался пулеметными магазинами, прямо герой-разведчик, забрасываемый в тыл врага. Старослужащие, наблюдая за моими сборами, злорадно переглядывались и ухмылялись. Муха сердобольно посоветовал выкинуть патроны и гранаты:

— Тебе четырех магазинов за глаза хватит, — улыбаясь, сказал он.

Но я то был уверен, что все лучше всех знаю, и на его совет ответил презрительной гримасой.

— Пусть тащит, коли охота, — засмеялся командир расчета АГС — 17 и мой земляк Цукер.

Первый раз мое место в боевом расписании было в расчете АГС — 17. Вес ствола — тела гранатомета — восемнадцать кило. Ствол в чехле за спиной на удобных лямках тащит первый номер, он же наводчик. Вес станка на который устанавливается ствол — двенадцать килограммов. Станок на лямках несет второй номер. Вес круглой патронной коробки со снаряженной лентой — четырнадцать кило да еще пятьсот грамм в придачу, а вот эту неудобно носимую дрянь мне всучили. Сунули мне в руки две снаряженных коробки и вперед: «За Родину!». Первые три километра марша, я еще мог, смотреть по сторонам. Потом руки у меня обвисли, а подмена боевым расписанием не предусмотрена. Проклял я тяжелое вооружение, вообще, и АГС -17 в частности. Потом к обвисшим рукам добавилась разламывающаяся под боеприпасами спина. Знаете сколько я напихал это добра в РД? Не поверите?! Пятьдесят килограммов! Вот какой дурак был. Дальше больше — прем без привалов, ножки у меня в сапогах стерлись, а от усталости стали явственно подрагивать. Вот тут то и понял я, почему наш батальон «горно-копытным» прозвали: наши стопы — копыта; наше место — горы. Вперед горнокопытный десант, вперед. Мое штатное оружие — ручной

пулемет при движении все норовил съехать из положения «на грудь» в положение «стволом по морде», а когда его поправишь, то прикладом по жопе все норовил двинуть. Я уже ничего не видел, никуда не смотрел, а мечтал только об одном, наткнутся на противника, вступить в бой, чтобы иметь законную возможность упасть и расстрелять проклятые боеприпасы. Но противника не было, и наша рота всю ночь промоталась в его поиске, без привалов. Думал, не выдержу, умру.

— Привал! — на рассвете скомандовал командир роты.

Трупом я свалился на мокрую от росы землю.

— Встать! — я лежу, я умер, не трогайте меня, — Встать! — пинок под ребра, поднимаю голову и смотрю, как командир взвода лейтенант П*** заносит ногу для нового удара, вежливо так меня спрашивает, — Кто за вас ефрейтор, огневую позицию оборудовать будет? — рычит — Встать!

Ну, как откажешь в такой деликатной просьбе? Встал, отстегнул малую саперную лопатку, пошел копать. Покопали. Окопались. Время жрать. Все достают сухпайки, я гордо отвожу от жратвы голодный взгляд, у меня одни патроны.

— Ей придурок, быстрей сюда иди, — крайне тактично и вежливо приглашают меня откушать Муха и Лёха.

Я не пошел, я полетел к раскинутой плащ-палатке, на которую был вывален сухпай. О! Изысканнейший вкус черного заплесневелого сухаря. О! Изумительный аромат консервов «минтай в масле». Помню и сейчас как трещало у меня за ушами, когда я вас уплетал.

Через сутки безрезультатных поисков вернулись в часть. Стертые до кровавых мозолей ноги, неподъемные чугунные руки, омертвевшая спина. И стыд за то, что был нахлебником у ребят. Такой значит, был итог боевого крещения. Правда, романтично?

Но ничего через пару выходов, небольших перестрелок, стал я вполне приличным солдатом. На войне быстро учатся. Из пулемета бил не хуже чем иной снайпер из винтовки с оптикой, подошвы ног заросли мозолями. Мышцы спины и пресса специально тренировал, на самодельном тренажере «римский стул», остальные мышцы на турнике. Вечером коли было настроение вел учебные драки с Филоном. Каждый вечер качался, чтоб не сдохнуть в горах. Ну а дыхалка у меня отличная была. Я ведь не один такой был, все кто хотел нормально служить, так делали, с разным успехом, но делали. Кто нормально хотел… но были и другие…

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район Боевых действий	Примечания автора
25. 11.1980.	1-й ПДБ, 4-й ДШБ	Седарон	Каждая рота действовала отдельно

Разок в самом начале закинули нас в горы, перевал блокировать. Закрыли мы его постами. Ноябрь, в горах холодина, ветер косточки продувает и пересчитывает, негде от него спрятаться на вершине. Был у меня приятель, еще по учебке, вот с ним на пару, на посту стояли. От ветра ямку откопали, вроде окопа, укрылись, сухпай пожевали, прижались друг к другу теплом общим погреться. Только чувствую запашок пошел, специфический, говенный, толкаю приятеля, а он сомлел. Ладно думаю пусть кимарит, а хоть ветер был, но запашок всю ночь стоял. Что за чудо? Обкакался «дружок» мой, обосрался если точнее. Прямо в штаны навалял. Утром я это заметил по штанам его, но промолчал, мало ли чего случилось, может заболел дизентерией. Дальше по горам двинулись походом, а этот не может идти и все, взяли у него всю его амуницию та еще тяжесть, даже свой автомат и тот отдал засранец. В горах каждый грамм тонной давит, а тут еще и чужое нести, очень тяжко. Но несли, куда деваться, не бросать же добро. Перестрелка небольшая была, так ничего страшного, пульнули по нам издали из винтовок, да никого даже не зацепили, мы в ответ из автоматов и пулеметов, огоньку дали. Вороги наши и свалили, не пошли на огневой бой, ушли. Мы дальше двигаем. Смотрю где «дружок»? А нет его! Перестрелка закончилась, тут он и нарисовался, оправдывается, болею мол, да еще и без оружия, вот и спрятался. Ладно, с кем не бывает. Вернулись домой в бригаду, его к врачу отправили. Оттуда из ПМП (пункт медицинской помощи) он в роту уже не вернулся, через денек встретил его в офицерской столовой, объедки он за штабными офицерами убирал, холуйком стал. И такое бывало.

Ну а меня на операции, уже постоянно брали, своим я в роте стал. Далеко не на каждой операции были перестрелки, раненые и убитые. В ноябре-декабре восьмидесятого года боевых потерь у нас в роте не было. Так это у нас, а у них? Были. Я тоже стрелял, а куда деваться, выбора то не было. Как первый раз произошло? Он в горах в меня из винтовки бабахнул и промазал, а я нет. Дал короткую на три патрона очередь из пулемета, был человек и нет его. Рассматривать убитого не стал. Мимо прошел, а потом…

Потом я стал ждать когда же муки совести меня донимать начнут, морально готовился к душевным страданиям. А вот нет

их и все. Желудок исправно вырабатывает сок, аппетит отменный, сон беспросыпный. Настроение самое обычное, мысли все насквозь заурядно — практичные. Вот тут то я и испугался. «Ну, — думаю о себе, — урод ты моральный. Атавизм ходячий. Как же это так? Вот у всех душевные муки есть, а у тебя нет? Урод, точно урод» Стал осторожненько ребят расспрашивать: что да как? А у нас на эту тему никогда не разговаривали. Вроде как и нет никаких убитых, вроде как по мишеням мы стреляем.

— Ты это о чем? — подозрительно смотрит на меня землячок Колька когда я как-бы издалека разговор завел.

— Ну Коля понимаешь… — попытался я объяснить свое недоумение.

— Выбрось эту херню из башки, — выслушав меня категорично посоветовал он и зевнув спросил, — ты не знаешь чего сегодня на ужин дадут?

Ладно, не хочешь говорить я других спрошу:

— Муха, слышь, — вечером после ужина перед входом в палатку, задерживаю я дружка, — а вот ты когда своих первых завалил чего испытывал?

— Ничего, — пожимает плечами Муха и встревожено интересуется, — у тебя чего живот что ли болит?

— А тебя совесть не тревожит? Ничего не снится по ночам? — отводя взгляд и понизив голос спрашиваю я.

— Точно, мне сегодня такая баба приснилась… — мечтательно протянул и заулыбался Муха, — просыпаюсь, а совесть как дубовый кол стоит.

Все ясно. Никто на эту тему говорить не хочет. Все под внешней бравадой скрывают свои душевные переживания и страдания. Только я чурбан бесчувственный. Нет ну почему? Я же помню, когда книжки читал, то чуть ли не до слез героям в их душевных муках сопереживал.

— Филон, — уже перед отбоем после тренировки резко и неожиданно спрашиваю я, — ты когда человека убил, что чувствовал?

— Никого я не убивал, — прекратив отряхивать приставшую к одежде пыль изумленно смотрит на меня Филон, — кости бывало че ломал, а больше ничего.

— Да я сам видел как ты духа завалил, — возмущенно повышаю голос я, — помнишь на последней операции.

— Так он же в меня стрелял, — пораженно заморгал глазками Филон и недоумевая спрашивает, — ты чего обкурился что ли?

— А что дух по твоему не человек? — все настаиваю и настаиваю я.

— Человек наверно, — ладонями продолжив отряхивает х/б

от приставшей глины безразлично отвечает Филон.

Мы на площадке за палатками отрабатывали приемы уличной драки, вот он и перепачкался.

— Нет, я не пойму, — бросив очищать форму и уже не шутя разозлился Филон, — ты чего доеб…лся? Что было бы лучше если бы меня убили?

— Нет, — устыдился я, поспешно добавил, — конечно нет.

— Тогда чё тебе надо? — нахмурился Филон и выслушав мои сбивчивые объяснения коротко резюмировал:

— Да пошел ты на х…й!

Еще пару попыток я предпринял, ужом старался в чужие души вползти и… о доме, о водке, о бабах, женщинах и девушках мои товарищи разговаривали охотно, о боевых операциях (дело то обычное) вспоминали довольно равнодушно, а вот о чужой смерти… недоуменные взгляды, явное непонимание и заметное раздражение: «Чего это он хочет?» и в конце такого разговора только одно короткое пожелание: «Да пошел ты на х…й!»

А еще в последних числах ноября пришел Афганец. Афганец это чрезвычайно сильный ветер, способный переносить миллионы тонн пыли на расстояние до нескольких тысяч километров. Афганец это красно-бордовая буря до предела насыщенная микроскопическими частицами красно-коричневой глины. Афганец это воздух пропитанный пылью до высоты нескольких километров. Пыль забивает палатки, пропитывает одежду, застилает глаза, затрудняет дыхание, скрипит на зубах. Дышать можно только через самодельную, изготовленную из бинтов, марлевую повязку и то с трудом и уже через минуту марля от пыли становится черно-красной, как запекшаяся кровь. Афганец это красно-бордовый сумрак и уже в двух шагах от себя ты ничего не видишь. Учащенно бьется сердце, нечем дышать, глухая тоска сжимает душу и остается только одна мысль: «скорей бы все закончилось». Афганец это усиленные сдвоенные посты в охранении, усиленные посты у складов с боеприпасами и вооружением, усиленные посты в автопарке и штабе бригады, у каждой палатки сдвоенный вооруженный автоматами наряд. Смена каждые полчаса, больше не выстоять и горе тому кого настиг Афганец в пустыне или полупустыне. Горе всем на кого идет эта буря. Буря афганской войны.

Палатки полу занесло песком, почти вся рота в караулах и на усилении, в расположении осталось только десять солдат и один дежурный офицер командир четвертого минометного взвода.

Сменившись с поста дневального я зашел в подсобное помещение каптерку. Плотно закрыл за собой дощатую самодельную дверь, снял бурую марлевую повязку, экономя воду

чуток умылся, выпил воды. Вроде как и полегчало, отдышался. Достаю прихваченную с собой двенадцати листовую ученическую тетрадку, шариковую ручку и при тусклом электрическом свете начинаю писать. Пытался что-то вроде дневника вести. Может и пригодится когда. Только хреново получалось, слова невыразительные, изложенные мысли банально — ходульные. Ну и ладно, все равно никому его не покажу, а себе и так сойдет. Увлекся.

— Письмо домой пишешь?

Вздрогнул и обернулся на голос, поспешно закрыл и убрал в карман х/б мятый с затертой обложкой дневник.

— Воды слей умыться, — негромко попросил вошедший в безоконную каптерку командир минометчиков лейтенант О***.

У него лицо как в гриме. Там где была марлевая повязка, кожа чистая смугло-загорелая, а выше корка налипшей глины, только белки глаз сверкают. Из термоса набираю в котелок и затем сливаю в подставленные ладони воду. О*** довольно фыркая умывается.

О*** не кадровый офицер. После окончания университета с военной кафедрой и офицерских сборов ему присвоили звание «лейтенант» и призвали служить на два года. Было тогда такое. Это в штабах все штатные единицы заполнены, а в строю вечно «взводных Ванек» не хватает, вот военные кадровики и заполняли пробелы как могли.

Умывшись О*** роется в мешках сложенных в каптерке и неразборчиво крайне недовольно ворчит.

— Спрятанную тут бутылку командир роты когда уходил на дежурство, себе забрал, — решил я ему помочь, и насмешливо добавил:

— В большой и дружной офицерской семье ебл…м не щелкай!

— А ты откуда знаешь? — хмуро спрашивает О*** и подозрительно смотрит на меня.

— Каптер сказал, когда уходя ключи отдавал, — все еще улыбаясь доложил я, предложил:

— Могу бражкой угостить.

О*** заколебался, это был принципиальный офицер и абы с кем не пил. А тут мало знакомый солдат, да еще и не с его взвода.

— Товарищ лейтенант, — решил я облегчить ему нравственные терзания и сомнения, — эту брагу ваши ребята, когда на усиление уходили, специально для вас оставили и меня предупредили: «Смотри! Если будет О*** хреново, то угости его» А я же вижу как вам хреново…

Бушует за дощатой дверью «Афганец» и так хреново О*** что

он соглашается:

— Ну ладно доставай.

О*** не уходит в одиночку глушить бражку из фляги в офицерском помещении, он благородно предлагает:

— А ты будешь?

Если О*** надеялся, что я откажусь, то он сильно ошибался, не таковского напал, избытком благородства я никогда не страдал.

— Ну если вы приказываете товарищ лейтенант, то я обязан подчинится, — радостно оскалился я, достал и протянул О*** свой котелок.

— Гм…, - чуть разочарованно бормотнул О*** и покачал полулитровую флягу на руках.

Ну что такое пол-литра слабо алкогольной браги на двоих? Это даже не выпивка, а так… можно даже сказать издевательство над выпивающими людьми.

О*** льет мне напиток в котелок, сам пьет из фляжки. Сидим на куче сваленных бушлатах мелкими глотками смакуем сильно пахнущую дрожжами бражку.

По виду и по манере поведения О*** совершенно от кадровых офицеров не отличается. Тот же мат при отдании воинских команд, та же командная хрипотца в голосе, то же умение заставить даже самого наглого солдата выполнить почти любой приказ. И в военном деле он вполне прилично разбирался. И по своей минометной части дока был и командиром боевой группы на операции ходил. Офицер как офицер. На сугубо мирного гражданского интеллигента на которого чуть ли не силком напялили военную форму, О*** совершенно не похож. Хотя мирный, скромный, неловкий, обремененный дипломом и комплексами юноша интеллигент говорящий солдатам «вы» и не умеющий командовать, пить водку и воевать, это или донельзя затертый художественный штамп или просто рудимент иных времен. Наш студент, умеет пить, материться, драться, в безвыходных ситуация на экзаменах и зачетах проявляет смекалку, выдержку и беспредельное нахальство. А студент живущий в общежитии, да на одну стипендию это вообще элита студенческого сообщества и готовый командир для наглых, матерящихся, пьющих и не желающих служить как надо солдат. Чуток военных знаний, немного боевого опыта и вот вам офицер способный тащить службу «Ванькой-взводным» в любом роде войск.

— А вот интересно, где это вы постоянно дрожжи и сахар достаете? — облизывая губы крайне бестактно спрашивает меня бывший студент и выпускник физико-математического

факультета, ныне и присно и до дембеля командир минометного взвода лейтенант О***.

Всем своим видом демонстрирую удивление и возмущение его крайне бесцеремонным вопросом. «Какой вы невоспитанный человек!» — говорит О*** моё вытянувшееся с разводами еще не смытой глины лицо. Такой вопрос по военному этикету это дурного воспитания. Если офицер поймал солдата с брагой или водкой, то отбирай, проводи допрос, накажи в конце то концов если уж так приспичило. Но если тебя угостили, а ты принял угощение, то спрашивать: где; зачем; почему, это то просто… ну просто моветон.

— Да я так интересуюсь, — слегка смущается О*** и пытается исправить возникшую неловкость, — вдруг самому пригодится.

— На хлебопекарне 201 дивизии меняем на патроны, — нехотя признаюсь я

— ?! — от удивления даже раскрыл рот О*** — Да на кой патроны хлебопекам нужны? Этого же добра и так завались…

И точно, вот чего-чего, а уж боеприпасов особенно патронов и гранат навалом было. Никого отчета в их использовании не требовалось. Цинки с патронами, гранаты без запалов прямо в палатке у оружейных ящиков валялись, «бери, не хочу». Да еще у каждого в РД по одному б/к — боекомплекту было. Б/К это четыреста патронов в пачках и четыре гранаты.

— Это трофейные патроны, — болтая в котелке остаток браги поясняю я, — пекари из них сувениры делают. Дома небось вые… ться будут: «вот мол мы какие лихие… вот какие у нас трофеи… вот сколько духов положили…. а вот эту самую пулю у меня прямо из груди вытащили…» Тут главное, — чуть улыбнувшись продолжаю я, — чтобы маркировка на патронах с иностранными буквами была. Больше всего патроны от английской винтовки «Бур» ценятся, еще патроны с иероглифами от китайских АК хорошо идут. — И поспешно во избежание последующих вопросов добавляю, — Мы уже все обменяли, больше нет.

— И браги больше нет? — тоскливо спрашивает не утоливший жажду О***.

Пожимаю плечами: Нет.

— Неужели и для П*** ничего не осталось? — скорбит О *** и вонзает мне слова прямо в сердце:

— Какие же вы х…вые солдаты, совсем не заботитесь о командире, а вот П*** вас всегда защищает.

Оскобленный до глубины души, я в запале кричу:

— Да мы для него два литра приготовили! Только, только бражка дошла…, - и прикусываю язык.

О*** довольный удавшейся провокацией смеется и хлопает меня по плечу.

— Ничего не знаю… я пошутил… не скажу… — и закончив фразу сжимаю зубы и смыкаю губы ну прямо хоть картину маслом пиши: «Допрос партизана».

— Да ладно тебе, — радостно улыбается Игорь О*** — Сашка П*** все равно эту брагу нам отдаст. Не пьет он эту дрянь…

— Не ври лейтенант, — не верю я.

Потому как твердо знаю, нет в армии непьющих офицеров и подло клевещет О*** на моего командира взвода.

— Слово офицера, — торжественно клянется О***.

Слову О*** я поверил и не ошибся. Действительно в силу дурного воспитания и неизвестного науке дефекта в психике кадровый офицер П*** брагу не пил, водку употреблял в малых дозах и очень редко. Кроме того он не курил, и почти не матерился. Нет вы чего плохого не подумайте, во всем остальном он был вполне достойный офицер. А не пьет…не курит… не кроет матом… ну что ж… в конце концов у каждого есть свои недостатки.

Достаю из потаенного места еще две фляги с брагой. Пока я рылся в углу каптерки О*** деликатно повернувшись ко мне спиной смотрел как сквозь щели дощатой двери продолжает мести в помещение бурую пыль «Афганец».

— Тебе когда на пост? — перед выпивкой осведомляется О***.

— Через два часа, — отворачивая колпачок фляги отвечаю я, а сам думаю каких же п…лей мне отвесят ребята когда узнают как бездарно был израсходован запас взводной браги.

— Протрезвеешь? — заботится о службе ответственный за роту лейтенант О***.

— Было б с чего, — вызывающе говорю я и делаю первый глоток.

Пьем молча минут пять. А потом… ну вы же сами знаете у в нас в стране даже запойные пьяницы и самые забубенные алкаши и то молча не пьют.

— Слушай Игорь, — фамильярно перехожу на «ты» и зову офицера по имени, — у тебя случайно почитать ничего нет, а?

— Есть томик прозы Лермонтова, — не удивляется вопросу Игорь, — да ты же вроде Пушкина предпочитаешь? Я твое сочинение по Ларину читал, а потом и статейку в стенгазете…

О*** мелко и как мне представляется противно хихикает, а я все равно под его критикой не клоню головы. «Завистники всегда губят талант» — мрачно думаю я и делаю из фляги глубокий глоток, брага скользнув по пищеводу смыла мою обиду на О***.

— Много ты в литературе понимаешь, — уверенно кинулся я на защиту своей статьи и…

О литературе сейчас говорят развалившись на стопке грязных бушлатов полупьяный проваливший экзамены в институт солдат и выпивший призванный после окончания университета офицер. Да я и сам понимаю, что трудно в это поверить. Вот только о чем еще было говорить? О войне и службе? Да ну ее на х. й! Не затем пьют в Афгане что бы о нём говорить, за тем и пьют что бы хоть на время о нем не думать. Рассказывать о доме и девушках? Так разные у нас дома и общих знакомых нет. Лучше уж о литературе… век девятнадцатый сменяет двадцатый, почти безостановочно грохочут на нашей планете войны, простые люди так и не могут помять: «им то зачем истреблять друг друга?», но падают убитые солдаты, и оживают и снова идут в атаки что бы умереть еще раз теперь уже в книгах. В тех книгах которые напишут их выжившие товарищи. Может и про нас кто напишет. Главное чтобы не в парадные расчеты нас построили, а рассказали о том какими мы были на этой ненужной нам войне где мы убивали, чтобы не быть убитыми.

— Слышь Игорь, а вот у тебя как было, вот ты что чувствовал когда первого убил? — вернулся я к занимавшей меня теме.

Мы как раз повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» вспомнили. Сначала горько посетовали, что у нас в батальоне зенитный взвод из одних парней состоит. Затем я осторожненько поинтересовался его мнением о художественной достоверности той части повести где старшина Васьков девушку-зенитчицу утешает и рассуждает о нравственной ломке которую должен переживать человек убивший себе подобного. И только потом, в упор, как в живот выстрелил, спросил: «Ты что чувствовал когда убил человека?»

— Я же минометчик, — морщится крайне недовольный вопросом О***, - моё дело команду отдать: «Прицел… беглым огонь…», а там куда мина попадет…

— Не п…ди! — грубо обрываю я О***. Сейчас он для меня не офицер. Кто? Да просто товарищ, сослуживец с которым за флягой браги говорю о литературе и о войне вот потому и повторяю:

— Не п…ди Игорь! Ты же боевой группой командовал, мы же не всегда с минометами на операции ходим.

— Чего ты дое…лся? — неожиданно резко повышает голос О*** и он сейчас не с подчиненным ему солдатом говорит, а почти со сверстником, — Ничего такого я не чувствовал! И переживать по этому поводу не собираюсь! Понял?!

Тускло желтый от электрической лампочки свет в безоконной

каптерке. Тускло желтое лицо у Игоря и у меня наверно такое же, уже только на донышке фляжки осталась брага, и все метет и метет Афганец.

— Думай о простых вещах, — помолчав советует Игорь, — пожрать, выпить, поспать, — чуть улыбнувшись краешком потрескавшихся губ продолжил, — как офицеров нае…ть. Иначе ты служить тут не сможешь. Обо всем остальном дома подумаем… если вернемся.

Через две недели О*** убьют. Колонна машин за продуктами шла в Союз, лейтенант О*** и его взвод были назначены в сопровождение. Машина в кабине которой ехал Игорь подорвалась на мине. Игорю оторвало обе ноги, он умер от потери крови. Ребята говорили, что он не мучился быстро отъехал. А пока:

— Тебе пора, смена скоро, — вставая с кипы бушлатов негромко говорит О*** и приказывает, — Пошли, мне тоже посты проверить надо.

Надеваем марлевые повязки, пыль на них красно-черная как запекшаяся кровь, выходим из каптерки. Бушует Афганец и марлей закрыты у нас рты. Непроницаемой стеной стоит красно-бурая пыль, так тяжело дышать и не видать что там вдали. С закрытыми ртами, сомкнутыми губами и сузив глаза почти ничего не видя идем мы на посты. Мы не знаем, что ждет каждого из нас. С закрытыми ртами, сомкнутыми губами и сузив глаза прошли мы по этой войне. И что бы выжить в этой буре надо думать только о простых вещах: «Пожрать, выпить, поспать, как офицеров нае…ть, как не нарваться на пулю, не подорваться на мине». А все остальное… повторю короткое пожелание своих сослуживцев: «Да пошло оно все на х…й!» Пусть каждый сам хоронит своих мертвецов. И все бушует в памяти красно-коричневая буря, которую мы называли просто по имени: «Афганец».

А еще в первые месяцы службы в Афганистане было у меня тайное горе. Очень много оно мне нравственных страданий принесло и чем сильнее я о нем хотел забыть тем чаше мне про него напоминали. Дело в том, что мне просто фатально не везло с воинскими званиями. Ну то что я единственный в учебной роте в Гайджунае при выпуске получил чин ефрейтора, это еще не горе, со всяким такая беда может случиться коли такое звание в армии предусмотрено. Как говорится с кем не бывает. А вот то что в роте куда попал служить, я оказался единственным ефрейтором меня сразу как-то насторожило. Рядовые у нас были, сержантов хватало, а вот ефрейтор я один. И чего ранее со мной никогда не было, стал я при перемещениях по батальону и бригаде погоны

солдат срочной службы разглядывать. И вот через пару недель мрачное подозрение превратилось в твердую уверенность, я не только в роте, но и во всей бригаде единственный ефрейтор. Как же мне за это досталось! Если командир роты со зловещей улыбкой меня спрашивал: «Вы это, что себе позволяете, товарищ ефрейтор?» То я сразу понимал никакие отговорки не помогут, меня подловили с очередным залетом, и будь готов ефрейтор получить хороших ну просто огромным трендюлей. Если командир взвода лейтенант П*** с утра вставал с левой ноги, а я в недобрую минуту попадался ему на глаза, то он обязательно спрашивал: «А почему вы товарищ ефрейтор предусмотренные уставом знаки различия на погонах не носите?» Дело в том что свой гайджунайский позор, тоненькую сиротскую и такую одинокую лычку я на погоны никогда не пришивал. А П*** требует: «Немедленно пришить, а потом прийти и доложить» Несколько раз я слезно умолял командиров:

— Ну разжалуйте вы меня! Ну чего вам стоит, я же не отпуск прошусь в конце то концов.

— Товарищ ефрейтор! — с офицерской лаской пенял мне капитан А***, - вы совершенно о товарищах по роте не думаете.

— Это еще почему? — чувствуя грядущую подъ…бку угрюмо спрашивал я.

— В трудный час посмотрит на вас, товарищ ефрейтор, наш боец, — улыбается ротный, — ему сразу на душе веселее станет, он то нормальный солдат, а уж никак не ефрейтор.

— И пришейте наконец знаки различия, — добавляет П***.

— Ну на конец это то по желанию, — хохочет ротный, — а вот на погоны обязательно.

Ну ладно офицеры, не слишком уж и часто они вспоминали о моем воинском звании, а вот товарищи по роте… Вот сколько звезд на небе столько раз я и выслушал что: «лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора». Я стал мрачен, злобен и ужасно раздражителен. Особенно меня Фарид В*** боец из второго взвода доставал. Он татарин как и я, только я с Волги, а он крымский. Призвали его из Узбекистана. Прозвище у него Челубей. Так вот эту фразу про сына и дочь, он аж на трех языках повторял, на русском, татарском и узбекском. Еще у нас и настоящий немец во втором взводе служил, из Казахстана парня призвали, так вот его Челубей попросил выучить как поговорка про ефрейтора и на немецком языке звучит. Тот его и обучил. Достал он меня полиглот хренов. Два раза я гордо бросал ему вызов: «Ты козел! Пойдем поговорим!» И два раза был избит, роста мы были одного, но мышечной массой он меня раза в три превосходил. Жизнь моя стала горька, судьба туманная, военная

карьера неопределенна, а воинское звание «ефрейтор» ненавистно. В сладких мечтах я видел, как стою перед строем роты, а с моих погон «с мясом с корнем» срывают ненавистную лычку. И вот, дело в феврале было, сплю я на своей койке в палатке, помимо тощего байкового одеяла еще и шинелью укрылся и снится мне чудный, просто волшебный сон.

Стою я горе и точно знаю, что это греческий Олимп. Вижу сидящего на троне седовласого величественного старца. На голове у старца золотой обруч, в правой руке лира, в левой развернутый свиток. На свитке надпись: Гомер «Илиада». Сам знаю, что место поэтов это Парнас, но это же Гомер. Геркулеса же к богам причислили, а Гомер это Геркулес изящной словесности. Кабы не поэты, то кто бы про этого Геркулеса то знал? Заслужил Гомер божественный титул, да еще как заслужил! Вот это да! Попасть на Олимп увидится с самим Гомером, значит достоин, достоин и еще раз достоин! От такого счастья ликует моя душа. Дело в том, что до двадцати лет, я не только пописывал стишки, но и весьма самонадеянно считал, что обладаю незаурядным поэтическим даром. Стишки были такого качества, что в слове «пописывал» как угодно ставь ударение и в любом случае не ошибешься. Ну да ладно. Подхожу я значит строевым шагом к Гомеру и приветствую его:

— О ты! Сладкозвучный отец поэтов, рад увидеть тебя на Олимпе! В месте для достойных, самых избранных поэтов.

— Это вы то избранный поэт? — недовольно отвечает мне Гомер, и с едким сарказмом спрашивает, — Вы что это возомнили о себе товарищ ефрейтор?

О бессмертные боги Олимпа! Неужто и Вы знаете, что я ефрейтор? Нет мне спасения. Вижу что и тут придется мне вместо кубка с амброзией, испить горькую чашу позора.

— О ты богам подобный! — ответствую я Гомеру, стараясь чтобы в моей речи прозвучали и «стопы» и «ямбы», — За что мое терзаешь сердце? Иль мало я страдал? Иль мало мук я испытал? Божественный орел терзает печень Прометея, так и мне с насмешкой страшной, напоминают о моем позоре! О сладкозвучный! Многоямбный! О сжалься надо мной!

— За твой бред, что осмелился ты называть стихами, — крайне язвительно и в прозе бросает Гомер, — тебе еще мало досталось. Как жаль, что нельзя тебя сварить в кипящем масле.

Но сравнение с богами Гомеру понравилось. Даже великому поэту все равно приятна беспардонная лесть. Подумал Отец Поэтов, пожевал губами, поморщил в раздумьях высокое чело и молвит:

Гомер: Коль ты клянешься, не позорить поэзию
Своим бесстыдным рифмоплетством,
То дам тебе совет от мудрых

Ефрейтор: Клянусь, великой «Илиадой»

Гомер: Так помни же свою ты клятву
А теперь внимай:
Прекрасную Елену
Парис похитил
Конь эллинов зашел за стены Трои
И царь Итаки
Многомудрый Одиссей
Циклопа ослепил
Для умного достаточно
Сего услышать
Коль не поймешь
То оставайся
Богов насмешкой
Ефрейтором…

Ефрейтор: Постой, постой
А как же…

Гомер: Прощай!
и помни клятву

Ефрейтор: Слова твои
на сердце камни
так холодно мне стало
наверно это лед Аида

Просыпаюсь, шинель сползла, одеяло не греет, холод собачий. Достаю упавшую на дощатый пол шинель, укутываюсь и согревшись размышляю: А чего бы это значило? Если это вещий сон, то где прямые указания? Если нет, то какого черта мне Гомер приснился? Ругаю великого старца: «Такой сякой не мог ясно что ли сказать? Я же не под стенами Трои нахожусь, а в Советской армии служу» Вообще то я знаю, что любого поэта, вином не пои, а дай только себе любимого процитировать. Вот и Гомер не удержался, намолол как обкурившийся дельфийский оракул, а я теперь голову ломай. И вот тут меня и осенило, все враз стало понятно. Парис с прекрасной Еленой, Троянский конь, Одиссей и

Циклоп, это же прямое указание к действию, это же подробный план, пусть он и зашифрован, но я не зря добровольно, еще раз подчеркиваю добровольно читал «Илиаду» и «Одиссею». Да я не царь Итаки Одиссей, но зато десантник пусть даже и ефрейтор.

Был у меня трофей: ручка «Паркер» с золотым пером, я ее даже на водку менять отказывался, так она мне дорога была. Где взял? Шел… шел… да и нашел, на боевой операции. И мечтал я этим золотым пером написать свои самые лучшие творения. Но раз уж поклялся не сочинять больше стихи, то надо держать свое слово. Зато я точно знаю кто спит и видит такую ручку заиметь.

И вот утречком, с тяжелейшим вздохом жгу в печке буржуйке свой дневник в котором писал кроме документальной прозы и поэтические творения. Жечь то жгу, а сам весьма нагло сравниваю свой поступок с решением Гоголя предать огню вторую часть «Мертвых душ». Утешился таким сравнением и прямиком направился в штаб бригады. Одет, строго по уставу. Даже кирзовые сапоги начистил. Захожу в палатку, где строевая часть размещается и:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться?

— Слушаю вас, — удивленно смотрит на меня начальник строевой части полный лысоватый и вечно всем и всеми недовольный капитан Х*** и с недоумением спрашивает:

— Вас разве вызывали?

По доброй воле, солдаты в штаб не ходили, а уж строевую часть вообще избегали.

— Товарищ капитан! — лихо докладываю я, — в честь грядущего праздника, дня Советской армии и Военно-Морского флота, разрешите сделать вам подарок.

Достаю из кармана и передаю капитану «Паркер».

Х*** рассматривает ручку и ликуя определяет:

— Да у нее перо золотое!

— Так точно! — мужественно-строевым голосом подтверждаю я, — золотое.

Х*** вертя в руках «Паркер» с сомнением на меня смотрит. По своему, по штабному он был честный офицер и потому сразу предупредил:

— Раньше времени на дембель отправить не могу, комиссовать тоже и с отпуском вряд ли получится.

— Да я не за этим, — мягко успокаиваю я его.

— А зачем? — сурово и подозрительно спрашивает Х***.

Вид у него такой, будто я «враг рода человеческого Вельзевул» и собираюсь предложить ему, продать Родину. А он заранее набирается сил для гордого и решительного отказа.

— Мне товарищ капитан вот какая помощь нужна… —

вежливо прошу я и разъясняю: что; зачем и почему. Прошу сохранить моё инкогнито.

— Ах это… — с облегчением вздыхает капитан, и убирает в стол мой подарок, уверенно обещает:

— Это я запросто сделаю, на праздник приказ будет готов.

— Спасибо товарищ капитан! — радостно я его благодарю и опять таки по уставу спрашиваю:

— Разрешите идти?

— Идите ефрейтор, — улыбается Х*** и уже по свойски предлагает, — заходи если что…

Двадцать третье февраля. На передней линейке делает вид, что застыл в строю пока еще трезвый батальон. Суровый комбат торжественно зачитывает праздничный приказ по бригаде: поздравления, поощрения и тут как запнулся комбат и прежде чем огласить следующую строку приказа внимательно не в слух еще раз ее прочитал, потом как засмеется и… цитирую дословно:

«За успехи в боевой и политической подготовке присвоить рядовому В*** воинское звание: ефрейтор…»

Как загогочет да заржет вся вторая рота. Нарушая праздничную торжественность построения, прямо в шеренгах все ново представленного ефрейтора Фарида В*** поздравляют, не просто так, а на четырех языках. Мой мучитель соплеменник и полиглот херов стоит весь красный, вот-вот слюнями как ядом от злости забрызгает. Вот так-то. И от себя лично поздравляю вас товарищ ефрейтор! Бог он все видит, а справедливость обязательно восторжествует. Только для этого надо внимательно читать «Илиаду», видеть вещие сны и бросить писать стихи.

Два ефрейтора в одной роте это перебор и меня быстро прекратили подкалывать воинским званием. Зато Челубею… в общем это уже неважно. В качестве заключительного аккорда, всем заинтересованным лицам сообщаю: на дембель Чулубей ушел живой и здоровый, но в звании: ефрейтор; я же держа слово данное Гомеру навсегда бросил пописывать стишки. Каждому своё.

А вообще то декабрь, январь, февраль самые скучные месяцы были, операций почти нет, хозяйственных работ мало, ерундистикой типа строевой подготовки и зубрежкой уставов мы не занимались. Эти три месяца в одну серую пелену слились, в караулы ходили, самоподготовкой занимались, вот и все собственно. Скукатища.

А когда солдату скучно, он что делает? Нет, милые это кот свои причиндалы вылизывает, а воин ищет развлечений и приключений, и иной раз находит их прямо на свою задницу.

Водка дорогая была, бутылка двадцать пять чеков стоила, чек

в Союзе один к пяти шел, а пузырь водяры на Родине стоил четыре рубля двенадцать копеек. Те, кто в Афгане водкой торговал, озолотились. Но выпить хочется, тем более новый 1981 год, на носу, надо встретить. Собрали все свои трофеи, и пошли на аэродром. Как я уже говорил аэродром, кроме военных еще и гражданские функции выполнял, летали там и гражданские самолетики, следовательно, было и местное население. Вот им мы трофеи и загнали, потом у менялы обменяли афгани на чеки. И получилось триста. Вот на них то мы водочки и купили. Двенадцать бутылок вышло. Весело, весело встретим Новый год! Идем, мы значит с аэродрома все такие затаренные, довольные счастливые. Бац, на подходе к бригаде, офицерик штабной нас ловит:

— Что?! Куда! Зачем? РД к осмотру!

А вот х. й тебе! А не осмотр. Не отдадим родную!!! Вот попробуй, догони! Бегом марш! Убежали, только слышу, кричит мне в спину штабной капитан:

— Да куда ты денешься? Я же тебя узнал!

Только успели все спрятать, как вызывают меня в домик офицерский.

— Что в РД было? — это ротный страшным голосом спрашивает, зверюгу из себя строит. А тут и давешний капитан, сидит на табуретке и улыбается. Довольный, как будто ему орден дали, за то, что в штабе бригады штаны протирает.

Краснею я, молчу, невинность и скромность играю, не знаю, как Станиславский оценил бы мою игру, но штабной капитан поверил. Задушевно так голосит:

— Признавайся солдат, имей мужество, раз попался, то говори.

Так я тебе и расколюсь, жди, не на такого напал, а водку все равно не отдам, не для тебя старались.

— Я товарищ капитан…. - начал я мямлить, — вы же понимаете…..

— Давай солдат говори… говори… — поощряет игру капитан.

— Я за хлебом к летчикам ходил… за белым… сами знаете, какое у нас снабжение…. Вот и просил их поделится…. Чем могут… но если вам надо, то я сбегаю за хлебушком…. Отдам вам…..

— Позор! — визжит капитан, — вы не десантник, а побирушка! Кто еще с тобой был?

— Не знаю я их, вроде из четвертого батальона, если встречу обязательно вам скажу, — плачущим голоском заливаюсь я.

Покричал офицерик, кулаком погрозил, а ротный обещал

меня сурово наказать, и наказал, Новый 1981 год я встретил дневальным по роте.

— За что?! — уже не притворно зарыдал я.

Накрыт стол, ждет в кружке водка, а тут в наряд.

— За то, что попался, — с недоброй улыбкой ответил ротный, — за то, что я выслушивал от всяких… из-за тебя. Еще раз попадешься, получишь в бубен! Понял?!

Так точно! Все понял. И больше я с водкой не попадался, но и других залетов у меня было предостаточно. Как наказывали за них? Да по разному. Сделать замечание или объявить выговор? Ой как смешно! Даже самые, самые тупоголовые штабисты и то до такой глупости не опускались, а строевые офицеры об этом даже и не задумывались. Да кого взволнует полученное замечание, или обеспокоит выговор? Да никого, только рассмеется солдат за спиной у офицера, а то и глядя прямо ему в глаза вежливо поинтересуется: «Ты что, дурак? Или совсем допился?». Наряд вне очереди? Так это почти не наказание. Подумаешь, отстоишь на посту с автоматом два часа, так потом четыре отдыхаешь, а других обязанностей у наряда в то время не было. Арест на гауптвахте? Так не было ее, не построили еще, не до того было. Вместо ареста ямы рыли. Откопал ямку посидел в ней, поспал, отдохнул от тягот службы и пожалуйте обратно в строй товарищ солдат. Дисциплинарный батальон? За то время что я служил никого туда не упекли. Кроме лишения свободы по уголовному делу, я вам все меры дисциплинарных наказаний предусмотренные уставом перечислил: замечание; выговор; наряд вне очереди; арест; дисбат. Не работали они у нас, никто этой херни уставно-дисциплинарной не боялся. А солдаты чем дольше служат тем больше наглеют, а воспитывать их надо, а воинская дисциплина должна быть. Была у нас дисциплина, была, прямо скажем особенная дисциплинка, военно-полевая.

Стою я ночью на посту номер один и охраняю воинскую святыню — знамя части. Полотно знамени упаковано в чехол и опечатано, чехол с упакованной святыней хранится в БРДМ (боевая разведывательная десантная машина), БРДМ стоит в трех шагах от караульного помещения и тоже опечатан, сама караулка расположена на территории штаба бригады. Уставная смерть нашей части охранялась прямо как в сказке: дуб, ларец, птица, яйцо, игла. Правда я на дракона охранителя никак не тянул, но так и дело не сказке было. А было дело в том, что накануне выдали нам дополнительный месячный десантный паек — банку консервированного сгущенного молока. Месячную норму, я за пять минут выхлебал, и вот стою на посту и пучит меня. Сил терпеть уж нет, а до смены еще час остался. Положено на пост

номер один самых лучших солдат ставить. Так на что положено, уж давно наложено. Не лучший я был в роте солдат, совсем не лучший, если откровенно то полный расп…дяй, именно поэтому и стоял на посту номер один, в трех шагах от палатки караульного помещения, почти на виду у начкара. Выйдет начкар поссать видит стоит у знамени часовой, ему и легчает. Выйдет дежурный по части по своим неотложным делам, смотрит, бдит часовой у знамени, вот он и спокоен, будет жить бригада. А у часового смерть в глазах и так живот пучит, что чувствует часовой стоит ему промедлить минуту и навсегда будет замарана его воинская честь. Буквально замарана, поносом замарана. Такое дело не то что до дембеля, а и после службы с хохотом сослуживцы вспоминать будут. Да ну его на х…й это знамя! Ничего с ним не станется за пару то минут, вот и кричу я второму часовому, что охранял вход в караульное помещение:

— Лёха! Присмотри за постом, а мне сбегать посрать надо.

— Ладно, — равнодушно отвечает Лёха О*** и не спеша закуривает, нагло начхав на обязанности часового строго прописанные в уставе караульной службы.

Бросил я пост, побежал, на бегу достаю из подсумка газету «На боевом посту» ее в ТуркВО издавали. Читать ее конечно никто не читал, но другой бумаги не было.

Возвращаюсь на службу в боевой строй с пустым кишечником и песней в душе. Уж так мне хорошо стало. Глянул на пост и тут же мне подурнело. Стоит у поста номер один мой командир взвода он же начальник караула лейтенант П***, а рядом с ним дежурный по бригаде командир двенадцатой роты капитан Т***.

— Товарищ лейтенант за время несения службы происшествий не случилось, — сдури докладываю я и весь замер.

За самовольное оставление поста, за то что бросил я беззащитной воинскую святыню, меня должны немедленно снять с караула, посадить под арест, а потом отдать под суд. Начальнику караула должны впаять строгий выговор с занесением в личное дело (т. е. надолго испортить парню карьеру), командиру моей роты указать на неполное служебное соответствие (т. е. пригрозить отстранением от командования ротой).

— Саша, — спокойно обращается дежурный по части к начкару, — ты с этим уродом сам разберись, а я пошел.

Капитан уходит, а я стою у знамени части: «не жив не мертв».

— Ну и в чем дело? — тихо спрашивает меня Саша П***.

Объясняю, сильно стараюсь чтобы голос не дрожал, не очень то и получалось. Саша молча уходит в караульное помещение, затем возвращается и приносит две таблетки активированного

угля. Таблетки я выпил, полегчало, дальше караул прошел без происшествий. Это только присказка, а сказка впереди.

Только с караула сменились, так меня раз и вызывают к ротному.

— Мне дежурный по части сообщил о вашем поступке, — испепеляя меня взором, начал говорить командир роты.

Я стою в офицерском помещении по стойке смирно и знаю пощады не будет. Желудок жалобно урчит, душа в пятках.

— Вы что это себе позволяете товарищ ефрейтор?! — не надеясь получить совершенно ненужный ему ответ и повысив голос продолжает спрашивать капитан А***.

Что он мне потом еще сказал я вам передать не могу, но смысл был такой: «что раз такой нехороший солдат и навязался на его голову, то он его или убьет или превратит в хорошего бойца». Ротный у нас гиревик был, мастер спорта, гирька 32 кг. у него в ручках как пушинка летала. Дальше я стал летать в помещении как та пушинка и все искал пятый угол. Помещение небольшое было, и потому пятый угол я нашел довольно быстро, вышиб головой дверь и вылетел на белый свет, без видимых повреждений.

Так если бы это только один случай был, увы нет.

В батальонной батарее СПТГ (станковый противотанковый гранатомет) у меня земляк служил. Танков у духов и в помине не было, стрелять из СПТГ не по кому, вот потому то батарейцы в основном несли службу в боевом охранении. Ребята отлично устроились. Сами оборудовали блиндажи, всячески территорию батареи облагородили, с местным населением афганцами наладили взаимовыгодное сотрудничество. Батарейцы им деревянные ящики от боеприпасов поставляют, те им жратву на выбор. Кудряво жили, я так им завидовал. Но самое главное брага у них почти не переводилась и даже свой самогонный аппаратик умельцы сварганили. Принес я земеле сувениров, пару ручек и китайский фонарик, что взял на последней операции. Пока «за жизнь» болтали он меня самогонкой угощал и еще в дорогу фляжку с бражкой дал. Возвращаюсь я в роту песенку распеваю весь такой счастливый ну просто до потери бдительности счастливый и не вижу что мне навстречу крадется «корейский фельдмаршал» Э***. Он как раз в эту батарею с проверкой шел. Э*** и сам выпить не дурак, вот и был возмущен до глубины души, тем что никак у батарейцев не может найти и конфисковать аппарат и наличный самогон. Батарейцы свое «личное счастье» отлично прятали. Но «фельдмаршал» Э*** попыток не оставлял и частенько их навещал. Когда я начальника штаба батальона капитана Э*** заметил то бежать было уже

поздно. Память у Э*** военная была и личный состав батальона он не только в лицо помнил, но и по фамилиям и прозвищам знал.

— А позор татарского народа! — радостно приветствовал он меня, зловеще сощурив и без того узкие глазки.

Сам Э*** был корейцем, отсюда и прозвище «корейский фельдмаршал».

Дело было летом и форма одежды у меня была соответствующая. Обут в трофейные раздолбанные и дырявые кроссовки, на потрескавшемся кожаном поясе ремень с флягой, на груди болтается пулемет, на чреслах длинные выцветшие сатиновые трусы, вот и вся форма. Сам длинный худющий, наголо стриженный. Но невзирая на внешний вид позором я себе не считал. С подогретой алкоголем обидой я напомнил Э*** что это Корея входила в монгольскую империю, а не наоборот, и кто является позором своего народа вопрос спорный. Спорить Э*** не стал, обнюхивать тоже, и так ясно что солдат пьян.

— Где эти мерзавцы самогон прячут? — закричал Э*** и пообещал, — скажешь, я забуду что тебя встретил. Нет? Не взыщи!

— Да вы что товарищ капитан уху ели? — совершенно искренне возмутился я и от крайнего изумления развел руками.

Э*** не стал визжа цитировать уставы, этот офицер службу знал. Не разоружая меня, но отобрав флягу с брагой, он предложил мне следовать за ним. Я чуть расстроившись побрел в штаб батальона. Э*** зашел в штаб, я остался мяться у порога. Через пару минут Э*** выходит из помещения в руках у него пара боксерских перчаток.

— Ну алкаш! — протягивая мне перчатки без улыбки заметил Э***, - Посмотрим на что ты способен.

За пять лет до призыва я аж три месяца занимался боксом, и был даже удостоен третьего юношеского разряда. Об этом я честно перед боем предупредил Э***. Капитан только ухмыльнулся, он то был мастером спорта по боксу. Прямо на первой минуте схватки я был нокаутирован. Вставать с земли не хотелось, но Э*** бесцеремонно толкнув меня ногой предложил продолжить поединок. Выблевав выпитый самогон, я с трудом поднялся и продолжил бой. Три нокаута, за две минуты, вот результат поединка между пьяным и наглым солдатом и трезвым, злым «корейским фельдмаршалом». На третьей минуте раунда уже протрезвев я все же умудрился боковым справа заехать Э *** по широкой скуле. Э*** разозлился не шутя и так мне двинул, что я только почувствовал как кто-то поливает меня водой. Открываю глаза, фокусирую взгляд, льет из канистры на меня воду

батальонный писарь. Осторожно осматриваюсь, Э*** в пределах видимости нет. Облегченно вздыхаю и с трудом встав поплелся в расположение роты. Голова гудит, бровь рассечена, губа разбита, сам трезв как стеклышко. На следующий день после построения встречаю Э***.

— Здравия желаю товарищ капитан, — по-уставному приветствую я Э***.

— Брага дрянь была, — злобно ворчит Э***, - какое уж тут здоровье.

И приказывает мне:

— На тренировку к штабу батальона бегом марш!

— Товарищ капитан? — пытаюсь увильнуть я от бокса, и жалобно заискивающе улыбаюсь, — Первая рота с операции пришла и трех духов в плен привела. Может на них потренируетесь?

— Разве вы не знаете товарищ солдат, — возмутился Э***, - что избиение военнопленных строго запрещено.

Если бы я сам не видел как Э*** проводит на операциях допросы, то безусловно бы ему поверил, так искренен был его тон, таким неподдельным было его возмущение, а Э*** между тем продолжал:

— Нет в тебе солдат, подлинного советского гуманизма, да что там, — посетовал Э*** и безнадежно махнул рукой, — в тебе даже совести нет, хоть бы предупредил что брага х…вая.

— Да я товарищ капитан… — начал было оправдываться я, но Э*** ничего не хотел слушать:

— Солдат! На тренировку бегом марш!

Еще три дня я был спарринг-партнером капитана Э*** в его занятиях по боксу. Потом он нашел другую дисциплинарную жертву. О том что он меня встретил пьяного с оружием и в не расположении роты, о том что я его фактически послал на х…й Э*** никому не докладывал. Не той пробы был мужик, сам все проблемы решал, как умел. А решать и бить он умел неплохо, уж можете мне поверить.

Вот так или почти так дисциплину у нас и поддерживали. А что было бы лучше, суд, а потом дисбат или зона? Вы решайте как хотите, но у нас в батальоне жалоб вышестоящему командованию на неуставные взаимоотношения не было.

Можно было исключительно по уставу отношения между военнослужащими построить? Ясный день, как дубовый пень! Можно! У нас даже плакатик в ленинской комнате висел на стене: «Живи по уставу! Завоюешь честь и славу!» Что из такой попытки бы вышло, я вам расскажу. Был и такой случай, пытался один боец по уставу жить, но честь и славу он не заслужил.

Как его имя и в каком конкретно подразделении он служил, я говорить не буду. Зачем? Я его немного знал, романтичный юноша был, в десант и в Афган добровольцем напросился. И сейчас мне его искренне жаль. В роте куда он попал служить в самом начале, он там что-то с бойцами не поделил и получил пи…лей. Дело самое заурядное, обычное для мужского коллектива. Боец побежал жаловаться к командиру роты. Ротный вызвал его обидчиков и для порядка их отчитал. Бойцу же офицер порекомендовал, больше к нему не бегать, а то ему же хуже будет. Боец возвращается в палатку и его бьют посильнее, и кроме того объясняют, что стучать на товарищей очень нехорошо. Боец бежит с жалобой к комбату. Комбат вызывает ротного достает «вазелин» и вваливает бедняге офицеру «по самое не хочу» за неумение работать с личным составом. Ротного солдаты уважали, и за полученную им обиду, бойцу хотят сурово отомстить. Офицер просит их пожалеть дурака, его слушают и бойца больше не трогают. Но зато весь личный состав включая и офицеров роты подвергает его полной обструкции. Боец пребывает в обиде на жизнь и тяжело переживает крушение романтических идеалов. И вот рота возвращается с боевой операции и вся затаренная барахлом. Боец, которого на операции не брали, видя принесенные трофеи невоенного характера, решил что настал его час поквитаться с обидчиками. Он потихоньку приходит в особый отдел бригады и докладывает: так мол и так; а вся ***рота включая и командный состав, мародеры.

А бригадные особисты и без него все это распрекрасно знают. Сами такими вещами баловались. По настоящему по служебному особистов волновало три вопроса: обеспечение контрразведывательного режима; пресечение возможности перехода военнослужащих к противнику; пресечение возможной утечки оружия и боеприпасов.

Особисты словесно хвалят бойца за проявленную бдительность, а один из них хорошо ему знакомому начальнику разведки бригады в частном порядке сообщает: «Ой ребята! Это конечно ваше дело, но смотрите как бы вся эта вонь дальше не пошла, мы конечно рапорт придержим… а вы сами уж как нибудь разберитесь».

Начальник разведки бригады просит зайти к нему командира *** роты. Вдвоем решают, убрать «бдительного» бойца в другое подразделение, а то если солдаты узнают, о том что боец и в особую часть на них стучит, то точно его убью.

Переводят бойца в другой батальон. Бригада это ж большая деревня, все друг про друга знают, вот вместе с бойцом и «слава» его переходит. Новый ротный зная все обстоятельства перевода

возмущается: «Да на х. й он мне такой нужен!» и сразу предупреждает своих солдат: «Вы смотрите с этим поосторожнее». В первую же ночь на новом месте, сослуживцы бьют бойца, что называется до потери пульса. Бойца опять офицеры спасают и переводят в комендантский взвод бригады. Там ему должность подбирают что бы он заведомо ничего не знал и был всегда на отшибе. Туалеты штабные убирать и помои с офицерской кухни выносить, вот чем боец занимался. Все равно ему и там писаря да кладовщики «темную» устроили. С недельку боец потерпел, а потом взял автомат, подсумок с магазинами и бежать. А вот это уже ЧП! А вот за переход военнослужащего к душманам всем так дадут, что никому мало не покажется. Комбриг орет, особисты рвут и мечут. Ладно, быстренько подняли по тревоге дежурное подразделение и искать бойца. Нашли! Далеко он уйти не успел. Боец зная, что теперь уж его точно до смерти забьют, залег в арык и стал отстреливаться. Патронов у него полно, рисковать и брать его живьем, как приказал комбриг, никому не охота. Вот значится и закидали его гранатами. Жаль парня, ни за что погиб, но и тех кто гранаты бросал, не осуждаю, они тоже жить хотели. Дело замяли, никаких письменных источников (рапорт, докладная и т. д.) от этого случая не осталось.

Погиб рядовой N при исполнении интернационального долга, так в похоронке сообщили. В известном смысле так оно и было.

Еще была в бригаде одна поганая история, но не в нашем батальоне, в инженерно-саперной роте.

Вечером в палатке, доеб… сь, дембеля-саперы от скуки к молодому солдату. Поставили его по «стойке смирно» и давай «грудь качать». Качать грудь так на военном жаргоне, назывался удар в грудную клетку, прямо в пуговицу х/б, а у военных пуговиц ушко, за которое она пришивается металлическое, поэтому удар в третью пуговицу получается болезненным, и приходится прямо в диафрагму. Мне в учебке пару раз «грудь качали», поэтому, знаю, о чем говорю. Молчит солдатик, скривиться и то боится, а те и рады стараться, бьют по очереди, на спор, кто сильнее ударит, да кто раньше мальчишку свалит. Терпел мальчишка, терпел, да и свалился. Тот, кто спор выиграл, радуется, и пацана ногой пинает: «Вставай, чего развалился!» А у того внутренне кровоизлияние, улетела у мальчика душа, только труп в палатке валяется. Про дознание и суд рассказывать не буду, но огребли эти… по десять лет, да хоть бы им по пять дали, хоть по пятнадцать, все без разницы. Почему? Да потому, что пока дознание шло, караулили их бойцы бригадной разведроты. Подробностей не ведаю, но знающие люди говорили, что больше не жильцы на белом свете эти мерзавцы, отбили им разведчики

все что можно и что нельзя, на суде они уже кровью ссали. Что о его смерти убитого мальчика его матери сообщили, я не знаю.

Была ли в бригаде в то время, что я служил «дедовщина»? Так это надо сначала с терминами разобраться. Сейчас «дедовщиной» называют не уставные взаимоотношения. Так вот в то время вся наша служба, была сплошь и рядом не уставными отношениями. Если под термином «дедовщина» понимать, что старослужащие: «еб…т в хвост и в гриву» молодых солдат, то в разных подразделениях по всякому бывало. Но изуверский случай был только один, я о нем рассказал. А так… у нас в роте это не особенно процветало, работа по грязнее и по тяжелее «молодому» достанется, это да было. Полы в палатке, помыть в очередь с остальными, бывало. Термосы после еды вымыть тоже было, вот и все, пожалуй. Приходилось ли мне все это делать, пока я был молодым воином? Да приходилось, я уже рассказывал, меня сразу земляки предупредили не вы…ся, вот я и вел себя достойно, согласно статусу. Обычные драки между собой, да были, как и в любом другом коллективе, где собираются молодые парни. Но и другое тоже было, ребята по роте и помогали на первых порах во время боевых операций и учили, как выжить, так что я не в претензии, за те работы, что выполнял пока был «молодым».

Может у вас сложилось впечатление, что у нас солдаты только и делали, что бухали, пыхали, мародерничали, всячески нарушали дисциплину и дерзили офицерам? А в ответ те только и делали что их избивали? Уверяю вас это далеко не так, просто есть события которые наиболее ярко запомнились, есть которые менее. У нас была самая обычная воинская часть, как в любой другой части были свои порядки, свои не писаные правила, свои ЧП. Что касается дисциплины, то она была самая настоящая, одно слово военная дисциплина, на боевых операциях только попробуй не исполнить приказ, струсить или сдохнуть на марше, тебя свои же забьют. В быту то есть в расположение, это как говорится твое дело, если хочешь бухать, пыхать, самовольничать, дерзить, то будь готов за это получить на «полную катушку».

Смертных грехов, было четыре: сдох на марше так что тебя тащить пришлось; струсил в бою; бросил раненого или убитого товарища; заложил сослуживцев. Причем эти грехи были смертными буквально. Вот так. А зря и без причины никого не трогали.

Афганистан
Провинция Кундуз

1981 год от Рождества Христова

1402 год по хиджре — мусульманскому летоисчислению.

В ту ночь в марте 1981 года я был помощником дежурного по штабу, прошу не путать с помощником дежурного по части, это должность офицерская, а вот помощник дежурного по штабу это, в сущности, посыльный, сбегай, подай, принеси, да пошел на х…й.

Дежурным по штабу бригады в эти сутки заступил начальник разведки бригады капитан М***. Здоровенный темноволосый капитан-молдаванин, любимчик бойцов из разведроты. Палатка дежурного по части большая была, капитан сидит себе за столом на самодельном табурете, книжечку читает да страницы перелистывает. Помощник дежурного по части ушел караулы проверять. Я в уголке палатки у радиоприемника на пустом снарядном ящике пристроился и радиостанцию «Маяк» слушаю. Тишь да гладь, и симфоническая мелодия звучит такая нежная, такая душевная. Следующей в эфире должна прозвучать «Полевая почта юности» в ней песни для солдат передавали и пожелания всякие от близких и родных. Я все ждал когда же «Полевая почта юности» обо мне вспомнит, да так и не дождался. Зато другого дождался:

— Бери его суку! — крикнул мне разведчик, и швырнул в палатку афганца. Тот на пол упал, за ним разведчики вошли, трое.

Капитан М*** сразу к ним подошел, ему что-то тихо доложили, я не слушал, да и не прислушивался честно то говоря, своих забот хватало.

— Разогрей его! — небрежно кивнув в сторону пленного приказал мне капитан, продолжая слушать, что ему докладывают бойцы бригадной разведроты.

Это обычная практика при ведении допросов была. Разогрев или разминка это, надавать пи…лей, сломать человека психологически и физически, и только потом, вопросы задавать.

Дух на земле все крутился и изворачивался, да и мне не хотелось избивать лежащего и связанного человека.

— Ты чего? Первый раз что ли?! Да не держи ты его, бей в дыхалку он и успокоится! — рассерженно приказывает мне офицер и с негодованием смотрит как долго я вожусь с пленным духом.

— А ну… быстро отошел, — распорядился капитан, я сделал шаг в сторону.

— Ну-ка ребятки — приказал он разведчикам, — покажите этому сраному гуманисту как такие дела делать надо.

Стоявшие в палатке разведчики сноровисто за заломленные руки подняли с пола бабая и начали его разогревать. Бац! Хряк! Шмяк! Ломают человеческую плоть жесткие удары, рукой, ногой, по болевым точкам. Разбито у пленного лицо, кровью и криком заливается душман, аж завывает от боли… хорошо его разогрели, только это еще не все…

— Бегом в роту связи, — приказывает мне капитан, — полевой телефон возьми, и сюда тащи.

Пока бегал, пока взял, немного время прошло, прибегаю в штабную палатку, а там уже офицеры в форму афганскую одетые, наши советники, вокруг пленного сгрудились. Волками на него смотрят.

— Давай, телефон, — говорит один из них, — будем связь с духами налаживать.

Один оголенный провод к небу рта закрепили, второй к самой нежной части мужского детородного органа. Я знать то знал что это такое, но видел первый раз. Стоял рот разинул. А советник ручку полевого телефона крутанул, и электрический разряд в теплое человеческое тело пошел. Гнется уже избитый и привязанный к стулу пленный, мычит, а кричать не может, разбитый рот кляпом забит. Глаза у него кровоподтеками заплыли, нос раздроблен, кровью исходит. Боль, ужас, ненависть как порывы ветра в палатке хлестали. Плохо мне стало, вот я и вышел. Знакомые ребята из разведроты, двоих я еще по учебке знал, стоят у входа в палатку покуривают.

— Ты чего? — один спрашивает, — чего сопли распустил? Знаешь, кого мы взяли, по наводке? Помнишь, тела пацанов из дивизионного автобата нашли? — с клокочущей ненавистью в голосе добавляет, — Помнишь, что с ними сделали?

Помню! Да разве забудешь такое? Попали наши ребята в плен, вот их и пытали, а потом над мертвыми надругались. Тела к нашим постам подкинули. Что бы значит, затрепетали мы от ужаса. Злобы это нам добавило, а не трепета, а пленных тогда почти брать перестали. Когда тела наших мальчишек в морг дивизии принесли, то даже патологоанатома стошнило.

— Вот этот, которого сейчас обрабатывают, тем отрядом, что

наших ребят изувечил, и командовал, — пояснил разведчик.

— Откуда знаешь? — угрюмо спросил я, вот только тошнота, от увиденного допроса прошла.

— Наши советники, что царандоев учат, место, где он прячется, нашли, а чтобы не предупредили его стукачи душманские, попросили нас его взять, желательно живым. Вот мы его и взяли. А банду его всю положили. Дом, где его взяли из пушек БМД раздолбали. Так что сопли то подбери, гуманист под такую…..

Жарко, даже ночью, хоть и привык, а все равно потом омываешься, пить хочется. Стоим покуриваем. О делах бригадных неспешно болтаем, а из палатки возбужденно громкий выкрик:

— Эй, дежурный! Воды принеси.

Заношу в палатку термос с водой, смотрю, а дух готов уже, в крови и блевотине лежит, по виду не дышит. А офицеры у стола стоят и водку жрут без закуски. Потом запили спецы по допросам выпитый алкоголь принесенной водой, жадно полными кружками хлебали. Посмотрел на меня начальник разведки, подумал, и набулькал из бутылки полкружки. Пей! Огнем водка обожгла. Поставил кружку на дощатый стол, машинально глянул на его поверхность, а там среди прочих бумаг толстенный том лежит, на обложке название книги и автор: «Война и Мир» Л.Н. Толстой, середина книги бумажкой заложена. От выпитой водки так грустно мне стало, тяжело: «Господи! Это что же с нами такое происходит? Мы же не такие совсем… Мы же нормальные люди… солдаты».

А офицеры всё о своём переговариваются, голоса все ожесточенно возбужденные:

— Нет, ты только посмотри тварь какая, как его за жопу взяли так всех сдал… одно слово…сучара….. даже умереть толком не смог…. Визжал…. Пощады просил…. Ну капитан давай рапорт готовь о реализации разведанных….

Разведанные реализовывал четвертый батальон, если верить их рассказам, по покрошили они духов немало.

Больше я начальника бригадной разведки капитана М*** не видел.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
22.03. 1981–05.06. 1981 г.	**Бригада (без 1-го ПДБ);**	**Лашкаргах, Дарвешак, Марджа**	**Боевые действия велись совместно с Кандагарской МСБ**

Ушли десантно-штурмовые батальоны на усиление Кандагарской мотострелковой бригады, и капитан с ними. В июне от батальона только половина вернулась. А капитан М***…

По БМД разведроты на которой он ехал, шмальнули из гранатомета. Загорелась машина, экипаж выпрыгивать, а по ним из засады духи с винтовок и автоматов бьют. Капитан, ребят разведчиков огнем из автомата прикрывал, вот и поцеловался со своей судьбой и смертью. Тело его десантники вынесли, не отдали духам на поругание. А у нас… у нас служба продолжается, место убитых займут другие, народа хватает. Пока хватает…

Служба солдата она приказами министра обороны меряется. Приказ — вот ты и в армии. Приказ — полгода службы прошло. Приказ — вот и год исполнился как ты форму одел. Перематывай приказы как портянку солдат, вот и легче тебе будет идти, может и дойдешь до дембеля.

Весной 1981 года уходили на дембель мои земляки, с нашего города я один в бригаде остался. Я за них рад был, а до остального… так привык я к службе, да и друзья у меня были, так что одиночество мне не грозило. Даю свой домашний адрес, прошу ребят зайти к матери успокоить ее, письмо ей передать… и счастливо вам доехать до дома братцы, мы еще увидимся.

Дорогой сыночек!

Получила твое письмо, рада что у тебя все хорошо и у меня все хорошо. Вчера заходили твои друзья по службе и передали твое письмо. Много про тебя рассказывали, хвалили тебя. Я им очень рада была, стол накрыла, стала их угощать. Кушали они с большим аппетитом, а вот выпивать отказались. Говорят, что в десанте не пьют. Вот только худые какие то твои друзья. Я им говорю: «Какие же вы худенькие мальчики! Вас что

так плохо кормят?» А они объясняют, что это от постоянных занятий спортом они такими стройными стали, а кормят вас очень хорошо, всего вдоволь. Еще они подтвердили, что никакой войны в Афганистане нет, и ваша часть только гарнизоном стоит и за ее пределы вас командиры не отпускают. Я очень рада, что ты в своих письмах меня не обманывал. Я показала им твои школьные фотографии, а они говорят, что ты в армии сильно загорел, вырос и поправился.

Сыночек миленький, раз они живые и здоровые вернулись, то и ты вернешься, я ведь тебя так жду.

Коля случайно обмолвился, что у вас бывают случаи желудочных заболеваний. Сыночек не забывай мыть руки перед едой. Береги себя.

Твоя мама

Не волнуйся мама, я мою руки перед едой и стараюсь беречь себя, я всегда помню, что ты меня ждешь.

А ты Колька и ты Цукер, ну какие же вы молодцы ребята! Огромное вам спасибо, что зашли, успокоили и за то что так врали, ну это ж надо такое выдать: «в десанте не пьют».

Разрываю второй конверт из полученных писем, достаю исписанный аккуратным почерком лист и:.

Братик привет!

Ты почему не пишешь? Вот приедешь я тебе холку намылю. А у меня все хорошо, я теперь на первом курсе мединститута учусь, только тройбан по анатомии получила, вот и сижу без стипендии. Моя мама, твоя тетя сильно меня ругала, а мой папа только смеется и говорит, что: «я у тебя троечница никогда лечится не буду». А у нас весна здорово так, скоро сессию сдам и на море отдыхать. Все ребята у нас в городе ходят сейчас как одурелые и постоянно пристают: «пойдем в кино, пошли на танцы, поехали за город», а сами взглядами так и лезут под юбку, так я специально стала джинсы носить — не помогает. Я то девушка строгих правил, а вот некоторые девчата у нас… одно слово весна. Помнишь Лерочку? Ну ты за ней еще ухлестывал, так вот она замуж за старика вышла. Ее мужу уже тридцать лет, а у него ни машины ни квартиры, и что она дурища в нем нашла? Недавно в кафе встретила твоего одноклассника Темку, он теперь на третьем курсе в рыбтузе учится, он сразу клеиться стал, а я ему: «вот

брату скажу, он как вернется тебе все кости переломает», а он сразу назад сдал, и мол я женится на тебе хочу, у меня мол любовь с первого взгляда. Ты как думаешь это он серьезно? Или так же врет как ты моим подружкам заливал? Кстати насчет подружек, есть такая хорошенькая девушка Зиночка, мы в одной группе учимся, так вот она видела твою фотографию ту что ты еще прошлой осенью из Литвы прислал в парадной форме и берете, она говорит что ты ничего мальчик — симпатичный. Посылаю тебе ее фотографию на оборотной стороне адрес, если хочешь, напиши ей. ХА-ХА вот я и свахой стала. Между прочим она отличница. А еще мне в апреле исполнилось восемнадцать лет, а ты меня даже и не поздравил, вот какой ты плохой родственник совсем сестру забыл. А вот твоя мама приходила меня поздравлять, подарков кучу надарила. Выглядит она хорошо, вот только грустная все время. Потом мы ее с моей мамой навестили, о тебе стали говорить, а она в рев, говорит что ты ее обманываешь, что в Афганистане идет война, ты служишь в десанте, а значит вас в самое пекло посылают. Моя мама стала ее утешать, а она как закричит: «Убит Валентин, убит Олег, вот только недавно их в цинковых гробах привезли и похоронили, а они с моим сыном в одной группе на парашютистов учились и призвали их вместе». Я растерялась и тоже заревела, это что правда? У вас там и вправду война идет? Братушка миленький ты уж береги себя, мы же тебя так любим. Потом когда твоя мама немного успокоилась, мы все вместе в мечеть сходили, садака дали, помолились за тебя. Возвращайся братик!

Крепко тебя целую твоя сестра.

Весной 1981 года двенадцать месяцев исполнился, как я в армии мыкался. Стал я к тому времени настоящим «волчарой», дочерна загорелый, наголо остриженный, худой, жилистый, злой, выносливый, хороший стрелок. Знал, как на войне выжить, ну и… крови не боялся. Только не думайте, что я себя нахваливаю, у нас в роте почти все такие были, почти… а были ребята и получше и намного лучше.

А вот с обмундированием плохо было, пообносились мы по горам ползая, оборвались. А армии ведь как, есть срок ношения формы, х/б шесть месяцев, сапоги — восемь, шинель, бушлат, два года. Белье нижнее, в том числе и прославленные тельники, по сезону. А то, что изорвалось все, так надо аккуратнее быть

товарищи солдаты, новую форму никто вам не выдаст, не положено. Что могли латали, зашивали, что могли воровали или обменивали. У меня ботинки на вторую неделю после выдачи «каши запросили» подошва почти оторвалась. Так я кроссовки себе достал и ходил в них преспокойненько, и даже штабные говнюки мне замечаний не делали. Вид конечно в рвано латаном обмундировании у нас был аховый, но тут строевые смотры никто не проводил, воюют и ладно.

Питание? Так я уже не раз говорил, помои. Нашу бригаду в то время со складов ТУРКВО снабжали. Вот и старались окружные снабженцы все залежалое и просроченное нам сбагрить. Дескать сожрут никуда не денутся. А деваться нам и действительно было некуда, разве что на операции… вот и добывали там жратву как могли.

Все бы ничего, привыкли мы ко всему, обстрелялись, вот только — таяла наша рота, не пулеметы, желтуха роту косила. К весне 1981 года, от штатного состава роты только тридцать бойцов осталось и это еще после всех пополнений, а в трех ротах батальона сотня. И боевых потерь хватало.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
19.08. 1981	**1,2 ПДР/ 1-го ПДБ**	**Хаджи Гальтан**	**Роты действовали на разных участках.**

— Фаик ты чего такой смурной? Болеешь?

Фаик это прозвище моего замкомвзвода, хороший он был парень.

— Да хреново мне что-то, мать во сне видел, плачет она, — отвечая мне Фаик собирает РД патроны, сухпай, плащ-накидка. В ночь мы уходим, в засаду.

— Да брось ты! Скоро домой, — я толкаю его в плечо, стараюсь отвлечь, думал он мне скажет: «А ну! Сколько дней до приказа?»

— Да, скоро… вот только хреново мне, — Фаик отворачивается, прячет лицо, не хочет разговор продолжать.

А на скольких операциях был…. и ничего всегда нормальный веселый…

— Строится вторая рота! — доносится в палатку голосок

дежурного.

— Ну что Фаик пошли? — с легким недоумением спрашиваю я, замечая как он все возится и возится, у своей тумбочки.

— Пошли, — встает он и просит, — если со мной что… то вещи мои матери то передай.

— Кончай херню пороть, провидец ты х. в, — разозлился я и первый вышел из палатки на построение.

Молча на рассвете цепью мы шли по рисовому полю, вода обувь заливала, с трудом ноги вытаскиваешь из липкой грязи. Впереди небольшой кишлак. Мы там должны в засаду засесть. Я рядом с Фаиком шел, сначала увидел, как он упал, фонтанчики от пуль увидел, и только потом выстрелы услышал. Первым делом я духа, что нас обстрелял, снял очередью из пулемета, четыреста метров, на рассвете, из положения «стоя» навскидку, да неплохо я стал стрелять. И только потом к Фаику бросился. А он в грязи лежит, задыхается, руками разводит, сказать что-то силится, да не может. Четыре пули получил Фаик, из них две под сердце, не жилец. Перевязал его, промедол вколол, в поле в воде и грязи не бросишь, вскинул на плечи и попер. А рота со всех стволов по кишлаку бьет, и перебежками, вперед. Перебежка, и в грязь в воду, постреляли, перебежка и снова грязь хлебаешь. Еще двоих из наших бойцов зацепило, одного наповал, второй ранен. Не мы, нас в засаде взяли. Но ничего… воевать то мы умеем, наших солдат такой херней как засада не больно возьмешь. Ворвались в кишлак. Из гранатометов все дома из которых велся огонь раздолбали, да еще и ручными гранатами добавили…. Горит кишлак, бьем мы из пулеметов и автоматов по всему, что движется…. осатанели. Все закончен бой. У них нет ни живых, ни раненых, ни пленных. Вызвали вертолеты, раненых и убитого погрузили, и дальше пошли, нам по приказу еще один населенный пункт надо проверить.

Значит, чует человек свою смерть? Не знаю… Я ничего не чувствовал, так меня и не убили и ранения откровенно говоря ерундовые были, разок мясо на ноге прострелили, один раз пулька кожу с руки стесала. Еще несколько раз приходилось мне с предчувствием сталкиваться, гибли ребята и ранения тяжелые получали и заранее об этом деле знали, а бывало, что и без всяких предчувствий, на небеса отправлялись, тоже было. Так что с полной уверенностью ничего сказать не могу.

Фаик выжил, операцию ему сделали, пули вытащили, молодой, здоровый, вот и выжил. После госпиталя демобилизовался, он своё отвоевал. А у нас война продолжалась…..

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**
27.08. - 06.09. 1981	**2 ПДР/ 1-го ПДБ**	**Мазари Шариф**

27 августа вторая рота высадились на вертолетах в горах под городом Мазари Шариф. Перевал держали. На равнине наши мотострелки и царандой кишлаки чесали и на нас духов гнали.

— Горло ему перехватывай! Да режь ты его мудак!

— Вот гад! Крутится еще…

— Может не будем скотину мучить…

— Точно! Стрельнем, а потом шкуру снимем и на куски распластаем.

Вдвоем мы мучаем несчастную скотину, взятого в качестве трофея живого барана. Как людей резать знаем, как барана забить нет. Мальчики все городские, вот и сами мучаемся и барана всего измучили. Сегодня 29 августа 1981 года мне исполнилось двадцать лет. Этот баран, трофейный длинно зернистый рис, кувшин с растительным маслом, должны соединившись превратиться в чудный плов. Но баран не хочет быть украшением празднично-полевого стола, мекает и брыкается.

— Ну его на х. й! — измучившись и весь вспотев кричу я, и отпускаю барана, — у меня тушенка есть, ею рис заправим.

— Нет сволочь, ты от меня не уйдешь! — азартно кричит наголо стриженый рослый и весь в истерзанном обмундировании Филон и перехватывая отпущенного барана вяжет своим ремнем ему ноги.

Заваленный на бок и повязанный за ноги солдатскими ремнями баран жалобно мекает. Барана зарезал и освежевал мой дружок Лёха смуглый белозубый всегда веселый узбек, он же в захваченном у духов казане и отличный плов приготовил.

«Лёха! Да ты небось с гор за солью спустился, вот тебя поймали и в армию забрили» — так любили его подъе. вать в начале службы. А он не обижался на подначки, легкий у него был характер. И готовил он отлично. Парень весь такой ухватистый «на все руки мастер», одно слово крестьянин-дехканин, не то что мы мозгляки городские.

Эх, Лёха, Лёха! Ведь убили тебя в апреле восемьдесят второго, за три дня до дембеля. Помнишь как ребята в окружение попали? Мы все тогда к ним на выручку пошли… Как же так Лёха? Ведь дружили мы с тобой. А это ты хоть там помнишь?

Плов слопали, за уши меня потрепали, пачку папирос подарили, от несения караульной службы на сутки освободили, вот тебе и весь юбилей.

— Ну я на пост пошел, — поднялся от костерка у которого мы сидели довольный, сытый Лёха и ушел волоча за ремень автомат на оборудованную позицию, в отрытом окопчике службу тащить.

Ночью духи прорваться через перевал попытались, но служба наблюдения у нас отлично была поставлена, засекли их.

После жирного плова, мучает понос Баллона, его к нам из автороты перевели отсюда и прозвище: «Баллон». Первая это у него боевая операция была. Снимает Баллон рваные штаны и спускает воздух. Поудобнее устраивается, что бы значит и постоянно возникающую нужду справлять и воинскую честь не замарать. С того дня как первый раз придя к нам роту получил Баллон хороших пиз. лей, за то что обкурившись задремал на посту дневального, Баллон службу враз понял и на больше посту не кимарил. Со спущенными штанами на боевом посту страдает Баллон и мысленно проклинает и плов и мой юбилей и всю свою судьбу что из автороты занесла его во 2 ПДР. Страдает, проклинает, а сам по отведенному участку глазками зырк, зырк, туда сюда водит. Автомат с уже передернутым затвором Баллон из рук не выпускает, сразу видно знает солдат службу, могут спокойно спать его обожравшиеся плова товарищи.

Ночка темная была, луна уже ушла, звездочки только мерцают, местность пересеченная, есть где укрыться. Как тени духи ползли к постам, от камешка к камешку переползают, от ложбинке к ложбинке. Нас порезать и перестрелять хотят, прорвать окружение и уйти. Тени, хуе…ни, призраки это все херня, сказочки это для кинематографа аль для приключенческого романа. При нормально поставленной караульной службе, обученный солдат любую тень запросто материализует, а затем всех призраков постреляет.

«Эх ребята, — рассказывал нам про своё боевое крещение Баллон, — сижу я, а у меня из жопы как из дырявого бачка все льет и льет. Секу ползут. Я так и обмер, растерялся чуток. В животе как заурчит, да как пёрну. Громко так получилось, смачно. Духи замерли, а я давай стрелять, сразу весь магазин расстрелял, за гранатами полез, пока доставал, они назад, не докинуть гранату, меняю в АКСке магазин и опять стрелять, а тут уж вы подбежали».

Неудобное это положение для стрельбы, когда сидя опорожняешься, никого Баллон не зацепил. Но хоть тревогу поднял. На пост к нему подползаю, глянь а там Баллон залег голую ж…пу оттопырил и стреляет из автомата.

— Осторожнее, — это мне Баллон кричит.

— А что стреляют? — спрашиваю, тоже спросонья не врубился, что по нашим позициям огонь не ведется.

— Нет, — тихо и виновато шепчет Баллон, — я тут все засрал.

Тут я как захочу, от смеха аж катался по земле, так заливался, что у самого желудок схватило. Ротный приходит узнать что да как, мы с Баллоном на пару сидим и опорожняемся.

— Ну вы и засранцы! — только и сказал сморщив нос капитан А*** и ушел.

Постреляли с постов, попугали духов, показали что справно службу несем и хрен нас голыми руками возьмешь, да и не голыми тоже.

До дембеля Баллона дразнили, его боевым крещением. Как только не изгалялись, даже ротные офицеры и то нет, нет да и подъ…нут Баллона: «Так вот почему нас враги попрекают применением химического оружия! Как же ты нашу армию подвел, а Баллон?»

Виталька Т*** — Баллон, а об этом ты дома рассказывал? Ты уж извини за подъ…ки, не со зла от скуки тебя подкалывали. Был ты тихий, спокойный, безответный парень. Драться не любил, да и не умел. Зато в любой технике хорошо разбирался. И что бы тебе там не говорили, но свой солдатский долг ты исполнил, хоть и с голой жопой. Да и потом ни разу никого не подвел. Не представляли тебя к орденам и медалям, но если бы не тот случай на посту, были бы у нас потери, а так все только смехом обошлось. Легкой тебе дороги Баллон, ты наверно как планировал, так и стал на гражданке шофером.

Как бы то не было, а больше духи через нашу роту прорываться не пытались. Они растворились среди местного населения. Дальше их царандой выявлял, их батальон и наша рота совместно действовала.

Мы кишлак окружаем и постами блокируем, а царандой кишлак шерстит, всё там на уши ставит. Советские части старались на прочесывания в населенные пункты не допускать, уж больно потом многого жалоб от местного населения на наших интернационалистов поступало.

Гурьбой без строя, идет через наш пост группа царандой человек тридцать, мельком нас оглядывают и дальше. А тут раз! Один другому что-то кричит и все возле нас тормозят и разглядывают. Даже те кто вперед ушел возвращаются. Смотрят, смотрят да как заржут и на Жука грязными пальцами показывают. Жук это сержант и.о. командира четвертого взвода. Он после гибели лейтенанта Игоря О*** взвод принял. Нормально

справлялся. В этот раз я с ним в одну боевую группу попал. Жук резкий паренек, росту среднего да здоровый как бык, черноволосый, смуглый, скуластый, дерзкий на руку. Пальцем на него показывать, да еще и смеяться при этом, это дело весьма опасное для здоровья.

— Урою! — хмуро обещает Жук смеющемуся царандою, и угрожающе ворчит, — Заткнись!

Те все хохочут. Нам обидно, чего это они? А там и злоба подкатила, это над нами смеяться? Над советским десантом смеяться? Ну вашу мать!

Их тридцать нас четверо, мы переглянулись и без слов решили: «Отпи…ть!» Быстренько распределяем кто кого бить будет. И тут афганцы из своей группы выпихивают солдатика. Мы как глянули на него так все трое: Филон, Баллон и я, как угорели от хохота, а Жук чего с ним сроду не бывало, покраснел. Афганец царандой как две капли воды на Жука похож. Не просто похож — копия. Форма другая, лицо погрязнее, а так лицо и фигура один в один схожи.

Афганцы, что царандой, что армейцы, нас мягко говоря недолюбливали, мы их за крайне низкие боевые качества, откровенно презирали. Поэтому отношения между нами при встречах были насторожено-неприязненные. А тут афганцы хохочут, мы регочим, они в сторону Жука все пальцами тычут, мы на ихнего солдатика показываем. Невольно так получилось, что круг из солдатни образовался все вперемежку стоим, а в центре круга Жук и его копия друг на друга пялятся. Они одинаковыми жестами чешут головы, а мы аж пополам от смеха гнемся.

— Заткнитесь! — это Жук нам кричит и еще сильнее от злости краснеет, его альтер-эго весь красный тоже своим что-то кричит.

Батюшки! Так у них даже тембр голоса и интонации одинаковые. Хохот стоит оглушающий. Жук не выдержал и пошел из хохочущего окружения на прорыв, двинул мне кулаком в солнечное сплетение, я загнулся, он безудержно матерясь шагнул в образовавшийся промежуток и вышел из круга.

Царандои пошли в кишлак, мы расположились по постам и только было собрались продолжить развлечение, подкалывая Жука его родственными связями с афганским народом, как он опережая все возможные подъ…ки коротко и крайне злобно заявил:

— Вот кто хоть слово скажет, на месте убью.

Убить бы конечно не убил, но отмудохал бы это точно. А нам на операциях вот только драк и не хватало. Короче все заткнулись.

Через два часа царандой возвращаются с прочесывания. Никаких духов они не нашли, но нам это и не интересно было. Ну их на х…й этих духов. Не до них. Мы высматриваем копию Жука. Вот он идет «родной» и весь затаренный барахлом. Царандой не хуже нашего брата в селениях мародерничали.

Афганский Жук идет к советскому Жуку и смущенно улыбается. Афганцы со своей стороны на братскую встречу любуются, мы со своей. Только переглядываемся между собой да улыбаемся. Жук царандой передает Жуку десантнику какой то небольшой предметик. Наш Жук посмотрев на него и чуть помедлив достает из внутреннего кармана х/б значок и отдает его афганскому Жуку.

Царандой к нам подходят и пошло братание. Мне улыбающийся белозубый молодой афганец передает небольшой транзисторный приемник и дружески хлопает по плечу, а мне отдарится то не чем, не пулемет же свой отдавать, свинчиваю с петлиц формы знаки различия десантников «парашют и два отходящих от него самолета» отдаю. Держи на память! И в свою очередь хлопаю царандоя. Второй подходит сует мне в руки связанную за ноги трепещущую курицы, я достаю из РД пакет с сухарями и его угощаю. Смотрю, а наши то с царандоями чуть ли не обнимаются, они нам отрывками из ломано-матерного русского языка что-то объяснить хотят, мы мешая знакомые слова на пушту и дари им отвечаем. А еще нам царандои полно жратвы натащили и фрукты и лепешки свежие и сыр и кур связанных. Все на плащ-накидках навалено. Ох и пожрем же мы сегодня ребята.

Не уважали мы ихнию армию, они нас недолюбливали, а тут… не интернационализм, просто обычная человеческая приязнь между людьми возникла, бывает же такое. Бывает только уж так редко, что надолго запоминается.

Царандой уходит, мы тоже собираемся. У наших ни у кого на форме не осталось ни звездочек ни знаков отличия, даже лычки у кого были и те поспороли и отдали. Десант, а после братания с афганцами на босяков дезертиров стали похожи.

Пока шли к месту общего сбора роты я все еще посмеиваясь полюбопытствовал:

— Жук! А чего тебе братка подарил?

— Да какой он мне братка?! — раздраженно повышенным тоном прикрикнул Жук, а потом все же достал из кармана х/б и показал подарок. Золотым солнечным сиянием сверкнул небольшой тоненький полумесяц на тонкой мелкозернистой цепочке.

— А ты ему?

— Знак «Гвардия» — нехотя признался Жук, и вздохнул, — я

его на дембель берег, да вот отдать пришлось.

— Мы что одни всё тащить должны?! — разом возмутились Баллон и Филон шедшие за нами и несшие тяжелую набитую продуктами плащ-накидку.

Говорят есть такое поверье, что встреча двойника это к смерти. Ну не знаю как там в теории, а на практике Жук на дембель ушел живой и здоровый. Его афганский двойник «братка»? Не знаю, больше не встречал.

Советской гвардии афганский царандой, если ты жив, то теперь уж небось почтенный аксакал, уже небось внуки у тебя бегают. Может ты им с улыбкой рассказываешь про своего русского двойника и объясняешь, что была и промеж нас обычная человеческая приязнь. Надеюсь ты сохранил знак «Гвардия». Насколько я Жука знаю, он твой подарок точно сохранил. Насколько я его знаю уж он то точно рассказал своим детям, о своем афганском «братке» и о том что вспыхивала золотом между нами и афганцами обыкновенная человеческая симпатия. Вот только редко это было.

А ведь чаще совсем иначе все происходило. Мы пришли в Афган из двадцатого века, а они в пятнадцатом жили. Тут разница была не в летоисчислении, а в мироощущении. Они для нас чужими были. А мы? Мы то кем для них были? Инородным телом вот кем. А если инородное тело попадает в живой организм, тот бороться с ним начинает, а дальше: или болеет и умирает; или выздоравливает и выталкивает. Вот с нами боролись и вытолкнули. А ведь мы сильнее были, во всем их превосходили. В боевой технике подавляющее превосходство, в воинской выучке наши солдаты намного лучше духов были, не было не одно крупного боя которой бы мы проиграли. Да у нас были потери, но у них они были еще больше. Так почему? Почему же мы ушли? Ушли не потерпев военного поражения и проиграв эту войну. У нас истощились нравственные силы, у нас не хватило воли продолжать эту войну и на мой взгляд самое главное: нам простым солдатам не нужна была победа в этой войне. Не стоял вопрос перед нами вопрос: «Или мы — или они. Третьего не дано». Да мы очень неплохо воевали, но как-то без души, без того нравственного подъема который всегда приводил к победам русскую армию. На своей земле душа Афганистана оказалась сильнее, а духи были его воинами и это не тавтология, просто так вышло.

Мне не так то уж и часто с афганцами приходилось общаться. Ну кого я знал то по большому счету? Пару торгашей на Кундузком аэродроме, те кому мы продавали трофеи. Хитрые, нравственно скользкие и весьма неприятные люди. Ведь знали,

знали они суки такие, откуда мы барахло брали. И ничего все брали, по дешевке покупали вещи, поощрительно улыбались когда мы к ним заходили. Афганская армия и царандой? За всех говорить не буду, но те кого я встречал лично, были… ну не хотели они воевать вот и все, нам за них отдуваться приходилось. Бывало что и пиз…ли их за это. Мирное население? Ну как я их мог увидать в их обычной жизни, да никак. Во время операций мы заходили с обыском в их дома. С оружием вламывались в их жизнь, искали винтовки и автоматы, пулеметы и взрывчатку, боеприпасы, а находили… ну в общем с таких операций мы всегда затаренные барахлом возвращались. А они стояли и смотрели на нас, растерянные, испуганные, робко-приниженные и… постоянно шло пополнение в отряды моджахедов.

Душманы? Видал я их и не раз. И в бою встречался и на пленных любовался. Ну бой это дело понятное, в тебя стреляют и ты стреляешь, вот и все дела. А вот пленные… до дрожи до судорог они нас боялись. Ну и не церемонились с ними. Ожесточается человек на войне, вот и… ну тем кому очень сильно повезло, тех местным властям передавали. В оправдание одно скажу: резать наших пленных, духи первые стали. Первые месяцы в Афгане наши вообще пленных отпускали, в самом худшем случае дадут пару раз по морде и катись бабаёк к себе домой. А потом, когда наших убитых товарищей в цинковых гробах домой провожали, потом, когда видели как разделывают наших ребятишек угодивших к духам в плен, то… эх под такую мать, вот и понеслась война по кочкам. И еще скажу: удовольствия от этого никто не получал, садистов среди нас не было. Как поступал лично я? Скажем так: я от участия в таких мероприятиях уклонялся, а меня никто и не заставлял. Бывало такое, что иной раз и отпускали захваченных духов. Одного помню: вот тот настоящий мужик был, помолился и молча встал под стволы, не валялся в ногах не просил о пощаде. Его то как раз и отпустили. Пацанов лет пятнадцати-шестнадцати кто с дури в отряды к духам попал, тоже отпускали. Конечно они уже не дети, но и не взрослые. «Да его на хер! Еще такой грех на душу брать» — так один раз в этом случае П*** сказал. И все с ним согласились. Стариков, женщин и детей никогда не трогали. Вот уж чего не было, так не было.

Знаете если предельно откровенно, то мы тогда афганцев просто не уважали, свысока на них смотрели и они это чувствовали. И согласитесь ведь любому человеку будет обидно, если к нему в дом посторонние вломятся, поселятся там без разрешения, да еще презирать хозяев будут.

А теперь? Теперь спустя десятилетия после нашего ухода,

теперь когда уже в третьем тысячелетии опять почти десять лет идет в Афгане новая война, что мы теперь думаем об этой стране и ее народе? Ну хорошо не мы, за всех не имею право говорить, я что думаю? Так вот признаюсь: сейчас уважаю. Просто уважаю вот и все. Афганцы! Вы сумели выстоять против советской, самой лучшей армии в мире, десять лет вы воевали с нами, у нас один призыв менял другой, а вы оставались без смены и от года к году становились сильнее. Вы и теперь противостоите чужой армии, что вошла на вашу землю. С оружием в руках вы защищаете свое право жить по своим обычаям и законам. Такой народ нельзя не уважать. И еще, желаю вам афганцы и в новой войне одержать нравственную победу.

Но это когда еще будет…, а сегодня шестого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года от места сбора нашей роты мне навстречу бежит довольный улыбающийся Муха и кивая на нашу полную продуктов плащ накидку, кричит:

— Жратвы набрали? Молодцы!

— Афганский брат Жука нас угостил, — хохочет Филон и уклонятся от подзатыльника который ему хочет отвесить разъяренный Жук.

— Жук! — орет идущий за Мухой, Лёха, — А у тебя что тут брат есть?

— Ага! — смеюсь я, — все люди братья, а жуки так они всем братьям братья…

И бросив плащ- накидку убегаю от доведенного до белого каления нашими подначками, Жука.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
26.09. 1981 04. 10. 1981 г.	**1-й ПДБ**	**Файзабад**	**Боевые действия велись совместно с 860 ОМСП**

— Аааааааа, ма…ма….. мамочка как больно… — истошным криком заходится Сёмка Д***.

Не зови маму солдат, не поможет она тебе, там далеко в Союзе молится она за тебя, нет тут твоей мамы, а есть мы твои товарищи, и колет тебе санинструктор уже пятый тюбик промедола, но не снимает он боль в раздробленной разрывной

пулей ноге, и ты кричишь:

— Мама! Мамочка… помоги….

Горный массив под Файзабадом, третий день операции, время где-то около полудня. Нашу роту в горах зажали. Солнце вовсю светит, теней почти нет, мы как на ладони, бей не хочу. Пятеро у нас раненых, двое тяжелых. Отстреливаемся мы, да что толку, бьют по нам с господствующей высоты из пулеметов, укрыться почти негде, еще пару часов и все… не будет больше второй роты…. все тут поляжем…

Воет с раздробленной ногой Семка, командир расчета АГС — 17, хрипит раненый в грудь Мишка С*** просит:

— Воды дайте воды!

— Нельзя тебе Миша воды, потерпи, — уговаривает его Юрка Е***.

— Да пошел ты на х. й! — орет Мишка, и задыхается от крика, кровь пузырями изо рта пошла.

Я от них в трех метрах лежу, за камнями голову прячу. Весело тоненько посвистывают пульки. Слушая их посвист машинально отмечаю: не моя, не моя. Давно я уже служу вот и знаю, что свою пулю не услышишь. Раз посвистывают значит не моя. А чья?

— Твою мать! — слышу полное злобы и боли матерное ругательство. Оглядываюсь, ранен Сережка О***.

— Куда тебя?

— В ногу, — хрипит Серега, и тут же, — ты ко мне не лезь сам перевяжу, — советует, — меняй позицию, пристрелялись к нам.

Сил нет вопли и крики раненых слушать, помочь то ничем не можешь, и позицию надо менять, помедлишь, убьют. Извиваясь я быстро переползаю по камням к большому валуну, рвется выцветшее ветхое х\б, на лоскуты расползается. Ничего будем живы зашьем. За валуном устанавливаю на сошках свой пулемет, прикидываю куда стрелять, наметил. Вот он! На противоположенной горке за камнями укрылся. Ну держись бабаек… Прицел пятьсот, огонь! Жри падла! Длинными очередями со своего РПКСа веду огонь. Досыта тебя сука душманская свинцом напою. И он меня заметил, определил откуда огонь ведется. Стал я с духом пулеметчиком в смертную огневую игру состязаться. Кто кого? Все посвистывают и посвистывают пульки. Не моя, не моя, по-прежнему краем сознания отмечаю я. Лучше я стрелял, на полигоне в Гайджунае учился, здесь в Афгане шлифовал стрелковое свое уменье. Вот и загасил я его. Да только не один он был, штук пять пулеметов по нам било, расстояние между горами метров пятьсот, для стрельбы

из пулемета самая та дистанция, убойная. А тут еще и душманские снайпера подключились. Прямо скажем хреновые снайпера, только вести огонь все опаснее и опаснее, все ближе и ближе пульки ложатся. Не моя, не моя пока еще не моя, брызгают в лицо каменные крошки, чуть не попал в меня снайпер, совсем рядышком с головой пуля ударила, не моя, вытираю рукавом х/б потное лицо и стреляю. Ствол пулемета уже раскалился, плюнь зашипит, уже три магазина я расстрелял, всего то за пару минут. И страха особого нет, и азарта нет, ничего нет, как оцепенела душа, безразлично на всё смотришь, равнодушно. Прицел! Ловлю в прорези прицела, снайпера. Огонь! Бьет отдачей приклад пулемета. Мимо. Прицел! Огонь! И по мне уже двое стреляют снайпер и пулеметчик. Огонь, сменить магазин в пулемете и опять, огонь. Убьют так убьют, да и х. й с ними, зато больше в караулы ходить не буду. Сверлят слух крики раненых, все свистят и свистят пульки, захлебываются ответным огнем автоматы и пулеметы бойцов второй роты. Не долго нам братцы жить осталось, ох и не долго.

— Ребята! Вертушки!!!

Голубое небо, безоблачное, от яркого, жаркого слепящего глаза афганского солнца три точки летят. Закладывая вираж выходят на боевой разворот вертолеты, а мы красными сигнальными ракетами направление им задаем, да по рации ротный наводит вертолеты на душманские пулеметы. Духи на них огонь переносят, бьют навстречу нашим пилотам огненные трассеры. Не ссыте ребята! Мы зажмурив глаза и схоронив за камни головы прятаться не будем, мы вас с земли огнем прикроем. Потом сочтемся. Безостановочный ведем мы огонь по позициям духов, даже раненые кто шевелиться мог, и те за оружие схватились, не даем мы им сукам головы поднять, не даем сбить наших ребят. Все реже интенсивность стрельбы с их стороны.

Даже с нашей позиции слышно как с ревом моторов рассекая винтами воздух пикируют на духов вертушки. Первый заход — ракетами! Так их братцы! Задайте им! Второй заход — из авиационных пушек и пулеметов. Будите знать сучары душманские как мы воевать умеем!

Подавили вертолеты огневые точки, с землей с железом с огнем со свинцом смешаны позиции духов. Некому там больше стрелять.

Приземлились вертушки, забрали убитых и раненых наших товарищей. Спасибо вам братцы! От всей роты спасибо! За то, что спасли вы нас, за то, что увидели мы своих матерей. Не полегла в том бою наша рота, дальше по горам пошла.

Может больше и не придется, так я здесь…. Еще и еще раз скажу. Спасибо братцы! От десантуры спасибо и от пехоты, от всех. Не бросали вы нас, товарищи вертолетчики, огнем закрывали, раненых спасали, убитых вывозили, ни своей совести, ни нас, ни разу не предали. А броня у вас на вертушках хреновая была, насквозь эту броню пуля из ДШК пробивала. Сбитые, заживо горели вы в своих машинах, погребальным кострами догорали на земле. Не мёд и у вас служба была. И уже через десятки лет, после той войны, еще раз говорю Вам: «Спасибо Братцы!!!»

А мы дальше по горам поперли. Горка ваша, горка наша. Эх под такую мать! Марш-марш десантура, вперед первый «горнокопытный» парашютно-десантный батальон, шевели «копытами» вторая рота, шире шаг третий взвод. Сколько нас осталось? Немного. Только приказ никто не отменит. Вперед ребята, шире шаг.

Ночью в горах на привал встали. Дураков, по ночам в чужих горах бродить, нет. Окопались. Отрыл я окопчик для стрельбы лежа, застелил его плащ-накидкой, камешками бруствер обложил, вот и готово солдатское ложе, и для боя и для отдыха. Распределили дежурства. Залито оружейным маслом и вычищено оружие, снаряжены пять пулеметных магазинов у каждого емкость по сорок пять патронов. А жрать ребята так охота, аж желудок сводит! По горам набродились с рассвета, сухпай давно съели, да и сухпай говно был. Чего в него входило то? Банка рыбных консервов «Минтай в масле» и пакет с черными сухарями. Разве это еда?

— Саш?! — из своего окопчика уже под утро перед рассветом окликаю я командира взвода лейтенанта П*** и спрашиваю, — а можно я с ребятами в разведку схожу?

— Можно Машку за ляжку и козу на возу, — отвечает злой и такой же как и мы голодный П***. Его окоп от моего всего в четырех метрах, можно разговаривать не напрягая голос.

— Товарищ лейтенант! — меняю форму обращение я, — разрешите разведку местности провести?

— Да на кой вам это надо? — лениво интересуется не выспавшийся и продрогший за ночь П***. Ночью в горах холодно, а у нас у всех одно х\б.

— Утром и так все увидим, — продолжает он, — я еще вечером все обсмотрел. Тут только одна тропа по ней с утра и потопаем.

— Да жрать охота, а внизу кишлак, — напрямую говорит подползший к окопу взводного Муха и вздыхая добавляет, — курятинки бы сейчас похавать.

— И лепешек горячих, — глотая слюни добавляю я.

— Может халатов хоть каких добудем, — размечтался присевший рядом со мной на корточках Лёха и со злобой замечает, — окочуримся мы тут в горах. Не жрамши, без теплой одежды, все передохнем.

— Приказываю вам, — дергая кадыком и с голодным блеском в глазах говорит лейтенант П***, - провести рекогносцировку местности.

— Чаво? Чаво? — придуриваясь спрашивает Муха.

— Рекогносцировка этот русифицированный термин немецкого слова: Rekognoszierung, которое в свою очередь происходит от латинского слова: recognosco — осматриваю, обследую, — начинает терпеливо объяснять лейтенант П***, - Рекогносцировка это визуальное изучение противника и местности лично командиром — командующим и офицерами штабов с целью получения необходимых данных для принятия решения или его уточнения. Проводится обычно на направлениях предстоящих действий войск. В рекогносцировке участвуют также командиры подчинённых, приданных и поддерживающих подразделений, частей или соединений, начальники родов войск, специальных войск и служб…

П*** увлекся, у него это бывало. Наверно он так свое училище вспоминал, наша то война, на преподаваемую в училище тактику совсем не похожа. А может он так о доме думал, он родом с Рязани, там же и военное училище окончил.

— Во! — обрадовался я, — давайте с собой командующего возьмем вместе с офицерами штаба… пусть парашу солдатскую понюхают.

— Вы только прикажите товарищ лейтенант, — засмеялся Муха, — мы их мигом сюда доставим.

— Да пошли вы на хер, — устало матерится П*** лицо у него бессонной ночи и голода посерело.

— Есть товарищ лейтенант, — дурашливо отдавая воинскую честь я прокладываю правую ладонь к головному убору, выцветшей с обвисшими полями панаме, — Разрешите исполнять?!

По тропке вниз, оружие готово к бою, сами все напряжены, нервная система вибрирует, а есть все сильнее хочется и рассветная прохлада до костей пробирает. Дрожит десантура, не от страха, от холода и голода. Пока шли никого не встретили, повезло. Не нам, им повезло, потому как навскидку из пулемета я даже в темноте отлично стреляю. А вот и первые окраинные глиняные домики кишлачка. Тянет от них дымком и запахом печеного хлеба. Печи у афганцев во дворах находятся. Скоро

рассвет, скоро призовет муэдзин правоверных к утренней молитве. А пока женщины суетятся во дворах выпекая лепешки, отдаленно мычит да блеет скот в хлеву.

Раз! И перемахнув через глиняный дувал, мы уже в чужом окраинном дворе. Две женщины в длинных темных одеждах увидели нас, замерли. Лица такие испуганные. Одна постарше, а другая совсем молоденькая девчонка лет пятнадцати наверно.

— Хлеба! — на узбекском языке рычит им голодный и чумазый Лёха.

Та что постарше чуть помедлив хватает с глиняного блюда стопку теплых лепешек и протягивает. Я подхожу, беру из её рук хлеб и запихиваю его в свой РД. Чувствую ее страх, вижу как ужас плещется в чужих черных глазах.

— Молчать! — тихо, властно командует им Лёха.

Они прижались друг к другу и молчат, только все ощутимее становится исходящая от них волна страха. Это они нас боятся, нас вчерашних советских мальчиков, нас нынешних солдат чужой им армии, «гяуров». Маленький юркий Муха матерым лисом стремительно ныряет в курятник. Негодуя квохчут куры, быстро ловко как дубиной орудует прикладом автомата Муха. Через пару минут он выходит из курятника весь в перьях, в каждой руке по две птички, автомат в положении на грудь. Руки должны быть свободны, а то вдруг еще стрелять придется, вот Муха и подвязывает кур за ножки к своему поясному кожаному ремню. Оглядываемся что бы еще прихватить. Большой двор, богатый, есть чем поживиться. Из дома выходит пожилой дехканин увидел нас и тоже замер. Только губы у него задрожали. А потом медленно сошел со ступеней дома во двор, закрыл женщин своим телом.

— Никого не тронем, — тихо на узбекском языке пытается успокоить их Лёха, — только еды немного возьмем.

— Не тронем, — повторяет Муха, жалко со свернутыми шеями свисают с его ремня куры.

— Аллах Акбар, — невесть зачем бормочу я единственно знакомые мне арабские слова, глупо улыбаюсь и вниз к земле опускаю ствол готового к бою ручного пулемета.

Муха и Лёха быстро идут к выходу со двора. Я стоя лицом к афганцам их прикрываю, всяко бывает, могут и в спину долбануть.

Из-за спины дехканина, выходит девочка, быстро, только ноги в длинной одежде путались, подходит и боязливо протягивает мне большой кусок овечьего сыра, и тут же юрк, за спину к афганцу. Отец ее наверно. Я не сентиментален, просто в горло мне что-то попало вот и запершило, я циничен, это просто от

несущегося ко мне дыма горящей печи, защипало глаза. Я же с оружием пришел в твой дом, я же…эх да что там говорить. А ты? Зачем ты мне подала садака, милостыню, милосердие от человека к человеку. Я же солдат, мне воевать надо, а милосердных на войне первыми убивают. Мне двадцать лет и меня уже давным-давно отучили плакать. Я и не плачу, просто в горло что-то попало, да дым из печки все идет и идет и я ладонью вытираю глаза.

Через два часа наша рота будет прочесывать этот кишлак.

— Те самые? — кивая на дом в котором мы побывали на рассвете спросит командир взвода лейтенант П***.

— Ага, — шмыгая простуженным носом, подтвердит Лёха.

— Вы трое, до конца прочесывания тут оставайтесь, — распорядился П***, - мало ли чёго.

Мало ли чёго? Да знаем мы чего! Прочесывание это почти повальное мародерство, и не только. Достаточно найти любое оружие, горсть патронов, или хоть что-то хоть отдаленно напоминающее взрывчатку, как… если очень повезет, то в плен возьмут. Только большие у нас были потери, не брали мы никого в плен. Вот так — то.

— Эта хибара проверена уже, — останавливаю я направлявшихся к дому группу солдат.

— А чё, тогда тут стоите? — подозрительно спрашивает командовавший этой группой чернявый командир второго взвода старший лейтенант Г***. Он Бакинское ВОКУ окончил. Наркот, мародер, но не трус, далеко не трус.

— Нам П*** приказал, — угрюмо отвечает Муха.

— Губа не дура, — кривит в усмешке тонкие губы Г***, разглядывая двухэтажное строение — домик то богатый, есть чего взять.

Была у него повадка, если дом богатый и есть чего хапнуть, то подкинет Г*** патронов в сундук к хозяину, вот тот «духом» и станет. А дальше по обстоятельствам, или просто все разграбят, а то и постреляют, чтобы некому было жаловаться. Через три дня Г*** убьют в бою. За солдатскими спинами он не прятался. Бог ему теперь судья. А сейчас вот сию минуту:

— П*** прикажет возьмем, — я в упор смотрю на его смуглое потное лицо, прямо в темные глаза, — А ты его приказ не отменишь!

— Я с тобой как вернемся в часть поговорю, — грозит мне Г*** и уходит, его бойцы за ним.

Но всё это потом будет, а пока мы возвращаемся, разорвана на куски лепешка, жуем на ходу хлеб, и:

— Ложись, — шепчу я одновременно делая отмашку рукой:

«Внимание противник!»

Передовым я шел, зрение у меня хорошее, реакция отличная, стреляю прилично, обут в кроссовки, шаг почти бесшумный, вот и шел впереди. Остальные двигались сзади готовые прикрыть огнем и соблюдая дистанцию пять — шесть метров, уступом чтобы не перекрывать друг другу биссектрису огня. Как положено двигались, настолько насколько позволяла ширина тропы. Почти одновременно падаем на камни. Не увидать нас на рассвете, а шли мы тихо осторожным скрадывающимся шагом.

— Что? — спрашивает подползая Муха.

— Духи тропу минируют.

Четверо впереди в земле возятся, мины закладывают. Дурачье! Это кто ж не выставив охранения такими делами занимается? Мы ж вас враз с пары очередей положим.

— Не стреляй! — шепчет мне в ухо подползший Лёха.

— Это ещё почему? — шипит Муха.

— Халаты на них попортишь, — шепотом объясняет Лёха, — нам же их потом носить.

Верно Лёха, в дырявых пробитых пулями халатах ходить неохота, да и кровью их замараешь, хоть и чужая эта кровь, а все равно неприятно да и неопрятно. Оружие у духов: у одного за спиной автомат; остальные так вообще свои стволы на землю побросали. Ну и идиоты! Это кто ж так воюет?

Ползем по пластунски. Вот уже где-то десять метров до них осталось. Голоса хорошо слышны и даже запах от них доносится. Чужой запах, чем он от нашего отличается не поймешь, а все равно чуёшь — чужой. А вот теперь: Пора! Огонь! Лёха поверх их голов из автомата стреляет, я им под ноги пуляю и стараюсь в мины не попасть. Муха страхует, кто за оружие схватится уж по потому он и стрельнет. Да где там! Носом землю роют грозные моджахеды, никто за стволами не потянулся, растерялись. Взяли их тепленькими. Подошли. Без всяких там рукопашных изысков пинками подняли. По одному обыскали. Испуганные серовато смугловатые лица, дрожащие руки, покорно — послушные движения. Вот вы и в плену дорогие! Мордой к стенке, ноги врозь. Построили их у отвесной горки. Сами: Лёха их под прицелом держит; мы с Мухой мины рассматриваем. Пластиковые, нажимного действия, противопехотные. Производство: Италия. Знакомые штуки, заподлянские. Миноискатель их не обнаружит, наступил ногой на взрыватель мины, секунда и ты уже на небесах. Но на любой газ есть противогаз. Научились и с ними бороться. Есть у саперов дедовское приспособление: щуп. Это обычная длинная палка с воткнутым в конец заостренным металлическим стрежнем. Когда по подозрительному участку идешь то тыкаешь

ей перед собой как слепой тросточкой. Щупом мину обнаружишь, а там или отходи и расстреливай ее, или выкручивай взрыватель, есть и другой способ:

— Бегом! — приказывает, уже лишенным халатов, пленным Лёха и показывает на заминированный участок. Те машут руками и быстро, быстро что-то там Лёхе объясняют, тот в ответ только скалится:

— Бегом марш!

И под ноги им стреляет. Что ж по военному это вполне справедливо, они нас взорвать хотели, вот пусть теперь и разминируют, как могут, или вернее как мы им прикажем.

— Отставить! — ревет ротный. Я вздрагиваю.

Ну надо же, а мы и не заметили как он подошел, до наших постов еще метров пятьсот оставалось, в их сторону мы и не смотрели. За двести метров от нас стоит ротный, рядом с ним два бойца с первого взвода и лейтенант П***.

— Товарищ капитан! — в ответ на его окрик докладывает Муха, — тропа заминирована! Сюда нельзя.

— А то бы я сам не догадался? — иронизирует понижая голос капитан А***, приказывает:

— Мины обезвредить, пленных живыми привести. Выполнять!

Ладно, обезвредить, так обезвредить, мы и эти дела умеем делать. Осторожненько плавными движениями пальцев вывернул взрыватель, затем вытащил из земли пластиковый начиненный взрывчаткой корпус, вот и всё. В принципе, если умеешь, то ничего страшного нет. Десять штук вытащили. Больше нет, показывает жестом душманский минер. Ясное дело нет, во-первых мы всё посмотрели хорошо, а во-вторых… так если кто из наших подорвется, то тебя душман, сапер ты херов тут же на куски распластают. А жить ты хочешь, вон порозовел даже, как понял что не бежать тебе кросс по минному полю.

— Ну и чего вы там делали? — хмуро спрашивает нас после разминирования подошедший капитан А***.

Память у меня от природы хорошая, тексты легко запоминаю, наглости хоть отбавляй, вот и без улыбки объясняю ротному:

— Мы на рекогносцировку ходили. Рекогносцировка этот русифицированный термин немецкого слова: Rekognoszierung, которое в свою очередь происходит от латинского слова: recognosco…

— Ты! Rekognoszierung, — намеренно утрирует немецкий акцент, щуря глаза и показывая рукой на наш груз, спрашивает капитан, — а это что такое?

У меня РД от лепешек пухлое. А пахнет от него не толом или ружейным маслом, а свежим печевом. Прямо в расширенные

ноздри голодного офицера плывет хлебный аромат. У Мухи из РД крылья куриные видны, у Лёхи в РД тоже две курицы запиханы, а еще у каждого к РД приторочены трофейные халаты.

— Товарищ капитан, — прямо до посинения обижается Муха, — как вы только могли подумать, что с вами не поделятся?

— Пять минут, и все будет готово, — белозубо улыбаясь заверяет Лёха.

— А пока вот, — я достаю из РД и протягиваю офицеру, мягкую свежеиспеченную лепешку и предлагаю, — заморите червячка.

— Ладно уж, — цедит капитан А***, берет хлеб, ест и еще не прожевав кусок, невнятно обещает, — пожалею вас убогих.

И обращается к сопровождающим его бойцам:

— Пленных на допрос…

Допрос, вопрос и прочая военная лабуда нас меньше всего интересует. А вот как курочку сготовить, да еще и в горах да без костра и все это за пять минут, вот это да! Вот это серьезный вопрос, самый насущный на данный момент. Вот вы знаете как? Эх не служили вы в нашей роте! А вот для нас это не проблема. То что часть почвы из глины была, мы еще когда окопчики отрывали, приметили. Курочка потрошится ножичком, обмазывается мокрой глиной и… достается входящий в боевой комплект пирофакел он же сигнальный огонь и курочка им как в жаровне обрабатывается. Температура и скорость горения у пирофакела высокие, как и обещали: пять минут и птица готова к употреблению. Во как! Согласитесь, мы достойные потомки того солдата, что кашу из топора варил. Да, жрать захочешь всему научишься и по всякому исхитришься. Вместе с глиной и перья куриные отваливаются, кушать подано, жрите товарищи солдаты. С одной стороны курочка пережарена и почти обуглена, а с другой сырована? Ничего и такая за деликатес сойдет, руками на куски птицу рвали, да потом поедали. Только течет жир по губам, но не мимо и не на х/б, а на заботливо подставленную лепешку, чтоб значит ни капли добра не пропало. Что такое для голодных молодых здоровенных лбов три курицы? Одну то мы сразу, как только сготовили, ротному отослали. Маловато будет, так еще и лепешки есть, да сыр овечий. Подзаправились, не досыта конечно, но пока хватит. В сладкой сытой истоме закрываю глаза, одев трофейный халат согреваюсь. Готов к дальнейшему прохождению службы: «Хоть в горах еб…ся, хоть по б…м ползать» — это присказка у нас такая была. Гор много было на всех хватало, а вот б…дей? Да вот не было их у нас, не для солдатского рыла такая роскошь. Ничего, б…дей, нам политработники из округа или штаба армии заменяли. Те язычками тоже профессионально

работали, пожалуй даже и получше чем их коллеги из женского проституционного цеха. Я не про ротных замполитов говорю. Те то обычными офицерами были, на операциях боевыми группами командовали. Уровень говна в каждом ротном замполите зависел не от должности, а от личных качеств. А качества эти в принципе, как говорят сейчас экологи, соответствовали ПДК — Предельно допустимому коэффициенту.

«Товарищи солдаты! — с закрытыми глазами вспоминаю как профессионально работает язычком весь выхоленный в новеньком отлично подогнанном обмундировании молодой подполковник из политотдела округа, — Здесь в Афганистане, вы в первую очередь защищаете южные рубежи нашей Родины!»

Это весной еще согнали нас лекцию. А мы только день как с очередной операции пришли, толком еще не отдохнули. На хрен нам эта лекция не нужна, но слушаем, голос у подполковника громкий, а уши не заткнешь. От скуки смотрю по сторонам. Вижу знакомый боец из комендантского взвода бегает мимо нас, туда на склад, сюда в штаб бригады, туда — сюда. В руках у него вместительный общевойсковой вещмешок, со склада несется — мешок пухлый, со штаба бежит — мешок жалко обвисший, пустой. Солдат я уже опытный, и всегда готов к бою: «А где бы чего пожрать урвать!» Делаю вид что по великой и неотложной нужде лекцию покидаю. Недовольно смотрит на меня политработник, я ручкой животик потираю и гримасу строю жалостливую извиняющуюся, типа того: «Рад бы вас и дальше слушать товарищ комиссар, да вот ведь какая незадача, животик заболел, в сортир надо. Вы уж не взыщите, с убогого то» Вышел, притаился за палатками и комендантскую обслугу ловлю. Бежит милый, с полным мешком со склада бежит.

— Стой! — и хватаю его руки.

— Да ты чего? Сдурел?! — остановившись придерживая за лямки вещмешок растерянно смотрит на меня солдат.

— Делись! — требую я и киваю на мешок.

Знает «герой» с комендантского взвода, не поделится, то как заступит наша рота в караул по охране штаба, так в эту же ночь его подловят и таких пи…лей навешают, мало не будет. А виновных то и не найдут. Помнит «герой» и такой случай.

Ловили мы один раз писарька штабного. Заподлянку он одному парню устроил. А писарь как только наша рота в караул заступает, так ночью носа из своей палатки не высовывает. И что бы вы думали? Ночью закидываем в окошко палатки дымовую шашку. Дым валит и писарь разевая рот из палатки в одних трусах вываливается, а тут его уже ждут. Всего то минута делов, и была рожа у писаря холено — розовая, а стала красно — синяя. А

еще через пару деньков его к нам в роту переводят служить. Наша вторая, она как штрафная была, всех залетчиков с бригады в нее спихивали, а ротный капитан А*** всех в чувство приводил. Идет к нам писарь, а сам голову понурил и тяжко вздыхает. Не дрейфь солдат! У нас зря еще никого не били. Ты ж теперь боец второй роты. Мы посмотрим чего ты стоишь, а уж там и решим… И что бы вы думали? Нормальный парень оказался, в горах не издыхал, в бою не трусил, товарищей не закладывал. И польза большая от него была. Он же все ходы выходы в штабе бригады знал и дружки у него там остались. Как к нам внеплановая проверка со штаба идет, так мы о ней заранее уж знаем. Прозвище этому экс — писарю соответствующее дали: «Разведчик». А что вполне подходит, он как наш резидент при штабе бригады был и агентуру там свою имел, одно слово: «Разведчик».

— Делись! — повторяю я комендантскому воину и тяну на себя лямки мешка.

— Это из личных запасов комбрига, — сопротивляется «герой» комендач.

Хоть и боится он, но твердо защищает личную собственность командира бригады подполковника К*** проявляя при этом личное мужество и героизм.

— Ты понимаешь, — сбивчиво начинает объяснять он, — эти мудилы из округа, как прибыли так уже второй день жрут и пьют как свиньи, все наличную водку выпили, вот комбриг и приказал НЗ санчасти раскупорить, у них там литр медицинского спирта, на крайний случай осталось. А эти суки еще барахла требуют им достать, разведроту уж на операцию отправили…

— Ну раз такое дело, — отступаю я, — то лети.

Возвращаюсь на лекцию и слышу как продолжает работать язычком политработник:

— Выше держите знамя советского интернационализма, как зеницу ока храните честь воина — десантника. Помните! По вам будут судить обо всем нашем народе…

От отвращения закрываю глаза. Хоть не видеть эту мразь. Сука! А если кто из ребят разведроты, добывая тебе барахло погибнет, тогда как? А сколько афганцев они…

Слышу негромкий голос лейтенанта П***: «Подъем ребята», и открываю глаза. Хватит воспоминаниям предаваться. Все уже собираются.

Подъем третий взвод, вперед вторая рота, пора выдвигаться. Слушай команду первый батальон: Идите защищать в чужой стране южные рубежи нашей Родины и при этом: Выше держать знамя советского интернационализма; как зеницу ока хранить честь воина — десантника.

Вот только не надо судить по нам обо всем нашем народе.

— Смотри! — толкает меня плечом Муха и заливается булькающим смехом, — А наши то минометчики…

Оборачиваюсь и пожимаю плечами, эка невидаль, самое обычное дело. Наши минометчики пленных духов в советскую армию призвали. С нашей роты только один минометный расчет с нами на операции участвовал. Видать на допросе духи до жопы раскололись, вот их в «сады для праведных» и не отправили. И послали их не к «чудным девам жемчугу подобным», а к усталой грязной солдатне, таскать по горам минометы. Да товарищи духи, еб…ться с минометом в горах, это вам не райских садах с полногрудыми девами вступать в интимные отношения. Вот теперь и запомните, что состоит миномет из следующих частей: ствол, опорная плита, лафет, все такое тяжелое. А еще и лотки с минами, вам тащить придется. А коварные и довольные «гяуры» минометчики налегке рядом с вами пойдут. Только прицел миномета вам тащить не доверят, его командир расчета сам понесет, не велика тяжесть.

— Мы значит их взяли! — Лёха от возмущения и обиды весь такой горячий, впору хоть кипятком ссать, — А как их использовать так другим?

— Да пошли они все на х. й, — кричу я и тоже чувствую как закипает от обиды и несправедливости у меня моча, мрачно предлагаю, — скидывай РД ребята!

Разом скинули РД, а там кроме боеприпасов и всякой прочей военной дребедени и амуниции, у каждого по две мины к ротному миномету. Чтобы минометный расчет разгрузить каждому бойцу еще перед началом операции мины всучили. Такая мина тоже между прочим не легкая штука, а в горах каждый лишний грамм тонной давит.

Перед началом марша идем отдавать мины минометчикам, те такое добро не в какую брать не хотят. Сначала матом переругиваемся:

— Возьми свою х. ню! — требую я и протягиваю мину.

— Да на х. й она мне нужна? — искренне недоумевая отказывается и.о. командира четвертого минометного взвода, старший сержант и афганский побратим Жук и заводит руки за спину.

— Возьми сука! — наседаю я, — а то хуже будет.

— Ой! Испугал! — презрительно отвечает Жук и ехидно улыбается.

— Ну ты и б…ть, — изумляюсь я его наглости и разглядев самую его суть тут же произвожу матерого солдата дембеля в женский пол мужского рода:

— Ты пидор возьми мину!

— Да я тебя… — наступает на меня сжимая кулаки здоровенный Жук.

За малым, дело до драки не дошло. Малым делом капитан А*** оказался. Услышав перебранку он с ленцой подходит к нам ковыряя пальцем в зубах. Сожрал уже принесенную нами курятину, довольно отмечаю я. Капитан А*** невозмутимо продолжая ковыряться в зубах слушает обе стороны. Знаете он русский человек, а вот решение выносит чисто еврейское ну прямо соломоново решение. Сплюнув застрявшее в зубах мясо, он закуривает и преспокойненько заявляет:

— Сами разбирайтесь, — выпускает из легких сигаретный дымок, и широко улыбаясь уточняет:

— Или мины у третьего взвода остаются тогда и пленные им под охрану переходят, или минометчики свои боеприпасы забирают, а им в помощь мы афганских добровольцев передаем.

Стоя чуть поодаль и примеряя походные ремни минометного ствола, лафета и плиты, заодно и разинув рты смотрят на нас бывшие в употреблении афганские душманы, а теперь разом перевоспитанные и призванные в советскую армию «добровольцы». Чего они там про нас думают?

— Давай мины сюда, — с лютой злобой соглашается принять боеприпасы Жук.

— Эй вы! — кричит нам лейтенант П*** — Разобрались? А теперь в ГПЗ (головная походная застава, иначе боевое охранение при движении части) бегоом марш!

Наш третий взвод передовой заставой идет, за нами вторая рота, дальше с интервалами еще две роты первого батальона. При первой роте и штаб батальона. Комбат, начальник штаба и взвод управления связисты. Поверху над нами постоянно вертолет барражирует, прикрывает и ведет воздушную разведку. Место нахождения баз противника установлено агентурной разведкой и подкорректировано полученными в ходе операции войсковыми разведанными. Это если культурненько по военной терминологии выражаться, а если тоже по военному, но попроще, то стукачи что у духов работали за деньги всех их базы и сдали, а пленные которых мы захватили, в ходе активного допроса подтвердили: точно там базы находятся, а еще и запасные есть, вот там то и там то. Ликвидация этих баз и расположенных на них отрядов противника и есть смысл проводимой операции.

Все мы уже повоевали и от комбата до распоследнего солдата прекрасно понимали, что это х. ня, а не операция. Так базы брать, что воду в решете носить, капли останутся, а вся влага уйдет. Духи они же не дураки, совсем не дураки, у них половина

полевых командиров, это бывшие афганские офицеры учившиеся в Союзе. Да тут и гением партизанской войны не надо быть. Все просто, за нашими подразделениями постоянно ведется визуальная разведка, с опорных баз они с момента начала нашей операции давным-давно ушли, рассредоточились в горах. По пути следования наших рот ставятся противопехотные мины, за минным заграждением засада. И пламенный привет вам шурави от воинов Ислама, если даже не подорвался на мине, то пока разминируешь тропку, тебя из стрелкового оружия убью. Пока все части подтянуться, пока начнется интенсивный огневой бой, духи уже испарились. Вот и все собственно, вот и вся тактика ведения партизанских действий в горах. Тем более они свои горы знали, а мы нет. По картам, да по тропкам шли. Была возможность по-другому действовать? Да была! Ночная почти незаметная высадка с вертолетов небольшой в двадцать — тридцать бойцов группы, скрытное выдвижение к базе противника, обнаружение, распределение целей. И огонь! Их больше? Так давно известно воюют не числом, умением. Или на пути вероятного движения противника самим в засаду засесть. Умели мы так воевать? Да умели и неплохо. Не всегда духи в засады попадали, не всегда мы скрытно их базы брали, но уж когда получалось… то потерь у нас почти не было, а вот у них редко кто уходил. Почему эта операция по-другому происходила? И какого спрашивается хера, мы в открытую днем перли по горам? Так ведь спланирована эта операция в штабе армии. Солидно спланирована, по науке. Мотострелковые части усиленные подразделениями десантников и при массированной воздушной поддержке, разгромили части противника и уничтожили его базы. Потери? Ну так это война!

Ну что третий взвод, готов умирать? А почему мы?! А потому товарищ солдат, что другие тоже жить хотят. Кому-то же надо идти первыми. А вы? Ну что ж ребята судьба у вас такая. Слушай мою команду третий взвод! В передовое охранение… шагоом марш!

Страшно было? Да не особенно, так в пределах нормы. Всяких там умопомрачительных ужасов я не испытывал, легкий мандраж да был. Потом в восемнадцать — двадцать лет в свою личную смерть как-то не очень и верится, убивают всегда других. А когда придет твоя смерть, поздно уже будет бояться. Бояться поздно, а вот если сразу не убили, то молится самый раз. Слыхал я такие молитвы от тяжело раненых, помогают они или нет, не знаю.

— Хорошо, что хоть женился, — слышу как тихо говорит идущий за мной Саша П***.

Наш взвод по тропе в колонну по одному идет. Я первый за мной П***, дальше с интервалами остальные. На ходу

оборачиваюсь. С кем это П*** там разговаривает? Не с кем, с собой он говорит, а может с молодой женой, что осталась в Союзе. Теперь ее молитвы к материнским присоединяться. Теперь Саша уже двое будут простить тебя вернуться хотя бы просто живым.

— Ты это о чем Саша? — спрашиваю.

Когда других офицеров рядом не было, П*** старослужащие солдаты без малейшей фамильярности по имени звали.

— Вперед смотри! — обрывает меня П***, - и не хер подслушать.

— А я и не подслушиваю, — отвернувшись ухмыляюсь я, насмешливо добавляю, — Я товарищ лейтенант влет стараюсь офицерские команды ловить, вот слух и напрягаю.

— Ты эти сказки при очередном залете, другим рассказывай, — желчно отвечает П***.

Не верит он мне. И правильно делает. Что бы я, да влет команды ловил? Нашли ловца! Кабы я таким был, меня бы в армии и не увидели, я уж небось на третьем курсе института бы учился. А хорошо небось сейчас дома, эх сейчас бы пельмешек со сметаной навернуть, а потом не в горах еб…ся, а совсем по-другому, так как это природой для размножения предназначено. Мечтаю значит, а сам одновременно и вдаль смотрю и по сторонам оглядываюсь и под ноги глянуть не забываю. Сразу? Да не может быть! Очень даже может, не хочешь пулю словить, не хочешь на мине подлететь, научишься так смотреть. Со временем такое уменье приходит, так же как всей шкурой чуять чужой взгляд и наплавленный на тебя ствол.

— Ложись! — ору и сам падаю, рассекая воздух вжикнули пульки и ударил по ушам звук пулеметной очереди, поверху прошли пули. Отползаю к укрытию, по вспышкам, по чутью определяю позицию противника и стреляю. Первая очередь длинная, последующие: прицельные, короткие на три — четыре патрона. В магазине моего пулемета, патроны через два на третий уложены, два простых заряда третий трассирующий. По трассам определят бойцы передовой заставы где находится обстрелявший нас пулеметчик, и туда же начнут стрелять. Не поднять ему головы. Он и не поднимает, или позицию сменил, или совсем ушел. В общем хрен его знает, но точно не убит. Почему так определил? Да не знаю я. Чувствуешь такие веши, вот и все. Потерь у нас нет. Постреляли, полежали, отдохнули встали по одному и дальше вперед пошли. Не до ночи же здесь сидеть. Так и до дембеля пролежать можно, хорошо бы конечно, да кто ж тебе даст. Вот так до вечера и маршировали. В нас постреляю, мы постреляем, подождем, послушает, и дальше пошли. Еще мин с

пяток обнаружили на тропах, рисковать и вытаскивать взрыватели не стали. Отошли на безопасное расстояние и расстреляли их из автоматов и пулеметов. За день больше потерь нет и слава Богу. Как чуток стемнело, нам еду в термосах на вертолетах привезли и боеприпасы. День закончен, окопы отрыли, камешками бойницы обложили, можно и отдыхать. Только, только приготовились посменно покемарить как с соседней горки по нам стрелять стали. То ли духи хотели показать, что туточки они и некуда не делись, то ли они своему душманскому начальству хотели «очки втереть», но толку с их стрельбы: ноль. Расстояние между нашими горками по прямой где-то метров девятьсот было. Прицельно особенно в наступающей темноте не постреляешь. Неприцельная шальная пуля убойную силу сохраняет, но от таких попаданий окоп хорошо защищает. Мы конечно ответный огонь ведем, но так для порядка, без азарта. По вспышкам стреляешь в сумеречную хрень как в копеечку, и прекрасно понимаешь, что все это без толку. А вот наши минометчики, вот те перестрелке обрадовались. Быстро установили в подходящей ложбинке миномет, и давай мину за миной кидать. На другой горке где противник засел разрывы видны, оттуда духи тоже усиливают огонь, мы в свою очередь из стрелкового оружия пуляем. Летят очереди трассирующих пуль, гремят взрывы. Всё почти как в кино: красиво; зрелищно; бестолково. Духи тоже в укрытиях сидят, от мины толк будет только в случае прямого попадания, наши же пульки по законам баллистики уже не в цель летят, а токмо направление соблюдают. А минометчики все не унимаются все кидают мины. Думаете, горят желанием в бою поучаствовать, свою лихость и воинскую выучку продемонстрировать? Как бы не так! Они за истекший день мины свои не расстреляли, а тут им новые привезли. А куда их девать? Так просто не выкинешь, лишнюю тяжесть тащить неохота, а тут такой удачный случай, от этого добра избавится. Расчет к бою! Прицел девятьсот! Беглым огонь, огонь!

Расстрелял я из пулемета магазин, надоело, и без того за день до тошноты настрелялся. Скукатища, из окопа не вылезешь, шальная пуля может и зацепить, в окопе тоска, а тут еще и сигареты закончились, а курить охота аж «уши пухнут». Кричу я Лёхе соседу своему, что бы кинул он мне покурить, он пачку кидает, но до моего окопа она метров пять, не долетела. Стрельба вроде поутихла, я змейкой из окопа за сигаретами раз и пополз, только ручку за пачкой протянул, бац, шальная пуля мне в кисть руки и попала, кровь потекла, а боли нет. Я обратно мигом в свой окоп кинулся, рану боевую осматриваю, волнуюсь, бинт наслюнявил, ранку обмыл и успокоился, пулька только кожу

стесала. Вот тут я себе клятвенно обещал бросить курить. Кровянка сочиться перестала, а уши все пухнут и пухнут, второй раз за пачкой сигарет пополз, достал, вернулся, со смаком закурил, про клятву и ранку забыл.

Ночь, обоим сторонам пулять друг в друга надоело, перестрелка затихла. Заворачиваюсь в трофейный халат. На ногах у меня одеты шерстяные машинной вязки носки, обут в кроссовки. Благодать.

У всех солдат и офицеров батальона носочки нитяные, а у меня шерстяные. Свистнул я их у летчиков. Неделю назад проходил мимо модуля где живут офицеры вертолетного полка, а там у сборного домика бельишко и летная форма на веревках сушится. Идиллия. Ну прямо как в деревне. Оглядываюсь, нет никого. Раз с веревки еще влажные носки снимаю, прячу их в карманы и не торопясь скрываюсь с места преступления. Простите неизвестный мне товарищ офицер, но вам новые выдадут, а у меня в ваших носочках и в жару ноги преть не будут и в холод согреют. Кабы нам это добро выдавали, в жизни не стал бы я чужие носки носить, а так… ну простите. Да и еще дневальному своему передайте, что на службе надо не о п…де думать, а о том как охранять от всяких там…. вверенное ему под охрану имущество.

Тепло в шерстяных носочках, угревно в трофейном халате, за день то намаялся по горам ползать, да прошлую ночь почти не спал, а тут одно слово: «благодать». Пока моя смена не начнется хоть вздремну. Глазки закрываются и опять снится мне братцы «вещий сон».

Сижу я в классе родной школы N *** на контрольной работе по алгебре. Мой классный руководитель Зоя Петровна О*** ходит между рядами парт, бдит чтобы никто не списывал. А я то тему не знаю, но зато есть у меня шпаргалка. Только классная отвернется, как я раз и списывать, она в мою сторону повернется, так я прячу шпору прекращаю писать и в раздумьях морщу лоб. Но давно работает Зоя Петровна учителем, ловит она меня со шпаргалкой и торжествующе голосом капитана Э*** говорит: «Вот посмотрите дети, из кого никогда настоящий разведчик не получится!» Осуждающе смотрят на меня дети, только это не одноклассники, а сослуживцы по Гайджунайской учебке.

— Марш к доске! — требует О*** и трясет меня за плечо.

Смотрю на тему выписанную мелом на классной доске и обмираю: «Действия десантного отделения в тылу противника» Думаю: Ну ни х. я себе! Ну и тему на контрольной по алгебре нам задали! А еще мне ничуть не стыдно, что я попался. Я даже рад, что ничего не знаю, а стал быть в разведку мне идти не надо.

— Да ну вас на х…й с вашей разведкой, — говорю я классной руководительнице, — я лучше посплю!

— Встать хам! — кричит мне О*** теперь уже голосом капитана А***.

— Не моя смена, — отнекиваюсь я.

— Я тебе сейчас такую смену покажу! — вопит Зоя Петровна О*** голосом «корейского фельдмаршала» и бьет указкой меня по ногам.

Только я ей хочу сказать, что негоже советскому педагогу бить детей, как получаю второй удар по ногам и раскрываю глазки.

Стоит у моего окопа капитан Э*** и заносит ногу для очередного удара.

— За что товарищ капитан? — быстро вскочив спрашиваю я.

— За то, — опуская ногу серьезно без улыбки объясняет Э***, - что не чуешь ты солдат подход начальника, и даже во сне дерзишь командирам.

— Так вот значит ты какие сны видишь! — негодует командир роты капитан А***, - Вот ты о чем во сне мечтаешь? Как бы офицера с его приказами на х. й послать?!

— Мне, товарищ капитан снилось, — начал оправдываться я, — что взяли меня враги и пытают: Где прячет НЗ капитан А***? Признавайся! А то расстреляем. Я в ответ их гордо так на х. й их посылаю.

— И где же прячет НЗ твой ротный? — ласково интересуется Э***.

— Вы не враг, товарищ капитан, — глядя на начальника штаба батальона честными сонно-неумытыми глазами отвечаю я, Э*** — и потому вам скажу, — делаю паузу и вижу как багровеет А*** который хранит фляжку с водкой в РД которое таскает за ним каптер, и с уверенной наглостью завершаю ответ:

— Свой НЗ последний патрон, ротный хранит в стволе пистолета.

Это как насмешка прозвучало. Офицеры у нас на операции пистолеты с собой не брали, ну его тяжесть такую на поясе таскать, да и толку от него в бою нет никакого, все с автоматами ходили. И одевались так, что в снайперский прицел, солдата от офицера не отличишь. Форма у них конечно почище да по новее, а так солдат он и есть солдат…

— Да… — задумчиво так говорит Э*** — а лейтенант П*** был прав.

В чем был прав Сашка П*** мне не объясняют, зато объясняют какого это хрена меня разбудили среди ночи, за час до начала смены.

— Берешь двух бойцов, дадим тебе еще и связиста с рацией и вперед милый в разведку, проведешь рекогносцировку местности, установишь есть ли не обозначенные на карте тропы, обнаружишь огневые точки противника и обо всем доложишь по рации. Потом выберешь позицию по своему усмотрению и прикроешь утреннее выдвижение своей роты, а то нас посекут с пулеметов. Понял?

— А почему я? — угрюмо спрашиваю.

Такое задание мне совсем не улыбается. Можно так нарваться, что и мама сказать не успеешь, как на небеса отправишься. А я совсем не герой. Хочу увильнуть, вот и:

— Товарищ капитан, да как я в темноте то тропы найду? А передать ориентиры как? Я ж топографию совсем не знаю. — И решительно заканчиваю, — Боюсь подвести вас, не справится.

— Не бойся, справишься, а не справишься так хороших пи. лей от всего личного состава получишь, — утешает щуря свои корейские очи Э***, и ласково добавляет, — Понимаешь солдат, верим мы тебе, знаем что если придет беда, то не скажешь ты духам где А*** НЗ прячет.

— А еще ты слова умные знаешь, — серьезным тоном подъе… вает А***, - «рекогносцировка» и «топография», остальные то всё больше «на х. й», да «за х. й» говорят, — и сразу резко повышая голос не терпящим возражения командным рыком А*** приказал:

— Все понял? Вот и вперед!

В хули не дули, а приказ есть приказ, был бы умнее то дураком бы остался. Все горе не от ума, а от отсутствия надлежащего умения это ум прятать. В нашу всенародно любимую игру надо чаще играть, в дурака под такую мать надо играть в дурака.

— Нет ну почему я опять? — возмущенно спрашиваю я пришедшего проводить меня П***.

Собираю РД, снаряжаю дополнительные магазины и подвешиваю подсумки с гранатами на ремень, настроение хуже некуда.

— Из первого отделения ты один в строю остался, — серьезно объясняет присевший на бруствер моего окопа П*** и спрашивает, — А почему?

— Мне просто повезло, — угрюмо отвечаю я и прошу, — Слезь с бруствера, а то стрельнет какой нибудь идиот, возьмет да и попадет еще.

— При прочих равных условиях, — не прекращая разговор и не меняя тона, П*** слез с бруствера и присел в окопе, — везение большую роль играет, раз повезло, глядишь и второй раз повезет, — улыбается и задушевно так замечает, — а если тебя все же хлопнут, то все меньше залетчиков в роте останется.

Глядишь и показатели у нас в политической подготовке получше будут. А еще замполит из третьей роты с облегчением вздохнет, ты ж его на батальонном комсомольском собрании ленинскими цитатами чуть до истерики не довел…

— Ну спасибо Саша, удружил, — не глядя на П*** тихо говорю я, — жив останусь, водку тебе доставать больше не буду.

— Ты уж постарайся, остаться то, — усмехается малопьющий П***, - как же я без водки то… пропаду ведь…

Иду расталкивать еще двоих, которых с собой наметил пригласить.

Прохожу мимо окопа, закутавшись в трофейный халат и свернувшись калачиком сладко спит Муха только губами чмокает, улыбается чему-то. Вид у него детский беззащитный, не скажешь, что уже отслужил два года и имеет медаль «За отвагу». Этой осенью Мухе домой, совсем чуток до дембеля осталось.

— Нет, ну почему я? — слово в слово повторяет мое возмущение злой со сна Витек. Я его еле растолкал.

— Ты два раза был женат? — спрашиваю я и сам отвечаю, — Был! Бабу имел? Имел! В отпуск ездил? Ездил! А кого мне брать? Муху что ли? Так он не то что бабу не еб…л он небось еще не целовал то никого. Имей совесть Витек.

— Кто еще пойдет? — кисло осведомляется Витек.

— Иди Филона буди, а я тут радиста подожду.

Уходит Витек, я жду связиста, покуриваю в кулачок и слышу как:

— Ну почему я? — возмущается Филон.

А потому ребята, что не охота мне своих друзей Лёху и Муху под пули подставлять, они ж не виноваты что с таким раздолбаем как я дружат. Простите ребята, но кому-то же надо идти, а то и в самом деле, посекут нашу роту с пулеметов, а нас и так всего да ничего осталось. Подходит связист, тоже весь недовольный, я его давно знаю.

— Герка? — чуть улыбаюсь я, — Привет!

— Век бы тебя не видеть, — шипит Герка, — таскайся тут с тобой.

У связистов тех кто таскал полевые радиостанции служба тоже хреновая была. «Кто еб…тся в дождь и грязь? Наша доблестная связь!» — так про них говорили. То что рация тяжелая это еще полбеды, а вот то что их первыми убить старались вот это да, вот эта уже беда. Снайпера обучают не только хорошо стрелять, его еще учат кого надо убить первым. Офицер он на операции в полевой без знаков различия форме ходит, от солдатской ее не отличишь. А вот связиста сразу по антенне рации видно. Убей связиста, парализуй управление боем, вот

чему учат снайпера. Редко ходили связисты в разведку, не шли передовым дозором, а вот потери несли. Били по ним снайпера, и часто очень часто приходило пополнение в взвод управления, на замену раненым и убитым.

Вот и собрались вся группа. Четыре человека, две связки бойцов. Все лишнее снаряжение оставили. Идем налегке. Только у плотного, сильного и выносливого Герки за плечами рация. Подходят взводный, ротный и начштаба батальона.

— Ну давайте ребята! — только и говорит П*** и каждого легонько хлопает по плечу.

— Держи, — А*** протягивает мне флягу в матерчатом чехле, — выпьешь с ребятами.

— А это на завтрак, — передает Филону две банки тушенки обмазанной солидолом капитан Э***. Они с одного города земляки.

— Удачи! — шепотом желает Баллон когда мы проходим мимо его поста.

Пора. До рассвета еще четыре часа, а все равно пора. Рассветные часы они самые сладкие, самые сонные. Спите спокойно духи гор, мы постараемся вас не потревожить, мы тихонечко пойдем, и стрелять первыми не будем, по крайней мере до рассвета.

Это только кажется, что ночью тьма непроглядна, как поется: «не видно не зги». Не раз я ночами по горкам ползал и часовым на посту по ночам бдил. Во всех военных ипостасях срочной службы побывать довелось, и точно вам скажу: «жить захочешь и ночью где надо пройдешь, что захочешь то и увидишь» И ближе, солдат, ближе к горкам да камешкам жмись, они даже ночью тень отбрасывают, прячься в этой тени солдат вот тебя и не увидят. Сам стань духом солдат. Горы они духов любят.

Идем попарно в тени прячемся. Первой группой я и Витек, вторая Филон и Герка. Уже и наших постов не видать. Вниз по тропке мы спустились, идем по расщелине, камешек под плавным скользящим шагом не брякнет, амуниция на теле не звякнет, только «фибры души» вибрируют, но их слышишь только ты один.

А ведь должны они за нами наблюдение вести, обязательно должны, может уже и засекли нас, вот как от той, такой удобной для засады, кучки камней как даст по нам очередь душман и амбец. Останавливаюсь и чуть пригнувшись напряженно слушаю. Не горы слушаю и не ночь, а свои «фибры души» слушаю. «Иди, нет там никого» — шепчут мне «фибры» и я делаю плавный скользящий шаг вперед, за мной Витек, увидав что мы пошли поднялись с камней и Филон с Геркой.

Я в силу воспитания и образования был умеренным

материалистом и атеистом. Мистикой и паро-аномальными явлениями никогда не увлекался. А тут в Афгане проникся, почти всегда знал откуда по мне стрельнут и куда надо упасть. Даже чужие взгляды чувствовал, не каждый, а тот взгляд когда на тебя уже сквозь прорезь прицела смотрят. Не знаю что это было. Третьего глаза у меня нет и астральное тело за меня в разведку не ходило и вообще экстрасенсорными способностями я не обладаю. А вот «фибры души» есть и вибрируют они все сильнее.

Обходим подозрительную кучку камней, точно некого нет. Прошли всю расщелину, вверх на следующую гору поднимаемся. Гора хоть и высокая, но пологая, можно минуя тропу идти. На тропе могут быть мины, ночью их заметить трудно, лучше без дороги вверх по склону карабкаться. Да куда они эти бабаи хреновы провалились? Может ушли? И зря мы медленно передвигаемся мягким скользящими движениями по черным камням афганских гор. Нет не зря! Так завибрировали «фибры души», аж каждой порой кожи их почуял. Засекаем пост и тут же ложимся. Ждем стрельбы, шума гама, нет ничего. Поползли. Вот они. Четверо с винтовками и один пулемет РПД на сошках. Спят милые, небось утомились за день, вот и улеглись в ложбинке, завернулись в халаты и спят. Спите, спите мы вас не побеспокоим, мы вас сонных резать и стрелять не будем, мы вас тихонечко обойдем, мы только аккуратненько отметим вашу позицию, а потом тишком координаты и ориентиры передадим, вот вас утречком из минометов и накроют. Счастливых вам снов духи. Баю баюшки-баю, спите крепко на посту, а десантник то волчок, утром цапнет за бочок. Еще две позиции с пулеметами обнаружили. И только на одной не спали, зато разговаривали, негромко, да мы услышали. Обошли их осторожненько. А вот у этой группы оружие серьезное было, засекли мы торчащий из камней ствол ДШК (пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный). А грамотно позиции их расположены. Спустятся утром две батальонные роты вниз в межгорную долинку, вот тут — то их перекрестным пулеметным огнем и накроют. Третья рота, что будет с нашей высоты прикрывать движение первых двух, конечно откроет заградительный огонь и вертолеты на подмогу подойдут. Да только пока это начнется, у нас от личного состава хорошо если же половина останется.

Жестом показываю Витьку: «Сваливаем». Поползли, за нами Филон с Геркой.

Нам теперь тоже надо позицию подобрать, так чтобы под огонь своих не попасть, и из пулемета и автоматов наши роты поддержать.

На другую горку параллельную той на которой духи

расположились, забираемся и осматриваемся, нет никого. Высотка удобная, постов нашего батальона с нее почти не видно, зато позиции духов хорошо заметны. Герка по рации передает ориентиры. Все дело сделано. Окопы копать сил уж нет да и времени тоже, скоро рассвет. Из камней укрытия понаделали, есть где голову укрыть и ладно. Хоть и устали, а сна не в одном глазу нет. Выпить и пожрать надо. Филон штык — ножом вскрывает банки с тушенкой, Витек руками ломает черный хлеб, Герка облизывается, я снимаю фляжку отвинчиваю колпачек, выдохнув воздух и от предвкушения блаженства закрыв глаза делая глоток.

— Ну А***, ну и сука! — проглотив жидкость и с трудом подавив негодующий вопль, змеюкой шиплю я.

— Ты чего? — вскинулся Витек.

Молча передаю ему флягу. Витек делает глоток, сморщившись сплевывает и негромко матерится.

— Вы чего ребята? — растерянно спрашивает Герка.

— А ты сам попробуй, — предлагаю я, а Витек передает ему флягу.

— Чай как чай, — выпив недоумевает Герка.

— Это не чай, а верблюжья моча, — все еще негодую я, вспоминая как торжественно передавал мне флягу ротный.

Верблюжьей мочой у нас звали напиток приготовленный из «верблюжьей колючки», жажду то он хорошо утоляет, но не водка, далеко не водка.

— А ты думал, — ехидно ухмыляется Филон, — тебя спиртом наградят? — Предлагает, — Губы скатай и садись тушенку жрать.

Тушенка свиная с армейских складов. В обмазанной солидолом банке один свиной жир и немного мяса. Намазали на куски черного хлеба жира, чавкая съели, запили «верблюжьей мочой». Покурили. Вот и все, светает уже. Запищала рация. Герка одевает наушники и микрофон.

— Комбат, — вполголоса говорит он, — требует уточнить ориентиры для ведения огня.

— Вот ты и уточняй, — предлагаю ему я и уже Филону с Витьком:

— Расползаемся ребята, наши сейчас огонь откроют.

Каждый в свое укрытие залег, оружие к бою, и одна радость, что так и будем лежать, пока наши роты подавив огневые точки не пройдут мимо нас по извивающейся горной тропе. Хоть часика три отдохнем.

С нашей горы хорошо заметны такие далекие и совсем не страшные разрывы мин. Открыли минометчики огонь, все три расчета, по одному с каждой роты. Только мимо, не там ложатся

мины, совсем не там где мы ориентиры указали. Духи молчат, себя не обнаруживают. Им то что, смеются небось над нами, разрывы в ста, ста пятидесяти метрах от их окопов ложатся.

— Куда ты бьешь урод? Ты куда целишь под такую твою мать, — весь вспотев корректирует огонь Герка, — я тебе который раз повторяю, ориентир номер один это куча камней, бери влево сто метров там их пулемет…

— Я тебе где другие ориентиры возьму? — после короткой паузы кричит он, — тут кроме камней нет ничего… Сам пошел на х. й… Какие градусы?… откуда я знаю… Нет! Нет! Нет накрытия…

Корректировка огня, это наука. Тут требуется точная привязка топографической карты к местности, тут нужны заметные ориентиры, тут необходим армейский дальномер со специальной сеткой делений. Нет у нас ничего. Как слепой объясняет глухому как ему в незнакомом городе попасть в другой район, так и мы корректируем огонь. Нет! Нет накрытия. А как мы могли ночью лучше ориентиры выбрать? Тут нет зацепок для прицела, горы они есть горы. Надрывается в микрофон Герка:

— Мимо! Мимо! Да чтоб ты своей бабе так в очко попадал… Ой! Извините товарищ майор я это не вам… есть позвать.

Повернувшись в мою сторону зовет связист:

— Тебя комбат.

Подползаю, надеваю скользкие от пота резиновые наушники и слышу:

— Ориентировочно через пять минут будут вертолеты. Трассерами укажешь им направление для удара. Понял?

— Ясно, — тихонько отвечаю я.

— Не слышу! — ревет в наушниках голос комбата.

— Микрофон ближе, — шепчет Герка.

— Вас понял! — повторяю я поднеся ближе к губам микрофон.

Закончена связь. Опять завибрировали «фибры души».

— Ну как? — надевая на свою остриженную голову взятые и у меня наушники устало спрашивает Герка, — сильно ругался?

— Ну вот ребята и амбец нам пришел, — отвечаю и после короткого матерного ругательства, всем громко объявляю:

— Будем вертолеты трассерами на цели выводить. Давайте пока они не подошли по два магазина одними трассирующими снарядим.

— Может обойдется? — спрашивает повернувшись в мою сторону Витёк.

Нет Витька не обойдется, даже и не надейся. Дрожат «фибры души», значит амбец нам. Хотя может и обойдется, на войне

трудно наперед говорить.

Указывать цели трассирующим огнем, это ясно показать противнику, где сидят наблюдатели. Это конечно не так красиво как в кино: «Вызываю огонь на себя!», но по сути то же самое. Первое, что делает противник обнаружив наблюдателя это старается его уничтожить. По трассам нас быстро засекут. А у духов есть мощная машинка ДШК, как долбанут по нам с нее, только камушки от укрытий в разные стороны полетят. А дальше нас лишенных защиты быстро постреляют.

— Витек! Герка! Быстро на другую сторону горы откатились, вас там ответным огнем не достанут. А уж как нас еб…ут, так вы корректировку продолжите.

Никто не спорит, никто не выделывается: «Да давай я останусь, а ты уходи», или что нибудь в этом роде такое же бессмысленно — «героическое». Давно мы воюем и знаем у каждого своя судьба. А судьба, это братцы это такая подруга, что от нее за чужими спинами не спрячешься.

Отползают, Витек и Герка. А мы ждем. Молчим, а чего тут говорить. Слова они пустые, ими от пуль не прикроешься. А через пару минут:

— Давай пускай, а то нас расстреляют, — слышу истошный вопль Филона, а то я сам не знаю, что расстреляют, подвигаю свой РД и судорожно трясущимися руками роюсь в нем.

А вертушки уже на боевой разворот заходят, щас как долбанут по нам, и все. Будет нам не просто амбец, а полный пи…ц. Мы как вертолеты увидели так сразу корректирующий огонь открыли, а они нас за духов приняли.

Есть нашел, продолговатый цилиндр, рву запальный шнур. Пошел густой красный дым, показывает этот запущенный мною дымок: «Не бейте нас братцы! Мы свои!» Первый вертолет закладывает вираж и не расстреляв нас ракетами, уходит, за ним еще два. Делают круг, засекают наши направляющие трассы, и вот теперь уже на цель по одному выходят. Даже до нас доходит взрывная волна от ракетных разрывов. На позициях духов месиво от вздыбленной земли, летящих камней и визжащих осколков. А мы туда еще и своего огоньку добавляем. В ответ выстрелов нет. С первого захода вертолеты духов накрыли. Пока вертолеты кружат, наша рота поднялась, и бегом вниз в долину, а миновав ее вверх по склону другой горы к расстрелянным позициям душманских пулеметчиков поднимаются. Есть! Есть! Прошли засаду! Нет у нас потерь. Ну и пилоты! Прямо снайпера!

Бывало и такое, что друг по другу из-за несогласованных действий били, или по ошибке, а чаще всего по раздолбайству. И потери такие несли, нашу роту это не коснулось, а вот иным

подразделениям доставалось. А тут все прямо как «по маслу» прошло.

Ну все пора к своим двигать. Встаю и смотрю на Филона у него от химического дыма, все лицо красное. Он на меня глядит и хохочет:

— Ты теперь точно красный!

Протираю лицо рукой, смотрю на ладонь, вся красная. Бью ногой уже пустой, но все еще чуть чадящий едким удушливым химическим дымом цилиндр.

Вот из-за этих густых далеко заметных ярко красных сигнальных дымов, и возникла легенда о применении нашими войсками в Афганистане химического оружия. Не применяли, лично я о таком даже и не слышал, а слухам из «достоверных, но пожелавших остаться не названными, источников» не верю. Не было военной необходимости такое оружие применять, и обычным вполне справлялись.

— Повезло нам ребята, — подходя к нам говорит Витёк, рядом с ним идет счастливо улыбаясь Герка.

Бешеным звоном забили тревогу «фибры души».

— Ложись! — кричу я, сам падаю и только потом слышу заунывно противный вой мины.

Разрыв не вижу, только бьет по барабанным перепонкам сотрясенный взрывчаткой воздух, слышу клекочущий вой осколков и темнота. Все так быстро произошло. Раз! Даже ахнуть не успел, и готово, ты уже труп.

Первое, что почувствовал когда очухался, это дрожь в ногах, мокроту в штанах и испугался. Да неужто обоссался? Потом резкая дергающая боль в ноге. Смотрю кровь из левой ноги хлещет, течет и по штанам расползается. В ляжку меня долбануло. Сначала даже облечение почувствовал, значит не навалял в штаны. Может и смешно, но это так. Поворачиваюсь на бок, выдергиваю из штанов брючной ремень — трепель, привстав накладываю повыше раны жгут. При ранении главное кровью не истечь. И только потом осматриваюсь. Филон сидит рядом с лежащим Витьком и башкой мотает, жив. Герка как обалдев, смотрит на рацию она вся осколками искорежена. Помню до взрыва она у него на спине была, значит уже разбитую снять успел.

— С Витьком чего? — спрашиваю я, пересохло горло, хрипят связки и слова выходят из глотки тихие и как бы неуверенные.

— Сейчас перевяжу, — идет ко мне Филон и на ходу разрывая индивидуальный пакет, достает бинт, присел рядом и начал поверх штанов бинтовать.

— А Витька убили, — бесцветным голосом говорит он.

— Я уж понял.

— У меня промедол остался, — вот уже и Герка подошел, достает шприц — тюбик и колет мне в ногу повыше повязки.

— Повезло Витьку, — тем же бесцветным тоном говорит Филон, — ему всю спину осколками посекло и позвоночник перебило, и крохотная ранка на затылке. Сразу отъехал, не мучился.

Разное оно везенье на войне бывает. Коли судьба такая, то лучше уж так, сразу. А так…, даже если бы выжил Витек, то кому он потом бы с перебитым позвоночником да парализованный нужен то был? Разве что матери. Может и жене, но вряд ли.

— Идти то можешь?

Встаю, кровь уже не идет, боль промедол снял, кость вроде не задета, жить можно.

— Доковыляю как нибудь.

Филон и Герка заворачивают Витька в плащ — палатку, примеряются как нести.

— Если бы тебя вместо Витька грохнули, нам бы легче было, — скривился Филон, опуская на землю мертвое тело.

— Почему? — апатично, глядя как он возятся с плащ-накидкой, интересуюсь я.

— Ты весишь меньше, — без улыбки совершенно серьезно объясняет Филон.

Верно веса во мне килограммов этак с шестьдесят пять и то с учетом навешенной амуниции и оружия, а Витек он здоровый парень, тяжелый.

— Да брось ты свою рацию, — советуя я Герке, видя как он примеряя лямки собирается надеть радиостанцию, — итак идти тяжело, а ты еще этот хлам тащить собрался.

Герка швыряет на землю рацию, мы ее расстреливаем, остатки на мелкие кусочки прикладами разбиваем.

Как дошли почти не помню, через пару метров нога разболелась, все сильнее и сильнее жжет и рвет все тело. Искры из глаз. А тоже не ляжешь, тащить некому, ребята Витька несут, им тоже не сладко.

Все же дошли, на ту гору где раньше позиции у духов были. Наша рота уже ушла вперед. Меня и Витька возле штаба оставляют. Филон и Герка уходят. Мне батальонный фельдшер делает противостолбнячный укол, еще вспрыскивает пару тюбиков с промедолом, накладывает новую повязку. У меня все как плывет перед глазами, мне уже все по херу. Скоро эвакуация, меня в госпиталь, Витька на вечный дембель. Рядом он со мной. Как же мне хреново ребята, вот и улыбаюсь. Вспоминаю рассказ Витька, об отпуске домой. Он с первой женой разводиться ездил,

это она на развод подала, вот его и вызвали на суд по повестке заверенной военкоматом. Витька такой счастливый и довольный домой поехал, мы его всей ротой собирали. Развелся с одной и тут же на другой женился Витек. Вернувшись он нам фотку показывал, хвастал какая красивая у него вторая жена. Хотя уже не жена, вдова. Помнишь Витька как ты хохотал когда нам про суд рассказывал? Я ведь тебя таким запомнил, ты для меня, Филона, Герки, для наших ребят с роты не груз — 200, а веселый здоровый русоволосый парень. А еще помню как за минуту до разрыва ты сказал: «Повезло нам ребята!» Повезло, только такое разное везенье на войне бывает.

Виктора Н*** посмертно наградят орденом Красной Звезды. Меня, Филона и Герку представят к медалям «За отвагу». Вот только… Мой наградной лист разорвет начальник политотдела, за то что тремя днями раньше прямо во время проведения операции я избил афганского солдата и офицера и отнял у них термосы с пловом. Герке за то что он не представил на списание разбитую рацию объявят выговор. Начальник штаба батальона капитан Э*** ходил лаяться к начальнику связи, выговор сняли, а наградной лист Герке так и не утвердили. Филон с нами за компанию пошел, его наградной тоже в штабе зарубили. Филон и Герка останутся живы, они вернутся домой без наград.

Сергей Ф*** — Филон, Георгий З*** — Герка, наша награда — что живыми остались. Наша награда то что не попал в засаду под пулеметную мясорубку наш батальон.

А ты Витек, прости за то что я тебя на это задание выдернул, Муха должен был пойти. Вот только понимаешь, ты уже дважды был женат, а у Мухи девушки еще не было. «Имей совесть Витек» — сказал я тебе. А совесть у тебя была.

— Эй боец! Ты спишь что ли? — открываю глаза даже и не заметил как от потери крови задремал. Теребит меня за плечо фельдшер.

— Вертолеты пришли! Сам дойдешь?

Закидываю за спину РД, беру пулемет и ковыляю к вертолету.

— Ты куда это с пулеметом? — возле люка останавливает меня техник вертолетного экипажа, чуть улыбаясь предлагает:

— Да оставь ты его здесь.

— Только мертвый солдат имеет право отдать своё оружие, — безразлично я повторяю въевшуюся в сознание военную аксиому и пытаюсь залезть в люк. Не получилось, раненая нога не поднялась, вся как онемела.

— Давай помогу, — техник подсаживает и я кое-как залезаю в отсек.

Загрузились и полетели. Рядом со мной в отсеке еще двое

раненых, незнакомые ребята. Один в руку ранен, другой в грудь.

— Вы откуда?

— Разведрота 860 ОМСП, — отвечает тот что в руку ранен, — нас раньше забрали.

— А… — бормочу я и засыпаю.

Палатка ПМП мотострелкового полка, валяюсь ночью на койке, бессонница, тоска. Все чужое, солдаты, врачи, палатка, койка. Как там наши? Уже наверно на привал встали, сколько же нас осталось во взводе? Сашка П***, Филон, Лёха, Муха, Баллон — пятеро. А в роте? Мысленно считая перебираю в памяти имена ребят, пятнадцать. Да покосили нашего брата. Уходили в горы тридцать нас было. А по штату так вообще шестьдесят пять единиц должно быть. Остальных ребят за весну и лето потеряли. Еб…ная война!

Друзей нет, просто знакомых и то нет. Сигареты кончились, стрельнуть покурить не у кого, поговорить не с кем. Хоть бы наши что ли быстрее вернулись.

Когда нас раненых на вертолетах доставили, то на взлетной площадке, уже машина ждала. Быстренько всех в ПМП доставили. Раненого в грудь парня сразу на операционный стол, и все врачи к нему. А меня фельдшер осматривал. Рану посмотрел — сквозная, кость не задета, кровотечения нет, нагноения нет. Все в порядке. Вонючей мазью края обработал, тампон, новая повязка, вколол тройчатку: анальгин, димедрол, новокаин. Иди спасть солдат. Все как на собаке заживет.

Тяжело хромая еле выхожу с перевязочного пункта в одной руке за ремень пулемет волоку, в другой полупустое РД. Кружится голова, сам весь грязный, потный, оборванный, на лице как с утра красная химическая краска въелась так и осталась. Куда идти, где умыться, куда прилечь не знаю. Чужой я тут. Нет до меня никому дела.

— Эй ты чмо! Кто таков? — окликает меня проходящий мимо офицер с красной повязкой на рукаве. Холеная свежая морда, чистенькая форма, весь такой ухоженный, преисполнен собственной важности. Дежурный по штабу.

— Это ты чмо пехотное! — коротко злобно огрызаюсь я, — А я десантник из 56-й бригады.

— Ты как с офицером разговариваешь? — бесится дежурный, на погонах четыре звездочки — капитан.

— А ну смирно! — командует он.

— Да пошел ты на х. й, — устало отвечаю я.

— Да я тебя… — до зелени на пухлом лице изумляется капитан, — я тебя научу дисциплине… я тебя…, - хватается рукой за кобуру пистолета и делает ко мне шаг.

Это я тебя научу сучара! Оружие к бою! Ну пи…р тыловой попробуй, поучи меня. Ствол пулемета в живот офицеру смотрит, затвор уже передернут. Красные круги в глазах. Убью падла! И убил бы такая накатила злоба.

— Рафик на столе умер, — слышу за спиной бесцветный голос, не оборачиваюсь, я на капитана смотрю, вот сделает он хоть шаг ко мне, стреляю.

— Оставь солдат, — тот же голос слышу, — опусти оружие.

Капитан, что у меня на прицеле был, делает шаг назад, подносит руку к головному убору — полевой фуражке отдавая честь:

— Товарищ подполковник! Разрешите доложить…

— Да х…ля тут докладывать, — негромко обрывает его подполковник, — вы что не видите, боец ранен.

Опускаю ствол пулемета, оборачиваюсь. Подполковник в полевой форме, на вид лет сорок ему, загорелое лицо в морщинах, нос тонкий кривоватый, губы в тонкую линию сжаты. По выправке, по форме, по выражению лица, по манере носить оружие, а главное по исходившей от него спокойной уверенности, сразу чувствую это офицер, а не звездное дерьмо в погонах.

— Ты солдат почему оружие не сдал? — спрашивает рассматривая меня подполковник. Глаза у него серые, а выражение непонятное, то ли наплевать ему на все, то ли так за… бала его война, что он уже ничему не удивляется.

— А вы товарищ подполковник, что своим бойцам скажите если они в чужой части личное оружие побросают.

— Ничего не скажу, — пожимает плечами офицер, — пи…лей отвешу только и всего.

— У нас в бригаде, — напряженно улыбаюсь я, — так же рассуждают.

— Рафик на столе умер, — повторяет подполковник и кривит лицо, — отличный солдат был из Пензы.

— И Витька утром убили, — невесть зачем тихо объявляю я чувствую как задрожали губы.

— Прокопенко! — негромко зовет офицер, и тут же как ниоткуда материализуется подтянутый солдатик.

— Отведи нашего гостя умыться, дай ему переодеться и укажи место в палатке, пусть отдыхает.

— Есть! — бодро по-уставному отвечает солдатик.

— А ты воин, — прищурившись смотрит на меня подполковник, — после излечения доложишь своему командиру, о наложенном на тебя взыскании, — после короткой паузы объявляет, — Делаю вам замечание за неуставной ответ дежурному по части. И еще, — чуть подумав прибавляет он, —

передай своим офицерам, что они правильно своих подчиненных воспитывают.

И отдав честь уходит, за ним семенит капитан. Ну не х…я себе! Вот и порядочки в этом полку.

— Это кто таков? — спрашиваю я у солдатика.

— Наш комполка, подполковник К*** — отвечает подтянутый солдатик, — Нормальный мужик, служить с ним можно. Ну пойдем что ли…

Товарищ подполковник! Не знаю как сложилась ваша военная судьба, какие звания и ордена вы заслужили, но свою высшую воинскую награду вы от солдат уже получили: «Нормальный мужик, служить с ним можно!» Не про каждого командира так солдаты говорят.

От лекарств, от прошедшего нервного возбуждения, от потери крови слипаются глаза. Кое-как умылся у самодельного рукомойника. Поддерживаемый за руку подтянутым солдатиком добрел до койки, разулся, скинул на табурет одежду, свалился на чистое постельное белье и тут же заснул. Весь день проспал. А вот сейчас ночью проснулся. Давит на мочевой пузырь, надо вставать. И где тут у них сортир? Покряхтывая стараясь не потревожить ноющую ранку встаю. Первым делом смотрю где оружие, тут он мой родненький РПКСик стоит, рядышком с койкой на сошках. Потом ищу свои вещи. Мое тряпье на табуретке, а еще перекинутое через спинку кровати висит новенькое х/б, на полу рядом с рваными кроссовками блестят непотертой кожей ботинки, рядом удобные без задников тапки. Это мне? Ну спасибо!

Беру свой пулемет, выхожу из палатки, бреду в поисках нужного места. Не нашел, опорожняюсь по-солдатски, где придется. По-солдатски: это как угодно; где угодно; но не на оружие; не на воинское знамя и не на спящего товарища. Слышу как в соседней палатке приятный тенорок напевает:

А где-то даже женщин обнимают,
Которые не стоят ничего
А в Файзабаде по ночам стреляют
И пули пролетают сквозь окно

В надежде стрельнуть покурить, а то и просто поболтать иду в палатку на голос.

Там давешний, раненый в руку разведчик, тоже не спит. В палатке больше никого. Пустые без матрасов койки. А этот сидит себе на коечке напевает и рисует здоровой рукой в альбомчике.

— Ты чего свистишь? — с ухмылочкой спрашиваю и без

приглашения присаживаюсь к нему на койку.

Свой пулеметик пристраиваю рядышком на соседнюю койку. Лениво спрашиваю:

— Ну и где тут у вас стреляют?

— Пока наши духов по горам гоняют, тут не стреляют, а вот как закончится операция, так опять каждую ночь постреливать будут.

— Прямо по расположению части? — удивляюсь я.

У нас то в гарнизоне такого не было. Редко, редко, когда по позициям духи стрельнут.

— Ага, — отвечает парень, — постоянно постреливают, — спрашивает, — А ты чего не спишь?

— Уши пухнут курить охота.

— Возьми в тумбочке, мне ребята принесли.

Достаю из тумбочки сигареты, со смаком закуриваю. Хорошие сигареты «Ростов — на — Дону» крепкие и на вкус ароматные. Киваю на альбом:

— На дембель готовишься?

— Рафика альбом, — не прекращая рисовать, отвечает солдат, — ему обещал сделать, а тут хоть матери его память будет.

— А…

Пролетел тихий ангел, часто он среди нас летал, с горечью мы его встречали и без слез провожали. Здравствуй тихий ангел, ну расскажи-ка нам куда души наших ребят проводил? Тих ангел, он не отвечает, никогда и никому. До свиданья тихий ангел, ты уж наших ребят там не обижай…

— Тебя как зовут? — не глядя на меня и не отрываясь от рисунка спрашивает солдат.

Представляюсь по имени по роду по земле на которой родился.

— Да мы почти земляки, — улыбается солдат, — Я с Волгограда, Васёк.

Смотрю на его рисунок. Заштрихованные, чужие не родные нам горы. Идет к ним цепочка солдат. Не видно лиц, только сгорбленные от тяжести амуниции фигуры, только готовое к бою оружие, только усталость в каждой прорисованной линии. Мы все на одно лицо, мы так устали от тяжести, мы хотим домой, но готово к бою оружие, и мы уходим в чужие нам горы…

— Здорово рисуешь! — искренне восхищаюсь я, — Прямо как художник!

— А я и есть художник, — с гордой улыбкой отвечает польщенный Васек с Волгограда, — я художественное училище закончил, не Верещагин конечно, но…

— У него своя война была, — не отрывая глаз от рисунка тихо говорю я, — у тебя своя, — и прошу, — ты рисуй нас Васёк, рисуй, пусть память от нас останется. Настоящая память, а не лубочная картинка. Что б как у Верещагина в «Апофеозе войны» получилось, до дрожи, до боли, до…

— Гляди-ка! — негромко смеется Васек, — да ты и про Верещагина знаешь?

— Я когда до службы в Москве был, то первым делом Третьяковскую галерею посетил, — объясняя злюсь я, — все его картины там просмотрел, даже альбом с репродукциями купил, он меня дома ждет.

— Дома ждет, — грустно повторяет Васек, — вот только далеко отсюда наша Волга, дождется ли?

Меня дождалась, а тебя, а Васёк? Где твои картины? Ты что же теперь только одну рекламу рисуешь, а? Верещагин погиб на русско-японской войне, броненосец «Петропавловск» его могила, его картины вот ему памятник. А ты? Где ты Васёк с Волгограда? А может твои картины свалены в углу комнаты. Брошенные, запыленные никому не нужные, как и наша память об этой войне. Если так, то не сдавайся боец разведроты 860 Отдельного мотострелкового полка, должна же от нас хоть память остаться, а не фальшиво — раскрашенные рекламные картинки. Ты меня слышишь Васёк?

А где-то коньячок и осетринка
И пива запотевшего бокал
А в речке Кокча водится малинка
Костлявей рыбы в жизни не встречал

Негромко продолжает напевать Васёк и снова рисует, а у меня в животе заурчало. Осетринка, пиво, коньячок, как жрать то охота.

— Слышь земляк, а как бы нам выпить да пожрать раздобыть, — отрываю я Васька от искусства.

— Пожрать запросто достану, а вот выпить…

— Пехота, чмо ты и есть чмо, — с оттенком пренебрежения укоряю я Васька за то что среди ночи он не может раздобыть выпивку.

— Сам ты… — матерится Васек защищая честь и славу своего рода войск.

Ранен Васек в левую руку, это только и спасло его от моего гнева, когда я услышал, какими да еще и разэтакими являются потешные десантные войска вообще и я в частности.

— Где у вас фельдшер кваритируется? — подавив гнев,

интересуюсь я.

— Тут же в ПМП в жилой палатке, — злобно все еще держа обиду отвечает Васёк.

— Зови дневального, пусть он нам его сюда представит.

— Зачем?

— Выпить хочешь?

— Ну!

— Тогда зови.

— Дневальный! — кричит Васёк.

Дневальный, по виду недавно призванный солдатик прибежал, молча выслушал приказание и убежал. Минут через тридцать приходит фельдшер, заспанный недовольный, раскормленный.

— Помираешь что ли? — пренебрежительно язвит он.

— Без водки и жратвы помираю, — нагловато усмехаюсь я, — хреново у вас тут тоска, одна.

— Да ты что совсем ох. ел?! — аж надсаживаясь от возмущения заорал фельдшер, — Ты меня за этим вызвал!?

Беру с койки свой пулемет. Глаза у фельдшера округлись, сытое круглое толстощекое лицо, как похудело и враз опало.

— Ты чего? — растерянно бормочет он, — я ж тебя перевязывал, лечил, ну успокойся, давай я тебе укольчик сделаю.

— Ширяться не буду, — решительно отказываюсь я и указательным пальцем в деревянном прикладе своего пулеметика ковыряюсь.

В прикладе РПКС-74 специальное отверстие предусмотрено, образцовый военнослужащий хранит там оружейный пенал с приспособлениями для чистки оружия. Образцовым я никогда не был, а в отверстии храню всякие интересные малогабаритные штучки. Именно по этой причине, с личным оружием стараюсь не расставаться. Ага вот нащупал. Вытряхиваю крохотный завернутый в масленую тряпочку сверточек. Разворачиваю. А там отделанный синей эмалью золотой мужской перстень. Я его с духа снял. С живого, с живого, тела я никогда не трогал. В плен дух попал, ну не отдавать же такое добро штабной сволочи, один хрен перстень отнимут. Даже если наши не тронут, то перстень после передачи духа местным, ХАДовцы все одно отберут, а то еще и пристрелят пленного чтобы не возникал. Дух кстати это тоже прекрасно понимал, не выеб…ся, сам снял, сам отдал. Зато я его живым довел и другим пиз…ть не дал. Так что квиты. По моему конечно.

Показываю золотую цацку фельдшеру, называю цену: пол-литра медицинского спирта, пять банок тушенки, блок сигарет, две упаковки анальгина. Дешево конечно, почти задарма, но ведь

у всех так: тяжело пришло, легко ушло. Чего его жалеть, живы будем еще добудем.

— Настоящий? — колеблется фельдшер рассматривая трофей.

— У тебя соляная кислота должна быть, вот и проверь, — оставив пулемет и развалившись на кровати вполголоса говорю я.

— Договорились, — решился фельдшер.

Через час у нас застолье. Втроем сидим. Васёк, фельдшер и я. Одну фляжку с уже разбавленным спиртом, три банки с тушенкой и половину сигарет я сразу отложил, для своих. Всё остальное выставил. Ну что приступим? Разведенный спирт, открытые банки с тушенкой, наломанный кусками белый хлеб. Помянули ребят. Еще выпили. Рана ныть уже перестала, тепло, хорошо, душевно.

Мои вещи дневальный уже в палатку к Ваську перетащил. Полулежу на кровати в голове все так сладко плывет и без интереса слушаю как достает фельдшера уже полупьяный Васёк:

— Нет ты мне скажи, ну почему для нас никогда ничего нет, а дай тебе на лапу так все сразу есть.

— Ты думаешь я только себе беру? — отбивается фельдшер, — начмеду дай, туда дай, сюда дай. Все спирта требуют, а его между прочим мало выдают. Вот вам даже на обработку ран и то не хватает.

— Оставь его Васёк, — лениво прошу я, — не нами начато, не при нас закончится. Наливай лучше.

Выпили, нёбо, губы уже как онемели, без вкуса жую тушенку и рассказываю:

— У меня в школе военрук был, мировой мужик, всю Отечественную войну в пехоте отпахал. Так вот он говорил, у них на фронте такая же х…ня была. Солдату на передовой нет ничего, а тыловые суки в три горла жрут, пьют и в хромовых сапожках щеголяют, а полуголодная пехота в обмотках б\у воюет. И трофеи тогда брали не хуже чем мы теперь, а уж как в Германию вошли…

— А на армейских складах что творится, — не давая закончить рассказ перебивает меня фельдшер, пьяной обидой дрожит его голос, — положено медикаменты выдавать по списку, по заявке, с учетом ведения боевых действий, а там, — забористо поминания армейскую «мать» клокочет злостью фельдшер и продолжает, — того нет, сего нет, это не положено, вот это ждите. Короче х. й вам! А если мы не изловчимся все достать, то у нас раненые прямо на столах умирать будут как Рафик сегодня. Вот ты, — оборачивается он ко мне, — Небось как и Васёк думаешь, что я сука тыловая, спирт, тушенку ворую, да за чеки все продаю, или на барахло меняю. Так да?

— Отстань, — вяло отмахиваюсь я.

— Думаешь! — бешено кричит он, и вскакивает с табурета, подходит ко мне и трясет за отвороты расстегнутого х/б, близко к моему его красное лицо, слюни с губ брызжут:

— А ты знаешь десантник херов, что мы все это собираем, да накланявшись отдаем на армейских складах, чтобы нам хоть по списку все медикаменты выдали. Ты! Под такую твою мать, знаешь, что на твою золотую побрякушку, я таких лекарств добуду, что только генералам дают и ими наших пацанов лечить буду! Да я сука тыловая! Не хожу на боевые, зато тут вас лечу как могу как умею.

— Брось орать Федька, — просит Васёк, — давайте еще по одной ребята.

— А у меня тост, — стряхнув руки фельдшера и привстав говорю я, — давайте ребята выпьем за настоящих врачей и за тебя Федя, за то что нас с того света вытаскиваете и лекарства достаете и вообще…

Налили. Выпили. Пьяный заревел фельдшер Федька, слабоват на спиртное оказался, бывает. Ладно тебе не реви, не баба.

— Рафика сегодня не спасли, — трясет он башкой, — одна пуля ему под сердце попала, вторая легкое пробила, крови много потерял, прямо на столе захрипел и умер.

— Бывает, — пожимаю плечами я, — А что у вас комполка к каждому раненому ходит? У нас так нет. Убили так убили. Ранили так ранили. Обычное дело.

— Тут другое, — нахмурился Васек, — Рафик он земляк командира. Тот его родителей знает. Вроде как с отцом его дружил в детстве. Когда Рафке осенью семьдесят девятого срок призываться подошел, его комполка к себе взял, еще до войны. Потом как вошли он его в писаря хотел пристроить, а тот в разведроту напросился. Говорит, мол не хочу чтобы в меня пальцем тыкали. Мировой парень был, его весь полк уважал.

— Любимец богов, — пьяно пробормотал я.

— Чего? — насупился Васек.

— Кого боги любят, того они молодым к себе забирают, — устало с усилием шевеля онемевшими губами пояснил я, — у эллинов такое поверье было.

— На х. й это поверье! — заорал фельдшер не вытирая с лица слезы и сопли, — человек жить должен. Ты понимаешь жить и быть счастливым, мы имеем право на жизнь мы его тут уже заслужили.

Заслужили? Да мы, кто живым вернется, своего счастья сполна хлебнем. Много нам его досталось, хоть отбавляй. Да и не только нам… Подлость и предательство возведенные в ранг политики, воровство ставшее добродетелью, измена ставшая

доблестью. Вот что нам подсунут в этой жизни. Героями станут не Рафик, отказавшийся прятаться в штабе, не Витек убитый осколком мины в разведке, не Фаик получивший две пули и выживший, не тысячи других убитых или израненных ребят, награжденных орденами и медалями или оставшиеся без отличий, нет. Новому времени нужны свои герои: наемные убийцы, бандиты, воры в законе и без закона, продажные девки и еще более продажные политики. Это про них снимут фильмы и напишут книги, их песни зазвучат на радио и телевидении. Им будут завидовать и подражать. Ну что ж какая страна такие и герои. А про вас ребята никто не вспомнит, никто даже не подумает, что вы тоже имели и имеете право на жизнь и счастье. Время выбрало не нас. Вот и все. Ничего. Выше голову ребята! Мы исполнили свой долг. Как смогли.

А пока, мы еще здесь, в этой палатке. Пока мы еще только мечтаем о счастье, каждый о своём. Наливай Васек. Еще по одной дернем, за тех кто в горах, пусть живыми вернутся.

— Вот ты мне объясни, — как издалека доносится голос Васька.

Ого да я уже пьян, еле его слышу, плыву в своем опьянении как в теплой прогретой солнцем волжской водице. Эх Волга милая ты моя, как же я соскучился по твоей речной ласке. Смотрю как силится докричаться до меня Васёк, напрягаю слух, усилием воли удерживаю убегающее в алкогольную нирвану сознание и слышу как:

— Вот ты мне объясни, — упрямо повторяет Васек, — чего вы десантники так вые…сь всегда? Чем уж вы от нас пехоты так отличаетесь?

— Да ничем, — еле шевеля онемевшими губами и разводя руками с пьяной искренностью отвечаю я.

И правда ничем. Любого из пехоты к нам переведи вот тебе и десантник, не хуже других будет, от нас любого в пехоту убери, вот тебе и мотострелок. И полно таких примеров было. И офицеры у нас почти все из мотострелковых частей пришли, а до этого ВОКУ окончили. Ротный — Омское высшее общевойсковое командное училище, командир первого взвода — Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище, командир второго взвода — Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Хватало и таких офицеров кто после военной кафедры гражданского института на два года служить пришли. Только командир третьего взвода лейтенант П*** кадровый десантник, он Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола, окончил. Таких как он офицеров, на всю бригаду

может с десяток только наберется. Все остальные из мотострелков в бригаду пришли служить. И что? Хреновые они офицеры что ли? Нет, нормальные командиры, обычные в общем. А солдатня? Все минометчики, артиллеристы, зенитчики, водители, связисты, саперы, те так общевойсковую учебку в Ашхабаде закончили. А попробуй им скажи, что мы из воздушно-десантной учебной Гайджунайской дивизии белая кость, да голубая десантная кровь, а они чмыри общевойсковые. Так тебе косточки то быстро пересчитают, да самого разом в чмо превратят. Да и не скажет никто нет таких дураков. Командиры БМД, операторы — наводчики, механики водители, командиры отделений для воздушно-десантных и штурмовых батальонов вот те да в основном из Гайджуная прибыли. А рядовой состав? У нас в то время основная часть бойцов была призыва осени семьдесят девятого года. В ноябре семьдесят девятого призвали, в январе восьмидесятого они уже в Афгане. С парашютами попрыгать не успели, военную подготовку пройти не успели, тут все науки войсковые превзошли.

— А чё, тогда гонор свой показываете, — все пристает и пристает Васёк, — ты бы на себя со стороны посмотрел. Только к нам попал, и тут же вые…ться стал: я — десантник. Так и охота было в морду заехать.

— У каждого рода войск свои традиции, — еле шевеля онемевшим заплетающимся языком пытаюсь объяснить я, — наша традиция это вые…бон в мирной обстановке, а в боевой…

— Мы не хуже вашего воюем, — размахивая здоровой рукой кричит мне Васёк.

Слипаются у меня глаза и я уже не вижу возмущенное лицо бойца из разведроты мотострелкового полка, неразличимым шумом доносится его голос. Крепкая это штука медицинский спирт, пусть и разведенный, пьян я в дупель.

— Слышь, — трясет меня за плечо Федька фельдшер. Хочу но не могу открыть глаза, а он назойливо все зудит и зудит мне в ухо:

— Завтра тебе эвакуацию предложат, так ты не соглашайся. Госпиталь в Союзе это мрак. Рана у тебя не опасная, все заживет. Слышь? Не соглашайся.

— Ладно, — еле бормочу я и проваливаюсь в сон.

Через три дня когда мясо на ране уже затянулось и я более менее уверенно ковылял, вернулся наш батальон. Усталые, грязные, оборванные, голодные такими они пришли с гор. Мы всегда такими возвращались. Те кто вернулся. Прожженные солнцем, обессиленные и счастливые. Живы! Живы! Опять живы! Ковыляя, таща ранец и пулемет бреду к свой роте. Наши уже

кружком сидят. Брошено на землю РД поверх личное оружие.

— Ну ты тут и харю отожрал, — встречает меня Филон встает и хлопает по плечу.

— А где х/б новое и ботинки урвал? — с легкой завистью спрашивает живой и здоровый Лёха.

— Спи…л небось? — смеется Муха.

— Пожрать тут чего есть? — скалит зубы Баллон.

— А П*** где? — осматриваясь ищу командира взвода.

— Да живой он, — улыбается Лёха, — к комбату пошел.

— Угощайтесь ребята, — я достаю из своего РД: тушенку; хлеб; флягу с разведенным спиртом. Выкладываю сигареты. Прошу:

— Герку связиста позовите.

За Геркой Баллон сбегал. Выпили, пожрали, еще по глотку выпили. Закурили. Обходя нашу группу и с завистью на нас поглядывая, проходят бойцы из других взводов и рот батальона. Извините ребята, не приглашаем, на всех не хватит. Сами шуршите. Они и пошли шуршать разбредаясь между палатками мотострелкового полка. А как же мало нас осталось в первом батальоне.

— Минометный расчет который нас тогда накрыл, — закуривая начинает рассказывать Филон, — мы достали. Они суки за горкой позицию оборудовали, вот мы их ночью и не приметили. Как вертушки отстрелялись, вот тут то они по нам навесным и долбанули.

— Мы их прямо на позиции взяли, — усмехается Лёха, — не ждали они, что мы так быстро до них дойдем.

— И?!

— П*** орет: «Не х. й делать и живьем не брать!» Мы еще когда на вершине были, видели, что одного из вашей группы тащат, а другой еле идет. Только не знали кого… А потом Филон пришел и говорит: Витек убит, а ты ранен, — со смаком покуривая ароматную сигарету поясняет Муха.

Смотрю на него. Где ж только у него душа то держится. Сам маленький такой, да еще и так похудел, просто кожа да кости, щели ввалились. Вот только щетины не было, не росла у него еще щетина, не брился он еще.

— Еще во втором взводе лейтенанта Г*** убили, — продолжает рассказывать Филон, — его взвод нас в ГПЗ сменил, а тут засада. Г*** ребят, пока они по камням расползались прикрывал, вот пулю и словил. Еще с его взвода тогда же двоих убили. И с первого взвода еще через день одного…

— В первой и третьей ротах тоже потерь полно, — вмешивается в разговор Герка, — и у нас во взводе управления

радиста убили, я теперь его рацию таскаю.

— Духов минеров, что тогда с тобой взяли, афганским коммандос передали, — усмехается Лёха, — небось теперь в ихнем десанте будут служить, коммандос под такую их…

Это тоже обычным делом было, сегодня он дух, завтра его поймали и если он всех сдал и «раскаялся» то в афганскую армию или царандой его забирают.

— Эх как ребят то наших жалко, — тихонько по-бабьи вздыхает Баллон.

Курим и молчим. А небо то тут какое синие, ни облачка. Воздух чистый, дышится легко. Да, уходили в горы сентябрь был, а теперь уж октябрь подвалил. Все равно жарко, только ночами в горах холод до костей пробирает. А еще скоро мы с Лёхой вдвоем во взводе останемся, все остальные на дембель уйдут.

— Дать мне сигарет, — скрипучим голосом с подчеркнутым балтийским акцентом как обрубая каждое слово просит подошедший к нам Пауль.

Пауль Т*** эстонец. Долговязый, белесый, бледноглазый. По морде сущий фриц. Он тоже пулеметчик, только у меня РПКС, а у него ПКМ. Было у нас в роте отделение ПКМ (пулемет Калашникова модернизированный. Калибр 7,62-мм) четыре пулемета. Они средством усиления считались. Я с Паулем постоянно дрался. Он разок, в самом начале моей службы, меня русской свиньей назвал. Я его нацисткой шлюхой. И пошло дело. На дух друг друга не переносили. Как куда вместе попадем так обязательно драка.

— Паулю скальп сняли, — кивая в его сторону смеется Муха, — снайпер стрелял. Бац! Пауль валится, в каске дыра, кровь пошла. Думаем: убили парня. Снайпера загасили. Его вытаскиваем, только полезли документы забрать, а он: «куда в карман лезешь?» Каску снимает, а ему пуля вокруг головы круг очертила кожу стесала и вылетела. Мы в хохот. А он: «Чего смеешься как русский осел?»

— Ты фриц недоеб…ный, — вызывающе и опять нарываясь на драку говорю я, — ты разве не знаешь что у русских нет ослов? Такой скот только у вас водится.

— Ты русский осел! — засопел Пауль и уставился на меня белесыми глазами.

Упорный парень. Три раза я ему каждый глаз подбивал, он мне нос ломал. Бои как говорится шли с переменным успехом.

— Пауль! — встал Филон, — пока он ранен, то я за него.

— Ты не есть русская свинья и осел, — отказался от неравноценной замены Пауль, и снова потребовал, — дать мне сигарет.

Все засмеялись, как раз Филон то и был русским. Герка хоть по военному билету и числился русским, но уж больно для славянина был скуласт и узкоглаз. Муха башкир, Лёха узбек, Баллон украинец.

— Покажешь скальп дам сигарету, — стал я поддразнивать Пауля.

— Может тебе еще танцевать? — желчно бросил Пауль.

Белесые его глаза сузились, кулаки зачесались, так ему хотелось в драку броситься. Но курить хотелось сильнее и он снял старую обвисшую панаму. Красный как обруч охватывающий голову шрам. Редкие коротко остриженные белые волосы в запекшейся крови, умыться наверно еще не успел. Достаю из пачки пару сигарет протягиваю ему. Он их не берет, вырывает. Нахлобучив панаму, не поблагодарив повернулся ко мне спиной.

— Пауль!

Он резко как в бою одернулся. Я достаю из кармана упаковку с таблетками анальгина, протягиваю:

— Держи Фриц, башка то небось трещит.

Чуть поколебавшись Пауль берет таблетки и уходит. Пройдя несколько шагов все так же не оборачиваясь сухо бросает:

— Спасибо.

Странный парень, не с кем не дружит, особняком живет. Часто ходит навещать своего земляка из четвертого батальона. То есть это не совсем земляк, латыш из Риги. Но для Пауля, за отсутствием эстонцев, он видать все равно «благородных» балтийских кровей. Я этого латыша еще по учебке знаю. Он то мне и рассказал, что в семье Пауля в сорок шестом деда с бабкой расстреляли, якобы за помощь «лесным братьям». И чего теперь? Кого не копни почти у каждого в родне, этот расстрелян, репрессирован, помер с голодухи, отмотал срок или сдох на зоне. Время такое было. Одни стреляли и сажали, другие вставали у стенки или мотали сроки, все остальные молчали. А дети их уже все переженились, а мы их внуки. Разве свою кровь разделишь? И у меня прадеда в тридцать седьмом расстреляли за религиозную исламскую пропаганду. Он перед смертью от веры не отрекся. А оба деда у меня в составе Красной армии на Отечественной войне воевали, один убит, второй инвалидом вернулся. Память о них для меня тоже свята. Ну и что мне теперь из-за расстрелянного прадеда к духам что ли переходить? По своим товарищам стрелять? Они то тут причем? Слышь Пауль, мы то тут причем, что твоих постреляли. Ты сам то разве здесь не стрелял? Радуйся Пауль Т*** теперь твоя Эстония свободна и независима. Ты теперь без риска получить по морде можешь кричать русскоязычным не гражданам: «Русская свинья». Твои дед и бабка

теперь национальные герои, а могилы советских солдат- наших дедов, оскверняют. Ты ж теперь в НАТО? Значит если что стрелять по нам будешь? Давай Пауль стреляй! Ты это умеешь. Теперь уже твоя суверенная Эстония воинский контингент в Афган отправила. И что ты скажешь этим солдатам? Ради чего им умирать? А может там твой сын служит, а что по возрасту вполне возможно. Что ему ты скажешь Пауль? Может все-таки вспомнишь как в восьмидесятом ты загибался в ПМП от желтухи, а ребята из твоего отделения эти «русские свиньи», достали для тебя капельницы и глюкозы. У нас в бригаде их не было, так они в медсанбат 201 дивизии ходили и там обменяли на чеки. Или как загасили снайпера который хотел тебя убить. Много что есть вспомнить. Так что есть Пауль за тобой должок. Знаешь Пауль, если ты хоть одного несчастного русского живущего в твоей стране, не ткнешь не попрекнешь, то будем считать, что мы в расчете. А насчет НАТО? Так мы тоже стрелять умеем и ты это знаешь.

За нашим батальоном пришли транспортные вертолеты. Подходят прощаться фельдшер Федька и разведчик Васёк, жмем руки и желаем друг другу вернуться домой живыми. Может когда и встретимся с вами ребята. А вот с Файзабадом уже точно нет. Ну прощай Файзабад. Прощай 860 ОМСП, в твоих рядах полно отличных ребят служило, они о себе и про тебя еще напишут. А нам пора возвращаться домой в бригаду. Крутится набирая обороты винт транспортного вертолета. По бортам первый батальон, по бортам десантура, у нас еще полно дел.

И опять ПМП только уже дома, в бригаде. Опять продавленная койка в замызганной грязной палатке. Как только вернулись, я сразу санчасть пошел. Нога уже не кровоточила и ранка затянулась, зато кисть руки опухла. Ручку мне пулька царапнула, а в ранку инфекция попала. Кисть руки давно уж пухнуть начала, я всё думал обойдется, а вот теперь температура, озноб еле стою на ногах. Руку как выворачивает от горячей плещущей боли.

— Флегмона, — быстренько осмотрев меня поставил диагноз врач, молодой парень в грязноватом белом халате.

После медицинского института, призвали его. Пил товарищ старший лейтенант не щадя живота своего, одно слово — полевой хирург.

— Будем резать, — сурово сказал военврач.

— Насовсем? — испугался я, — не надо доктор!

— Хочешь совсем подохнуть? — по живодерски усмехнулся «помощник смерти», хрипловатым баском утешил:

— Не ссы, солдат! Мы быстро. Опухоль вскроем, вычистим,

вылечим.

— А я думал, руку отрежете, — с облегчением вздохнул я и протянув распухшую кисть, разрешил, — режьте.

— Если сильно попросишь, то можем и всю руку оттяпать, — засмеялся врач, и предложил, — выдвигайтесь на стол, больной, будем оперировать.

Лег я на стол вытянул больную руку, мандраж меня бьет, всего колотит от страха, на орудия пытки стараюсь не смотреть, а они никелированные зловеще-красивые, так взгляд и притягивают.

— А почему вы спиртом руки и инструменты не обрабатываете, — встревожился я, глядя на приготовления к операции.

— Нет у нас спирта, — с суровым трагизмом поведал врач, — кончился спирт, — утешает, — но ты не бойся солдат, в полевой хирургии место спирта бензин занимает, им и обработаем тебя.

— Дайте хоть наркоз! — в тоске и страхе шепчу я.

— Это можно, — кивает добрый врач, — вот это всегда пожалуйста, нам для вас этого добра не жалко, — и приказывает, — Сидоров наркоз покажи больному, и если он еще раз попросит, то введи его прямо в затылок.

Сидоров, это фельдшер, он тоже солдат срочной службы, до призыва, ветеринарное училище закончил. Показывает он мне деревянный молот — киянку, ударная часть обшита кожей, и ласково спрашивает:

— Ну, как больной, будем общую анестезию делать? Или уже передумал?

Я передумал, закрыл глаза, сжал зубы, стал терпеть. Пока кисть новокаином обкалывали (местная анестезия), зубы у меня еще сжимались, а как резать стали, так заорал. Крыл я их матом, и плакал, и снова крыл, и так до конца операции.

Медицинской службы товарищ старший лейтенант М***, был ты у нас в бригаде и «жнец и кузнец и на дуде игрец» хирургом, терапевтов, инфекционистом и прочая… прочая… Многих раненых ребят с того света, вытащил, многим больным здоровье вернул, меня тоже вылечил. Спасибо тебе! За то, что не было спирта, прощаю. За то, что киянкой пугал, прощаю.

Но тогда на операционном столе, сильно я жалел, что не было рядом родного РПКС, убил бы. А вот за это уж ты меня прости.

Рука после операции гореть перестала, только все ныла и ныла. Вот и сейчас ноет. Ночь уже. Не спиться. Дом вспоминаю, маму, квартиру нашу, свою забитую книгами комнату. В книжках про войну совсем по-другому пишут. Читаешь, и думаешь: «Эх вот

бы мне туда! Уж я бы показал…» Вот и попал, показывай. Только не я показал, а мне показали. Грязь, голод, усталость, страх, боль, пока чужая смерть вот тебе и вся война. А еще и бессмыслица, не понимаю я, ну ради чего тут помирать должен. Кому все это надо? Уж точно не мне. Не понимаю, а воюю. Бессмыслица. Скорей бы закончилась эта ночь, скорей бы утро. Только ночью мучает бессонница, только ночью эти мысли как вши по тебе ползают. Днем проще и думы привычные: раздобыть пожрать, курнуть, поспать, и снова пожрать. А потом опять ночь и бессонница, такая же бессмысленная и тяжелая, как и вся эта война.

Днем от скуки хромая бродил по санчасти. Общая медицинская палатка для больных и раненых, палатка приемная, перевязочная она же операционная, жилая палатка для персонала, еще одна аптечный склад, на отшибе одиноко стоит палатка инфекционного карантина. Вот и весь пункт медицинской помощи, нашей бригады.

Просто больных как не странно мало было. Казалось бы тяжелейшие условия, а терапевтических больных почти нет. Молодые мы все были, здоровые, да и к службе приноровились. Вот и не болели, почти.

— Вот тебе таблетка. Одна половина от головы, другая от жопы, — добродушно отвечает на приеме врач на жалобу очередного бойца:

— Ой как голова болит, ой как сильно тошнит.

Вот и все лечение. Настоящие болезни такой армейский универсальный медикаментозный метод конечно не излечивал. Но симулянтам, как их у нас называли «шлангам», помогал здорово. А вот желтушников врач с одного взгляда определял. Насмотрелся этого добра…

Гепатит Б, Болезнь Боткина, Желтуха. Для сороковой армии эта болезнь была пострашнее чем все душманские пулеметы. Не знаю как в других частях, а у нас до восьмидесяти процентов личного состава желтухой переболело. Пытались инфекционисты с ней бороться, прививки солдатам и офицерам делали и всякой дрянью пичкали, хлоркой все отхожие места засыпали, бесполезно. Не болезнь, а просто живая иллюстрация к поэме Данте про все круги ада. Ну Данте не Данте, насколько я знаю он про желтуху ничего не написал, но зато в солдатском фольклоре сороковой армии эта болезнь одно из самых главных мест занимала. Вот и сейчас прохожу мимо палатки инфекционного карантина и слышу:

Не попьешь теперь ни пива и ни водки

Не пожрешь теперь ни сало ни селедки
На лекарства будешь ты всю жизнь трудится
Гепатитчики не это ли вам снится?

Фальшиво вполголоса напевает сидящий у старой продранной палатки молоденький истощенный наголо бритый солдатик. Белки глаз у него желтоватые, сам весь бледненький, но странно веселый.

— Ты к нам? — увидев меня солдатик прекратил петь и приветливо заулыбался.

— Да так брожу от скуки, — неопределенно я отвечаю и собираюсь повернуться и уйти.

— Деньги принес? — встав с деревянного ящика спрашивает желтушник.

— А я разве тебе должен? — чуток удивился я и остановился рассматривая тщедушного больного воина. Этого бойца я в первый раз видел.

— Десять чеков, и ты дома, — поощряюще засмеялся желтушник, и видя мое недоумение, громче злее и увереннее повторил, — деньги гони, я зря ссать не буду.

Ах вот оно в чем дело! Дошло наконец. Членовредительство. Так это называется. В себя стрелять, это опасно, могут засечь и срок впаять, да и больно. Поэтому самострелов у нас мало было. А вот так… Самый верный способ откосить от службы и заболеть гепатитом это выпить мочи больного. В то время гепатит Б лечили в военных госпиталях в Союзе. Срок лечения составлял сорок дней. По излечении предоставлялся краткосрочный отпуск домой. Были и среди нас такие кто добровольно уринотерапией занимался, были чего уж там. Глотнул желтушную мочу и пошла ты на х. й служба, а я теперь больной. Такой значит был довольно распространенный способ сачкануть от армии.

— Тащи стакан, — доставая из внутреннего кармана деньги и опасливо озираясь попросил я.

— О! Молодец, — оживился больной солдатик, пообещал, — я быстренько.

Через пару минут возвращается, тащит стакан наполовину наполненный мочой коричневого цвета и протягивая емкость подмигивая советует:

— Ты глаза закрой и махом как водку пей.

Прямо по ладони в которой у него стакан был, я с левой руки двинул. Плеснула ему в лицо моча. Он и ахнуть не успел, как я здоровой ногой ему в промежность добавил, а когда он загнулся то ласково пожелал:

— Ну, передавай привет Родине! Паскуда!

— Ты… — разгибаясь захрипел желтушник и не закончил фразу, скрючившись ушел к себе в палатку. Это ему повезло еще, был бы я поздоровее, так я бы его эту мочу выпить заставил.

Вот только не надо думать, что все желтушники были «шлангами» отнюдь. Большинство заболевало, от бытовых условий в которых мы жили. Потом желтуха это ведь на всю жизнь последствия. Навечно пораженная печень, слабенький иммунитет, пожизненная диета и вынужденная трезвость. Не так то и много находилось желающих, добровольно это «удовольствие» испытать. Большая часть желтушников отлежав в госпиталях и съездив в отпуск домой возвращалась в подразделения. Им положен легкий труд и диета. Правда смешно? В армии в Афгане легкий труд и диета. Выполняли те работы и таскали те же тяжести, бывшие желтушники, ну а кормились все с одного котла. Не только своей и чужой кровушкой мы землю Афгана полили, коричневой от гепатита Б мочи как бы не побольше пролито было. Пока молодые были то еще ничего. Пили водочку соленым да жирным закусывали, тяжести без всяких скидок таскали. И только через годы уже, загибаться стали. Таких инвалидов в сводках военных потерь не учитывают, потерями их не считают, а ведь они тоже жертвы этой войны.

Две недели я был на излечении, на одной пайке. Не то что недоедал, голодал. Нас в медицинской палатке, семеро было, легко раненые просто больные. Лечить, лечили, а вот кормить… не было жратвы, одну бурду давали, да и той мало. Наши роту, опять черти по горам отправили мотаться, поддержать некому было. Вот тут то я окончательно постиг, что такое настоящая служба и настоящий десантник.

Чем настоящий солдат отличается от плакатного? А тем, что не сдается он, выживет, и плевать ему на уставы и прочую военную дребедень.

Только ручка у меня двигаться стала, но еще завязанной в бинты культей была, как стал я мыслить с товарищами думу трудную — думу горькую, как еды добыть. Худой как узник Освенцима, грязный, вшивый, ослабленный, больной, вот таким я стал. Остальные больные и раненые не лучше. Решились мы не умирать голодной смертушкой, а пойти на дело страшное, опасное, требующее настоящей военной доблести. А именно ею издревле и отличались десантники и этому их упорно и настойчиво учат отцы — командиры и старшие товарищи, а доблести эти: отвага, решительность, смекалка, и холодное презрение к гипотической каре советского закона.

В двадцати метрах от ПМП располагался бункер, а в нем продовольственный склад бригады. И не просто располагался, а охранялся бдительным караулом, и днем и ночью часовой «все ходит по цепи кругом». На ночь заместитель командира бригады по тылу, закрывал склад семью замками и опечатывал его личной печатью. Вот как самое ценное имущество охраняли.

Силенок часового без крови снять не было, да и не будешь по своему же товарищу бить, а чтобы ликвидировать часового, об этом даже с голодухи не думали. Что делать? На этот вечный вопрос, многие российские интеллигенты до сих пор ответить не могут, а уж бумаги то извели, а книжек то написали, уйму. Самые известные так и называются: «Что делать?»; «Преступление и наказание». В ту пору интеллигентом я не был, и потому ответ на вопрос: «тварь я дрожащая иль право имею?», нашел быстро: «Права не имею, но жрать хочу, а посему…» Подошел к разводящему, что вел на посты дежурную смену, он тоже из Гайджунайской учебки был одного со мной призыва, и быстро с ним договорился, он с часовым перемолвился. И готово дело.

Ночью, семеро увечных, трогательно помогая друг другу, разобрали крышу бункера и два часа в меру сил тягали со склада продовольствие, затем крышу аккуратно закрыли, печати, замки все осталось в целости. А часовой, пока мы расхищали военное добро, бдил чтобы нас случайно не застукали, или если использовать не военный, а уголовный жаргон, стоял на стреме.

Утром майор, наш главный бригадный снабженец и кормилец, крику поднял до небес: «Обворовали!» В караульном помещении, с участием дежурного по части и с разрешения комбрига, провели обыск. Нет ничего, ничего не знаем, печати и замки все целое.

— Да как вы вообще? Товарищ майор! Такое…, про нас могли подумать? — возмущаются солдаты и начальник караула.

Обыскали помещение роты, с которой наряжался караул, нет ничего. Все ямы все укромные места обшарили, ничего нет.

Палатки ПМП с больными и увечными, обыскивать и не подумали. Не могли, значит и представить себе, что убогие такое дело могут провернуть.

Испарилось все. Комбриг на майора косо смотрит:

— А может майор, это твои подчиненные украли? Может зря ты на караул клевещешь?

— Мои в меру воруют! — в запале признается майор.

Теперь думу трудную — думу горькую мыслили уже штабные офицеры бригады. Как все списать? Да новое довольствие получить? Но они хоть и штабные, но десантники, и нам солдатам не пришлось за них краснеть и их стыдится.

У нас в бригаде от третьего батальона несколько рот отдельными гарнизонами стояли, снабжали их естественно со складов бригады. Обычно они за продовольствием и боеприпасами сами ездили, машины под прикрытием БМД. А тут герой зам по тылу, со своими писарями и кладовщиками, сам им повез продукты. БМД на буксире потащил старую раздолбанную грузовую машину. Вы уже догадались? Совершенно верно! Напали на эту колонну враги, но писаря и кладовщики отбили вражье нападение. Машина с продовольствием сгорела? Ну, так на войне не без потерь. Выписать новое!

— А у вас товарищ комбриг, даже писаря воевать умеют! Отлично учите личный состав! Объявляю вам благодарность. Отличившихся к наградам!

— Служу Советскому Союзу! — отвечает комбриг проверяющему со штаба армии, — Есть представить к наградам!

Вот какую операцию спланировали и провели увечные, обессилившие от голодухи воины. Никто в накладе не остался, больные и раненые получили нормальное питание, караул свою долю, продовольствие подвезли новое, даже майор и то медальку заработал. Уметь надо, служить, уметь, вот так-то товарищи. Вот только с тех пор на складе кроме часового еще по очереди дежурили кладовщики и писаря вооруженные автоматами. Так это они бдительность проявляли. Если все воровать будут, то им бедным, что останется? Каждый раз машины сжигать? Так можно и настоящую засаду напороться.

Как только мне чуток полегче стало, а силенок от уворованной пищи вроде как и прибыло, то выставив перевязанную культю как пропуск, я стал мотаться по части.

— Вы что тут делаете? — иной раз поинтересуется встречный офицер увидев незнакомое лицо.

— Раненый я, с первого батальона, ищу земляков, — жалобно отвечаешь, выставляешь обмотанную бинтами культю, и сразу все вопросы сняты.

Никого я конечно не искал, но в палатке санчасти постоянно находится просто невыносимо, такая там гложет тоска. А тут погулял, там знакомого встретил поболтал, здесь знакомого встретил, последние новости и сплетни узнал, вот время быстрее и веселее прошло. Потом и для здоровья такой моцион полезен.

— Вы почему такой грязный? — брезгливо поджав губки поинтересовалась инопланетянка, рассматривая меня.

Молча не отвечая на вопрос смотрю на девушку. Наша планета — Афган, наша Земля — десантная бригада, так откуда же ты взялась, вся такая ненашенская. Тут же догадался, вольнонаемная девушка, из штаба. А ничего, приятная такая

девица, в платьице одетая на ножках туфельки. Платьице цветное, обута в кремовые туфельки, прическа обалденная, накрашенные губки, подведенные голубеньки глазки, из другого мира создание. Я ее возле саперной роты встретил. Саперы баньку себе построили ну просто загляденье, настоящая сауна, весь штаб в нее парится ходил. Вот и я размечтался там попарится, пришел выбрать момент для «атаки», надеялся, что днем, нет там никого.

— Так спинку потереть некому, — скромненько пожалился я. А сам затаив дыхание глазами так и ласкал, так и ласкал, нежное создание с другого мира. Пылал мой взор и как только у нее платье не задымилось.

— Да как вам не стыдно так себя запускать? — возмутилась девушка, и с легким презрением добавила, — А еще гвардеец, десантник. Вы только посмотрите на кого вы похожи!

На кого похож? Х/б давно не стирано, все засалилось, на ногах тапки без задников, вшивый, грязный, потный, истощенный. Вот я каков. Морщи милочка лицо, морщи. Ты же не знаешь, что никто форму солдату не постирает, кроме него самого, а как мне постирать если рука больная почти не двигается, а ранка на ноге хоть и затянулась, но нагибаться все еще больно. В ниточку поджимай брезгливо губы. Ты же не знаешь, что нет тут для рядовой солдатни бань и душевых, негде помыться, да и не могу я одной то рукой вымыться как следует. В палатке все больные да раненые у нас, воды нагреть негде, мыться негде. Лицо умыл из ржавого самодельного рукомойника и то слава богу. Где тебе знать, что потопаем мы то и полопаем, а много натопать с раненой ногой я не могу, вот потому то кожа да кости у меня, а не играющая могучей мускулатурой фигура. В штабе ты служишь, вольнонаемная ты наша, где ж тебе знать как солдаты строевых частей живут.

— Девушка, а вы сказочку про аленький цветочек помните? — ласковым домашним котиком замурлыкал я.

— А что? — насторожилась девушка и непроизвольно сделала шаг назад.

Хоть она далеко и не красавица, но я все равно томно так говорю:

— Там красавица целует чудовище. И тут же от прикосновения девичьих губ алых, страшилище добрым молодцем оборачивается.

— Размечтался, — фыркнула девушка.

— Ой не быть мне добрым молодцем, никто не пожалеет царевича заколдованного, — придуриваясь как в любительском спектакле запричитал я и услышал:

— Так тебе и до дембеля не дожить…

Оборачиваюсь на голос, а там зам по тылу собственной персоной стоит. Упитанный такой, майор. В маскхалат одетый. Лицо у него хоть и потасканное от тягот продовольственной службы, но гладко выбритое, одеколоном освеженное.

— С какой роты и что ты тут, делаешь? — грозно нахмурившись спрашивает наш самый главный и очень х. вый кормилец и военный отчим.

— Первый батальон, вторая рота, — пожимаю я плечами, и выставляю вперед свою культю.

— Ранен что ли? — все еще хмурится майор.

Твое какое дело? Не собираюсь я на жалость бить. Пошел бы ты на х. й! Если мне чего надо будет так я лучше украду, чем тебя боров просить буду. Да и хрен чего у тебя допросишься.

— Почему молчишь солдат? — играя властными интонациями спрашивает майор, выделываясь перед вольнонаемной бабой.

— Так ты ранен? — растерянно спрашивает девушка и смотрит на мою перевязанную уже загрязнившимися бинтами руку, — Где?

— У них под Файзабадом большие потери были, — басит майор, и мне так снисходительно:

— Там был ранен что ли?

— Никак нет товарищ майор, — наигранно бодро отвечаю, и не глядя на девушку с прожженным армейским цинизмом предельно нагло заканчиваю ответ, — у афганки п…да с зубами попалась вот и цапнула сука душманская.

— Хам! — словом как пощечиной хлещет девушка и краснеет. Густо хохочет майор. Я кривлю в похабной улыбочке губы.

— Пошел вон! — погасив смех грохочет майор.

Поворачиваюсь и ухожу. Слышу как утешает нежное создание товарищ майор:

— Вы Настенька от солдат подальше держитесь. Быдло оно и есть быдло. Да и вшей от них набраться можно. А вот мы в дуканчик съездим и там бельишка вам импортного подберем и еще сегодня у меня именины приглашаю….

Продолжения не слышу. Ты быдло солдат второй роты, вот и катись в свое стойло. И нечего злится, ну кто ты такой, чтобы с майором равняться? Грязный, вшивый, истощенный. А товарищ майор вольнонаемную девушку в лавочку сводит, всяких красивых штучек накупит. Денежки у него водятся. Загонит товарищ майор, продуктов, обмундирования, стирального порошка с мыльцем, да горюче-смазочных материалов нашим афганским товарищам, вот и есть на что купить красивую тряпку и широко свои именины отметить. Солдатне вечно не хватает еды

и одежды, вши солдатню мучают? Так это ж быдло, оно перебьется. А ты вольнонаемная держишь от солдатни подальше, а то паразитов от нас наберешься. И нечего на меня с жалостью смотреть, я в твоей жалости не нуждаюсь. Это тебя Настя жалеть надо. Трое вас женщин у нас в бригаде. Все вольнонаемные. Не от великого женского счастья вас в Афган занесло, от безнадежности вы сюда завербовались. Приехали вы в надежде свою женскую судьбу устроить, а еще барахла поднабрать да и денег заработать, чего уж там греха то таить. По три оклада в Афгане платят. В Союзе столько не заработаешь. Не шибко то вы и красивые. Красивые и дома устраиваются неплохо. Только как любит говорить начпродистый товарищ майор: «Если мяса нет, то в поле и жука раком можно». А ты что хотела? Эх милая никто тебя больно то никто и не спрашивал, а ты то что хочешь. Ты Настя сюда по вольному найму пришла, а на войне как на войне. Вот так то девушка. Может ты и плакала по ночам в подушку, не знаю. Как говорится свечку не держал, нет у меня такой привычки. Зато знаю что нет тут прекрасно — романтичных отношений, а каждый кто на тебя смотрит только и думает…, да ты и сама знаешь о чем, а кто может тот и делает то о чём думает. А еще Настя ты уж извини, что матерился при тебе, это я от зависти и обиды, что не мне тебя обнимать. Эх девчата, нам на той войне хреново было, а вам еще хуже. Вы девчата такие же жертвы войны как и мы, раны от пули или осколка они заживут, а вот покореженная душа она еще ой как долго болеть да ныть будет. Вы уж простите если что не так…

Но не все так грустно как кажется, была и у меня в Афганистане любовь. Точь в точь как в романтических поэмах и балладах рассказано. Верная, взаимная, надежная. Ты помнишь моя любовь, мой родимый РПКС — 74 N ЕЕ 1232 как я за тобой ухаживал, смазывал, чистил, лелеял. Никогда я тебе не изменял. Пытались мне как шлюху навязать снайперскую винтовку, отказался. Обручили меня по приказу с АКС -74, а я его бросил и к тебе вернулся. А ты меня никогда не подводил. Грязь или пыль, жара или холод, горы или пустыня, ты всегда на малейшее движение пальца руки откликался. Сколько раз ты мне жизнь спасал, а сколько моих тайн прятал? Об этом только мы двое знаем, ты да я. Почти всё в армии говно, а вот оружие отличное. Я почти все стрелковое вооружение знаю и умею с ним обращаться и без лести скажу конструкторам и мастерам оружейникам — вы лучшие. Видал я иностранные стволы, брали мы их в качестве трофеев, так вот по сравнению с нашим оружием это просто дерьмо. Правда в числе трофеев попадались АК-47 и ДШК китайского производства, неплохие игрушки, но создали то их

наши конструкторы. Китайцы их только по лицензии выпускали.

Дорогой ты мой РПКС — 74 N ЕЕ 1232 бывало что и ругал я тебя, и злился на тяжесть твою, матом твоего папу Калашникова многократно поминал, а ты не обижался, все мне прощал, и мгновенно без всяких осечек разом мог выпустить сорок пять пуль. А секунда в бою она иной раз жизнью меряется.

В средние века, каждый рыцарь, своему мечу имя давал. Ну какой из меня рыцарь? Да никакой! А имя я тебе все же дал. Настоящее имя — армейское, самое — самое десантное. «Заеб. сь» — так я тебя звал и в радости и в горе.

Афганистан
Провинция Пактия город Гардез

1981–1982 год от Рождества Христова

1402–1403 год по хиджре — мусульманскому летоисчислению.

Выписка из боевого формуляра в/44585

Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район Боевых действий
1–5 декабря 1981	передислокация 56 ОДШБ	Провинция Пактия город Гардез

Примечания автора

1 ПДБ перебросили по воздуху на вертолетах 3,4, ДШБ, части усиления и вспомогательные подразделения шли маршевыми колоннами.

— Наш дембель п…й накрылся, — мрачно объявил Разведчик вернувшийся со штаба бригады.

Его послали узнать ну когда же отправка то будет. Когда вы суки штабные призыв осени семьдесят девятого года домой отпустите.

Мы все в одной палатке на койках сидели. Пятнадцать бойцов нас в роте осталось, да двое офицеров. Десяти уже пора домой. Они своё отслужили. Приказ об увольнении министром обороны давно подписан. Ребята сидят о доме мечтают, планы строят, а тут:

— Передислоцируют нас в Гардез, — хмуро добавляет Разведчик, — в штабе сказали пока туда не перейдем, то хрен нам, а не дембель.

— А где хоть этот Гардез? — недовольно спрашивает Филон.

— В горах на Пакистанской границе, — от порога бросает входящий в палатку ротный.

— Товарищ капитан! Что это за х…ня? — возмущенно орут дембеля, — нам что теперь до последнего дня этого года что ли служить!

— Мне тоже смены нет, — в ответ повышает голос капитан А***, - меня тоже эта служба зае…ла!

Да товарищ капитан, это сразу заметно. Вы с первого дня в Афгане служите. Похудел ты капитан А*** и постарел. И желтухой ты переболел капитан А*** и ранения у тебя были, не меньше нашего ты этой войны хлебнул. Самой раздолбайской ротой в бригаде ты два года командовал. Ничего, справлялся. Зря никого не зае…вал, ребят под пули не подставлял, за нашими спинами не прятался.

— Собирайтесь ребята, — устало и тихо говорит А*** — наш батальон на вертолетах перебрасывать будут. Первыми мы пойдем.

Первыми, так и батальон наш первый, положено нам так. Строится первый парашютно-десантный батальон. Строится ребята. И вперед из Кундуза в Гардез на границу с Пакистаном. Закрывать горные тропы и перевалы, продолжать воевать, убивать и умирать.

Эх, родная, 56-я, Десантно-штурмовая, войны афганской, лошадь ломовая…, давай поднатужься и тащи свой воз дальше…. Трогай милая… трогай….

До слез было жалко, наш городок покидать, тут каждый кирпичик нами был сделан из глины и сложен в аккуратные домики. Каждый камешек потом солдатским омыт. Да куды деваться? Стали имущество собирать, на машины грузить, готовится переть через весь Афган к новому месту службы. Погрузили ротное имущество на машины, а сами личное оружие и вещи в руки и вперед на вертолеты.

За неделю до переброски вернувшись из штаба бригады, Разведчик отозвал меня в сторону:

— Слышь, мне в штабе писаря сказали, что П*** собираются ротным назначить, уже и представление на него послали.

— Да ну?! — удивился и обрадовался я.

Конечно лучше со знакомым офицером дослуживать, а то пришлют еще мудака необстрелянного, так он нас всех сдури в первом же бою положит.

— Точно, — чуть улыбаясь подтверждает Разведчик, — после передислокации А*** уезжает в Союз, к новому месту службы, а П*** вместо него. И еще… — подмигивает Разведчик, — есть приказ по бригаде отправить в Союз наиболее подготовленных сержантов для обучения пополнения. Сейчас списки формируются. Ты поговори с П*** может и тебя назначат.

Очень я надеялся в этот приказ попасть. Так хотелось уехать, пусть и недолго, но отдохнуть. Только меня не отпустили.

— Больно много залетов у тебя, ты же там всех на х…й пошлешь, бухать будешь, да по бабам гулять. Еще и в дисбат попадешь, там тебе не Афган.

Так мотивировал свой отказ П*** и глядя на мое вытянувшееся лицо, рассмеялся:

— Ну скажи на милость, как я без тебя обойдусь. Ребята уволятся, сколько нас от старого состава останется? А ты хоть знаешь с кого конца пуля вылетает.

Похвалил, называется, утешил, вот только в гробу бы я такие похвалы и утешения видал.

До Кабула на транспортных вертолетах летели, город мы конечно не увидели, на пересыльном пункте сутки кантовались. Потом опять погрузка на вертолеты, часовая болтанка в воздухе и пожалуйте на высадку. Привет Гардез, 1500 метров над уровнем моря, разряженный горный воздух, холодина и пустое заснеженное поле.

Как и в 1980 году при вводе бригады в Афганистан, так и в 1981 году при ее переброске в Гардез, наш первый батальон выбросили в чисто поле, выживайте. Вот только вопросов уже никто не задавал: «Как, зачем, почему?» Знали, никто нам ответы на эти вопросы не даст. Мы сами себе ответ. Ничего дело привычное.

Расчистив от снега площадки, быстро раскинули палатки, выставили охранение и пошли с новым местом знакомится, жрать искать, топливо собирать, брать себе все что лежит, а плохо лежит или хорошо, это нас не волновало, раз лежит, значит наше.

Нас в Гардезе танковый батальон дожидался, прикрывал высадку нашу, вот мы первым делом к танкистам, обстановку узнать, присмотреть что где лежит.

— Ты куда прешь? — кричит мне из танковой башни чумазый танкист, — Жить надоело?

— Чего?! — ору в ответ, а сам глазами зырк, зырк, и приметил деревянные ящики из под боеприпасов, для костра или печки лучше не придумаешь дров.

— Болван! — продолжает надрываться криком танкист, — Тут же все заминировано! Тропку видишь?

— Ага!

— Вот по ней и иди может и повезет, не взорвешься!

Мины это плохо, а вот дрова хорошо, на мине можно и не взорваться, а вот без дров мы точно ночью окочуримся. Потом все танкисты по традиции больше всего мин боятся, а мы и не очень, если знаешь минное дело, то опасаться конечно надо, а вот боятся нечего. Противопехотные мины они двух видов бывают, нажимного действия и натяжного действия на растяжках. Если под ноги смотреть то растяжку всегда увидишь, да и мину нажимного действия заметишь, их не глубоко закапывают.

Смотрю под ноги, подхожу к танку, танкисту зубы

заговариваю, а Муха с Лёхой, раз, пустые ящики из-под снарядов похватали и побежали, а я их от разгневанного танкиста прикрываю. Он матом кроет, а я ему пулемет показываю. Танковый экипаж из машины выпрыгивает и в бой рвется. Их четверо, а я один. Прямо под ноги им очередь пускаю, они в танк. Я по тропе бегом к своим. Мне в спину танкисты столько словесных х. ев послали, были бы пули, надвое бы разорвали. А так… брань то она вороту не виснет. И вот что еще: «Товарищи танкисты при встрече с десантом не х. й еб…ом щелкать».

Так дрова есть, пора и о питании подумать, о горячем естественно, пайки то нам надоели. Ящики сложили в палатке, их Муха охранять остался. Вместо Мухи, Филон пошел. Бредем, нос по холодному ветру держим, то под ноги смотрим, то окрестности оглядываем. Вот овечки пасутся и пастух при них. Милый пасторальный пейзаж, мирная деревенская идиллия. Ох, не знаком еще пастух с десантурой, а то бы увел свою отару, от греха подальше, но ничего сейчас познакомится. Подходим. Без слов накидывает Филон овечке на шею ремень, Лёха овцу под курдюк ногой бьет чтобы не упиралась, а я пастуху оружие показываю, он не испугался, а зря. Бросился пастух на меня с посохом, жизнь овечке хотел спасти, вот только хорошо я уже выучился бою рукопашному, не стал стрелять, от удара легко ушел, да как ногой двинул бедолаге в голень, он и свалился. Вот и познакомились.

Вечером у нас полусырая обжаренная на костре баранина, вечером у нас в палатке тепло, ничего жить и на новом месте можно. Офицеров пригласили. Командиры, жареное мясо кушают, водочку, нами еще на пересылке затаренную, вежливо выпивают, а вот нескромные вопросы, не задают. Выпили, покушали, посты выставили, тощие со скомкавшейся ватой матрасы на голую землю расстелили, и баиньки, не раздеваясь. Ночью батальон обстреляли. Думаете, сыграли тревогу: «Рота в ружье! К бою!» А вот и нет. По характеру и темпу стрельбы сразу определили, огонь по нам ведут с большого расстояния, судя по звуку из легких пулеметов, наши посты вяло так отстреливаются, значит особых оснований для беспокойства нет, перевернулись на другой бок, и дальше спать. Эка невидаль стрельба, мы этого добра и насмотрелись и наслушались.

Вот так служба в Гардезе и началась. Холодно на горном плато где наш батальон гарнизоном встал, снега полно, ветер пронизывающий, мы бушлаты и шапки даже когда спали и то почти не снимали. Замерзшие, оборванные, мы днем по расположению и окрестностям рыскали, топливо и еду добывали, ночью посменно на постах стояли, от скуки с духами

перестреливались. Вот только от греха подальше, окопы откопали, да под палаткой землю на два штыка углубили, чтобы шальной пулей кого случайно не зацепило. Что еще? Один матрас разорвали, и каждое утро пулевые отверстия в палатке ватой заделывали, чтобы тепло сохранялось. Вот и все. Знаете пока колонны бригады не подошли, скучновато было. А к бытовым трудностям не привыкать. Спали не раздеваясь на тощих матрасах брошенных на голую землю — подумаешь, тоже мне лишение в горах на операциях намного хуже было, и то выжили. Воды мало? Так за ней и сходить можно, все время веселее пройдет. Батальонных кухонь, с горячим котловым довольствие — нет? А мы без горячего и не сидели. Огонь есть? Есть! Вода есть? Есть! Оружие есть? Полно! Так в чем проблема то?

От скуки и что бы время скоротать, предложил я П***, ночью в засаду сходить, стрелков духов попугать. Смотрит на меня офицер, головой качает и горько так мне пеняет:

— Ты уже полтора года отслужил, а все ума не набрался. Ну и зачем нам это надо? А если убьют кого из ребят, случайно тогда, что? Сиди уж умник и не рыпайся, если прикажут тогда и пойдем.

Вот какие толковые у нас командиры были.

Через неделю после нашей высадки бригадные маршевые колонны с бронетехникой и машинами подошли. Вот и собралась бригада. На изношенных за два года машинах дошли, а моторесурс у техники давно исчерпан, да только третий и четвертый батальон этим не испугаешь. Кулибины бригадные сами пахали, и технику работать заставили. Инструмент один — родная русская кувалда. Запасные части — безостановочный военный мат да смекалка солдатская. Вот так и прошли через весь Афган. Сами все от горючего и масел черные, вымотанные, голодные, оборванные, замерзшие, но дошли, даже потерь, почти не было. Вот какие у нас десантно — штурмовые батальоны были. Третий батальон сразу в Логар ушел, третий ДШБ у нас был, как кот у Киплинга, всегда гулял сам по себе. А остальные части, охранение выставили, за километр от палаток посты ушли, и начали обустраиваться.

Мы к машинам нашим подошли, к тем, что ротное имущество перевозили, а там, все мокрое, грязное, порванное, все в негодность пришло. Ребята которым домой увольняться, как увидали в каком состоянии имущество прибыло, так криком от обиды кричали. Форма парадная, дембельская с превеликими трудами добытая, подогнанная, вся расшито — ушитая, всё в грязные рваные тряпки превратилось.

Вошел призыв осени 1979 года в Афган босяками, и увольняться, домой ехать, такими же пришлось. В грязных

прожженных бушлатах, во вшивом штопано — латаном обмундировании, да в рваных кирзовых сапогах. Вот такими вы уходили домой. И в декабре восемьдесят первого года мы прощаемся:

— Встретимся еще, — обещает Филон.

— Координаты мои держи, — сует мне бумажку с написанным адресом Баллон.

— Жду тебя и Лёху в гости, — поочередно жмет нам с Лёхой руки Муха и улыбается.

— Смотри П*** не подводи, — стискивает в пожатии мою руку капитан А***.

Он тоже уезжает, он тоже свои два года в Афгане оттрубил. А*** сопровождает личный состав до Союза, это его последняя операция. Самая счастливая, самая бескровная.

Сухо кивает головой Пауль, прощаясь бьет по плечу Герка, счастливо смеется Жук, машет рукой Челубей и первым бежит к транспортным вертолетам Разведчик.

— Держитесь тут! Пока ребята! — прощаются с нами уходящие в запас бойцы второй роты, первой роты, третьей роты, минометной батареи, батареи СПГ, зенитного взвода, взвода управления, прощаясь уходит наш первый батальон.

Не только по номеру он первый был, а по службе, по призыву. Это они, эти уходящие домой истощенные и вымотанные службой оборванцы, осенью семьдесят девятого года при формировании 56 ОДШБ стали его первым личным составом. Это они в январе восьмидесятого первыми с нашей бригады вошли в Афганистан.

— Уйду на дембель приеду в гости, — обещаю я и верю что сдержу обещание, и кричу вслед уходящим товарищам, — Мы еще встретимся ребята!

Никого я конечно не навестил, а переписка быстро заглохла. Новая жизнь, новые заботы, каждый пошел своим путем. Вне строя. Оно и правильно. А вот теперь все-таки встретились, пусть только на этих страницах. Такими как тогда были. Привет ребята! Это же я, узнаете? Ну вспомните… я был пулеметчиком третьего взвода второй парашютно-десантной роты, третьим с правого фланга я всегда в строю стоял, первый рас…дяй и залетчик в нашей роте. И пусть никто из вас этого не прочитает, но все равно скажу:.

Вы братцы и есть самая настоящая десантура. Про десант любят говорить: «в огне не горит в воде не тонет» Только такие словеса пусть плетут те кто настоящей службы не нюхал. Вы горели в огне, вы тонули в грязи, задыхались в горах, коченели в засадах и реветь вам приходилось правда все больше матом. Все было, вот только не было такого, чтобы в бою бежать, не было

такого чтобы раненого и убитого товарища бросить. Первыми вы вошли в Афган, лютой зимой в голом поле выжили, в боях потом и кровью, опыт солдатский добыли, да нам передали.

От души вас Родина поблагодарила, пинком под зад. Я смотрю как вы уходите, оборванные, полуголодные и счастливые. Все! Закончена служба! Домой!!!

Через месяц уже в январе восемьдесят второго я получил письмо от Мухи. Разлинованный листок вырванный из школьной тетради, детский почерк, аккуратно выписанные буковки, расставлены знаки препинания. Муха всегда очень аккуратным был.

«*Привет!*

Ты как там еще живой? А у меня все ништяк, я уже дома. С Кабула нас в Ташкент отправили. Там на таможне нас прошерстили, у кого трофеи были, всё козлы отобрали. Калика с четвертого батальона помнишь? Его с наркотой на границе хлопнули. Наш А*** с нами был, так он его отмазывать ходил. Отпустили. А*** сразу в Чирчик уехал к своим. Остальные кто куда разбежались. А мы — Филон, Баллон и Я к Худому в гости отправились. Ты же Худого из Ташкента помнишь? Он еще той весной на дембель ушел. Заваливаемся к нему. Он так обрадовался. И сразу бухать стали, до утра. За всех вас, и за тебя тоже пили. Утром Худой чеки у нас взял и свалил. К обеду приходит и всё нам приносит: новенькие шинели с начесом; парадки; тельники; береты; знаки; сапоги. Все что надо короче. Мы ему: Где добыл? Худой смеется и говорит, что за чеки тут тебе не то что любую форму достанут, но и всю жопу оближут. Чуть похмелись и сели мы ушивать парадки, а Худой опять хохочет, мол на хер вам это надо, пошли дальше бухать, по дороге к портному зайдем, он всё и сделает. И точно, портной как чеки у нас увидел весь расцвел, заюлил и за день всё так сделал, что лучше и не надо. Трое суток у Худого пробыли, квасили не просыхая, вволю побухали, а там по домам разъехались. Когда прощались Филон по пьяни заплакал даже. Дома до меня, пока форму носил, то менты то патрули постоянно дое…лись. Никто не верил, что я десантник с Афгана и медаль у меня настоящая. Документы покажу, а эти суки только хохочут, мол ну и десантники пошли, задохлики одни, детский сад. А еще мне водку в магазине не продают. Знаешь как обидно. Как воевать и

подыхать, так можно, как водяру хлестать так, ты еще маленький. И с бабами мне пока не везет. С девушкой одной хотел встретиться, а она мне: «отвянь пацан сопливый». А так все нормально, летом учится пойду, пока думаю куда работать устроится. Новый год дома с мамой и папой встречал, так я за вас ребята персонально выпил. Как вы там? Лёшке привет передавай, нашему П*** тоже.

Ну пока. И пиши, давай!»

Маленький субтильный, еще ни разу ни бривший Муха, да откуда знать этим сукам, что ты лучшим бойцом у нас в роте был. Откуда знать той девушке что говорила: «отвянь пацан сопливый», что летом восьмидесятого ты один против сотни выстоял и пятерых духов в бою завалил. Первым, вы понимаете первым, в нашей роте получил медаль «За отвагу». Муха — друган, да плюнь ты на них! Мы то знаем, что если и есть в наших войсках настоящие солдаты десантники, то ты в самом первом самом лучшем гвардейском десятке далеко не последним будешь. Рифкат М*** — Муха это я тебе не по дружбе говорю, так оно и есть.

— Чего Муха то пишет, — Лёха заглядывает мне через плечо. Даю ему прочитать письмо. Лёха матерится:

— Я бы этих чморей, хоть патрульных хоть ментов что до Мухи дое…лись, враз бы уделал. А эта сучка? — Лёха тыкает пальцем в строку письма где написано как Мухе отворот дали, — Да она просто бл. ть!

— Товарищ гвардии младший сержант! — насмешливо и намеренно строго повышая голос говорю я Лёхе, — прекратите употреблять не уставные выражения. Вы какой пример подчиненным подаете?

— А ты товарищ командир третьего взвода уже совсем ох…ел? — в том же тоне отвечает Лёха, легонько толкает меня кулаком в грудь и заливается смехом.

Да представьте себе, я уже командир третьего взвода и младший сержант. Это я то, вечный военный залетчик и пожизненный рас…дяй. Забавно, но не смешно.

— Принимай третий взвод, — месяц назад недовольно приказал мне П***. Он теперь старший лейтенант и командир второй роты.

— Ты Саша чокнулся? — возмутился я, — какой из меня на хер командир…

— Сам знаю, что никакой, — как от нашатырного спирта кривит лицо П*** и мрачно спрашивает, — А из кого мне

выбирать? Кто у нас остался?

Все кто остался все командирами стали. Хохол принял первый взвод, Владик — второй, Мишка — четвертый, Лёха — командир отделения ПКМ, переведенный к нам с третьей роты Жорик — принял два расчета отделения АГС. Я всё в третьем взводе числился. Да выбора у П*** не было.

Надо служить, надо обучать пополнение, и нечего тут вые…ся товарищ солдат. Тебя учили? Вот и ты начинай! Видали такого? не хочет он видите ли за них отвечать!? А тебя никто и не спрашивает. Присвоить звание младший сержант, назначить на должность заместителя командира взвода, обязать исполнять обязанности командира взвода. Вы товарищ младший сержант поняли приказ? Вот и выполняйте!

Есть! Выполняю! И вот стоят в строю перед нами вновь прибывшие солдаты совсем еще детишки. Три недели назад их призвали в армию, только три недели отслужили они на нашей базе в Союзе в городе Чирчик. И вот: здравствуй Афган. А какая ты война, а правда что тут и убить могут? Запуганные, жмутся на холодном ветру, тонкими шеями вертят: «Это куда ж мы попали!?»

А попали вы детишки в славную 56-Десантно-штурмовую бригаду. Разряженный горный воздух, дырявые палатки, вместо еды — помои и пятьдесят километров до границы с Пакистаном.

Не ссыте пацаны, не все так страшно, как кажется, а как выжить и воевать мы вас научим, нас же научили.

— Товарищи гвардейцы! — это ротный речь толкать начал, а у самого слюни кипят, вот — вот закапают.

Вместе с солдатами прибыли по замене и новые офицеры, эти в строй не встали, а сразу отправились в офицерскую палатку, чемоданы распаковывать, угощение готовить. Известное дело, служба офицера на новом месте с бутылки начинается. А они еще и жратвы с собой привезли, домашней, не казенной.

Смотрит П*** на вновь прибывших гвардейцев десантников и уже не слюни, а слезы у него закапать готовы. Понятно нам почему он зарыдать готов, ну как — же мы с этими детьми воевать то будем? Их же в первом бою поубивают.

— В общем, — комкает ротный вступительную речь, — сержанты вам все объяснят. Разойдись!

Смешались, отарой готовы разбежаться по ротным палаткам новые бойцы. Да разве это дело? Ну, блин мы вам сейчас покажем, чьи команды в первую очередь выполнять надо.

— Куда?! Под такую твою мать! — ору я на детей, и голосок то командный у меня невесть откуда прорезался, рядом другие сержанты зарычали каждый своему взводу:

— А ну в строй! Команда «разойдись» для нас, а ваше дело, наши приказы выполнять! Смирно! Так вас и раз эдак!

Вот с такого отеческого приветствия подчиненным, полного доброжелательства и заботы об их благе, и началась моя новая командирская служба. А задатки у ребятишек хорошие оказались, каждый по бутылке водки привез, да харчей из маминых посылок захватил. Очень хорошо товарищи десантники. Молодцы! Сразу видно будет из вас толк.

Вечером П*** зашел в палатку проверить как его новые подчиненные устроились, не обижают ли их вновь назначенные сержанты. Новые бойцы второй роты построенные у коек слушают лекцию о том как надо жить и служить в нашем подразделении. Привезенная ими и поднесенная нам водка уже выпита. Тональность лекции и выражения в полном объеме соответствуют количеству выпитого. Мат такой стоит «хоть святых выноси», а святых то у нас сроду и не было. Заходит П***. «Рооота! Смирно!» — раскатисто командую я и заметив, что один воин не достаточно вытянулся, добавляю: «Я кому сказал: Смирно!? Ты чем слушаешь, х…ем что ли? Так тебя и раз этак!», а потом докладываю П***:

— Товарищ старший лейтенант, личный состав налицо, отсутствующих нет, в наряде по роте три человека, происшествий нет, перед отбоем личный состав слушает лекцию по историей части.

— Я стоял у входа две минуты и слышал вашу лекцию товарищ младший сержант, — холодно говорит мне П*** и бесстрастно разглядывает пьяных сержантов дембелей и стоящих у коек запуганных пацанов.

— Рота! — повышает голос П*** требуя полного и безусловного внимания и миг спустя коротко командует, — Отбой!

Счастливые, что им удалось не дослушать боевую историю нашей части, шустро попрыгали в кровати бойцы, каждый тощим одеяльцем с головой накрылся, так смешно прямо как в детстве: «меня не трогать я в домике».

— Я вам запрещаю, сегодня ночью поднимать личный состав, — понизив голос обращается к сержантам П*** и интересуется, — Вы меня поняли?!

Поняли, кивают головами добре выпившие и красные от алкоголя сержанты, очень хорошо все поняли товарищ старший лейтенант, уж кто-кто, а ты имеешь полное право не только командовать, но и точно без всяких проверок знать: твой приказ исполнят.

— Выйди на улицу, — приказывает мне П***.

Накидываю на плечи бушлат и выхожу, у входа в палатку весь замерзший несет службу вооруженный автоматом дневальный.

Через минуту выходит П*** движением руки отправляет дневального погреться у печки в палатке и мне:

— Ты следи за своими выражениями, — как-то неуверенно не приказывает, а просит меня П***, - у тебя же один мат из пасти хлещет.

— Можешь меня разжаловать, — полный хмельной обиды упорно возражаю я командиру, — но я по другому командовать не могу.

— Я же могу! — попрекает меня П***.

Смотрю на него и в который раз удивляюсь, как он вообще умудряется не просто добросовестно исполнять свои обязанности, а отлично служить и при этом совсем редко пить и почти не употреблять при отдаче приказов не идущих к службе окончаний. Хотя как раз сегодня от него попахивает водочкой, небось с новыми офицерами за знакомство выпил.

— Не все же такие как ты, — покоробленный его культурой я отвожу взгляд и вижу как заметает снег через не закрытый дневальным полог прямо в палатку, машинально и совершенно бескультурно отмечаю: «надо дневальному пи…лей отвесить, он же нам все помещение выстудит».

— Эх ты, матершинник, — тяжко вздыхает П*** и вспомнив давний разговор о том кто кем хочет стать после службы, попрекает меня, — а еще на историка хочешь пойти учится…

СССР. Одна тысяча девятьсот восемьдесят третий год. Исторический факультет провинциального института.

Обшарпанная давно не ремонтируемая аудитория. Слепые глаза гипсовых бюстов античных героев не в силах увидеть собравшихся. Запыленным, давно не вытираемых тряпкой героям уже давно все равно, что о них скажут нерадивые студенты. А у нас семинар по истории древнего мира, тема: Греко — персидские войны.

> Путник случайный,
> Пойди и возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
> Что мы полегли, верные закону

Эпитафией греческого поэта Симонида Кеосского высеченной на памятнике спартанцам погибшим в битве при Фермопилах закончил я свою часть выступление на семинаре.

Мои сокурсники вышли из летаргического оцепенения и с явным облегчением вздохнули, учебное время закончилось, пора бы и на перерыв.

— Прошу вас зайти на кафедру, — крайне сухо обратился ко мне в конце семинара заведующий кафедрой истории древнего мира кандидат исторических наук доцент К*** невысокий жилистый средних лет мужчина.

У К*** среди студентов и преподавателей была репутация язвительного зануды, и вызов к нему для беседы не сулил ничего хорошего. Хотя мне то чего боятся? Историю древнего мира я знал на твердое «три» потому как на «хорошо» ее знал только К***, а на «отлично» только Господь. Лекций я не пропускал, на семинарах активно работал, потому не особенно волнуясь я вошел в маленький заваленный картами и античными портретами кабинет и выжидательно уставился на К***.

— Э… — против обыкновения смущенно протянул сидящий за столом К***, и предложил, — присаживайтесь.

Молча сажусь на неудобный расшатанный канцелярский стул и жду, чем же меня огорошит К***, какую такую язвительную пакость он для меня приберег.

— Понимаете, — начал К*** — у меня глава в диссертации ну никак не идет, мне не хватает фактического материала. Вот вы не могли бы мне помочь?

Конечно я всегда был о себе чрезмерно высокого мнения, но не настолько, совсем не настолько чтобы предполагать, что я могу дать К*** фактический материал для написания главы в докторской диссертации. В недоумении поднимаю брови и жду объяснений.

— Скажите вот вам известно, — уже без смущения напористым баритоном совершенно уверенно заговорил К***, - что войско Александра Македонского проходило по тем географическим районам где сейчас находится Афганистан?

— Допустим, — крайне осторожно и ерзая на неудобном стуле ответил я и с наигранной тревогой поклялся, — Даю вам честное слово, что в то время я в Афганистане не был, и с македонской фалангой не сталкивался.

— Э…, - сбился с лекционного тона К***, - я совсем не об этом.

— Следов эллинской цивилизации я там тоже не наблюдал, — твердо заверил я его, и с серьезной миной чуть понизив голос доложил, — раскопки которые я там проводил, результата не дали.

— Вы вели раскопки? — изумился К***.

— Постоянно окопы копали, — подтвердил я и засмеялся.

— Избавьте мне от вашего убого юмора, — рассердился К***, - мне надо понять, как ощущает себя человек на войне. Вы там были, возможно в тех же местах что и македонцы. Вот и

расскажите, что чувствует воин в горах при вооруженном столкновении с противником. Человеческая природа почти не изменилась, и эмоциональные переживания нашего времени, от эмоций людей эллинской цивилизации существенно не отличаются. Ну-с любезный, я вас слушаю.

Тон К*** меня покоробил. Желания выворачиваться наизнанку не было и я рассматривая морщинистое лицо К*** стал подыскивать деликатную форму отказа.

— Это не праздное любопытство, — заметив мое замешательство чуть повысил голос К***, - а научный интерес.

Хочешь послушать? Свербит научный интерес? Ну если только ради божественной Клио, то заполучи рассказик:

— Это было в горах, тех горах чьи камни еще помнят, воинственные крики бойцов македонской фаланги, — с трагическим видом и с волнением в голосе заговорил я, — Наша группа залегла под ожесточенным огнем противника, пули свистели, гранаты рвались, а нас было так мало. Я лежал в окопе, жаркое и такое яркое солнце било мне в глаза и истекая едким соленым потом я думал: «Боже мой! Какая скукотища! Я же тут до вечера совсем от тоски ох…ею. А вот интересно, нам пожрать сегодня ночью подвезут?» Еще ужасно хотелось ссать, но вставать было опасно и я гадал что лучше: «Обоссаться в окопе или встать и первым бросится в атаку, в надежде добежать живым до укрытия и опорожнить мочевой пузырь».

— И как же вы поступили? — заметно растерялся К***, - пошли в атаку?

— Это было бы очень глупо, — вздохнул я, — пришлось снять каску и поссать в нее, потом содержимое вылил за бруствер. Воняло конечно, но лучше нюхать вонь мочи, чем получить пулю и отъехать, в худшем случае в госпиталь, в лучшем на небеса.

— Вы надо мной издеваетесь? — покраснел от злости К***.

— Ничуть, — пожал я плечами, а старый стул подтверждающее заскрипел, — вы спрашиваете что чувствует воин в бою, я вам отвечаю.

— Этого не может быть, — категорично заявил К***.

— Очень даже может, — возразил я, — пуляли по нам издалека, осколки гранат до нас тем более не долетали и почему духи их бросали, одному только Аллаху известно. Огонь противник вел бестолковый, в одиночном окопе да еще почти без движения долго лежать неудобно да и постыло. Вот потому то и скучновато было. Мы второй день не ели и думали только о том как бы пожрать. А уж насчет физиологической надобности, то организму все равно есть война, нет войны, или исхитрись опорожниться или прямо в штаны наваляешь. Как видите все

просто.

К*** в сомнении жевал губами, и с негодованием смотрел на меня. Сам он в армии не служил, к эллинам испытывал чувство близкое к благоговению, но будучи ученым признавал: им тоже надо было сикать и какать.

— Допустим, — нехотя признал он за мной, а заодно и за гоплитами македонской фаланги, право: желать есть, а затем и выбрасывать переработанные остатки пищи и воды, — Допустим, — повторил он, и предпринял новую попытку:

— Но не всегда же вы хотели есть, и все такое. А вот что вы чувствовали сходясь с врагом лицом к лицу чувствуя его дыхание и видя его оскаленное и напряженное лицо. Помните как у Чосера: «копье вонзилось в плоть и задрожав застыло».

— В современном бою до рукопашной дело не доходит, а если и дошло значит командир просто болван, — с явной скукой в голосе, разочаровал я К*** — что до македонских воинов, то когда они в тяжелых доспехах и с холодным оружием в руках, голодные, усталые, вшивые перли по горам, то наверняка думали: «О Боги! Как же нас заеб…ла эта служба».

— Не получается у нас беседа, — тяжело вздохнул К*** и я с тревогой ждал продолжения его речи, ну что то вроде того какие серьезные проблемы будут у меня на его экзамене в частности и в дальнейшей учебе вообще.

К*** молча встал из-за стола, подошел к шкафу с наглядными пособиями и стал в нем рыться. За ворохом карт он нашел бутылку коньяка и выставил ее на стол, из ящика стола вытащил плитку шоколада, погремел посудой в тумбочке и достал два граненых стакана.

— Надеюсь вы пьете? — с сарказмом осведомился К***.

— Если вы по примеру эллинов будете разбавлять вино водой, то нет.

Хмыкнув К*** разлил по стаканам коньяк. Пренебрегая условностями, вроде тостов и пожеланий, К*** затаил дыхание и демонстрируя отменную сноровку одним глотком выпил полстакана янтарной жидкости, выдохнул и закусил долькой шоколада. Я тоже показал, что уж чего- чего, а пить то я умею. Не медля К*** разлил по второй.

— Голодные, усталые, вшивые воины Александра Македонского, мечтающие вернуться домой, а не о том как дойти до края ойкумены, — заговорил порозовевший и успокоившийся К*** и спросил, — А о чем думали Вы?

— О том же, — разглядывая яркую празднично — радостную этикетку бутылки молдавского коньяка ответил я, — у любого солдата мысли одни, и без разницы в каком строю он стоит, в

фаланге, или в стрелковой цепи. Очень быстро понимаешь, что война это просто дерьмо. И хочется быстрее вернуться домой и очистится от всего этого.

— Ну-ка об этом и расскажите, — опять оживившись попросил К***, пояснил, — при написании работы мне очень важно знать, что думает простой воин, почему идет в бой, зачем бунтует, в чем подлинная причина того что одни бегут, а другие побеждают. Мне надо поймать эмоциональную волну войны, только тогда диссертация всеми красками заиграет, путь от нее пахнет потом, мочой и кровью, а не академической скукой.

И я стал рассказывать, чего ломаться то, меня же по делу спрашивают. Мы солдаты по истории только безликими тенями проходим: в строю фаланги, легиона, полка, армии, ополчения. Редко кого из нас по имени упомянут. Что ты чувствуешь солдат? Да какая хер разница! Главное что чувствует и думает тот который приказал тебе идти убивать и умирать, это его имя запомнят потомки. А ты тенью останешься.

— А вот вы, — в конце рассказа спросил К*** — часто в повествовании употребляете не академические термины такие как: «Зае…ли»; «Пи…сы»; «На х. й»; и многочисленные производные от этих слов. Что эти выражения несут эротический подтекст?

Бутылка давно пуста, шоколад съеден, за окнами кафедры уже стемнело, вечер. В кабинете горит электрический свет и сильно накурено, это я смолил сигареты, некурящий К*** воздерживаясь от замечаний, терпел.

— Вовсе нет! — возмутился я и двинул кулаком по столу, подпрыгнув звякнули пустые стаканы, — Просто без этих слов вы никогда не настроитесь на эмоциональную волну войны. Небось в бою эллины тоже не стопами и ямбами говорили. Не знаю как на древнегреческом звучит: «Е… вашу мать!» но или это выражение или его аналог они точно использовали хоть при Марафоне, хоть при Фермопилах. — и хрипловато засмеялся представив как и в каких выражениях царь Леонид отдавал в бою команды своим спартанцам.

— А можно подумать, что при отсутствии женщин, вы так сказать… — усмехнулся выпивший и заметно захмелевший К***, - по примеру эллинов…

Откровенно говоря, для меня когда я стал изучать историю, было очень большой неожиданностью узнать из первоисточников, что многие античные герои были… ну как бы это помягче сказать… ну наверно так: они были ситуационными бисексуалами. Если попроще, то откровенными пи…сами.

— А как вы вообще без ведения половой жизни

обходились? — залюбопытничал К***, - вы в своих рассказах эту сторону как то обошли молчанием. А парни вы все половозрастные молодые да здоровые и было бы вполне естественным… в армии Македонца например, это было абсолютно нормальным явлением…

— Нет! — бешено заорал я и возмущенно забрызгал пьяной слюней, — я в другой армии служил! Пи…сов у нас не было! — тише уточнил, — физических, буквальных так сказать не было, моральные уроды вполне достойные этого наименования иногда встречались. И потом, — быстро успокоившись и без улыбки продолжил я, — калорий в пище мало, а за день бывалоча так на службе зае…шься, что уже не до е…ли. А если уж совсем невтерпеж, то ночью приходит к тебе прекрасная незнакомка, ты страстно прижимаешься к ее нежной груди, а потом проснувшись, вскакиваешь и бежишь застирывать трусы или кальсоны. По научному это поллюция, по-солдатски — обтрухался. Так что природой предусмотрен аварийный спуск на такой вот случай.

Взгляд у К*** был какой то ошарашено неопределенный и он уже не перебивая молча слушал как я рассказывал.

Тут вот еще в чем дело, уже год прошел как я домой вернулся, первые три месяца пришлось специально за речью следить чтобы матерные окончания к каждому слову не прибавлять, потом вроде как и привык нормально разговаривать, а тут армию вспомнил и пошел матом крыть.

— Так вот, выражения: «Зае…ли»; «Пи…сы»; «На х. й», — пытался я объяснить К*** применения специфических терминов на службе Родине, — это не признак лингвистической распущенности и отнюдь не свидетельствует об армейском бескультурье, — и стал подводить якобы научный базис под военно-матерный язык, книжек то умных за год уже начитался, вот и вые…лся, — Эти выражения есть точная эмоциональная передача того что чувствует в данный момент тот или иной субъект военных отношений, но эта передача кроме ярких эмоций несет в себе еще и смысловую нагрузку. Проще по военному то звучит так: «или ты е…шь или тебя еб…т» Служба в армии это априори насилие над личностью, так как тебя постоянно принуждают делать то что тебе совсем не хочется. Война это многократно увеличенное насилие плюс бесконечной человеческой подлости. А любое насилие в человеческом сознании вольно или невольно ассоциируется с сексуальным принуждением. Желание и возможность насильно в духовном плане вые…ть субъекта военных отношений, это как ассоциация превосходства и торжества в каждом конкретном случае. Вот потому эти выражения, означают только невербальное

принуждение, и в зависимости от интонации, принуждение является или безусловным и категоричным ну например: «Да я тебя вы…бу! А ну вперед! Не х. й в окопе прятаться! Встать е… твою мать!» или условным в неопределенной форме: «А как бы нам еб…нуть этот пулемет, пока нас всех не переху. рили?» Далее выражения уже переходят на бытовой уровень, образуют военное арго и охватывают все сферы военной жизни, ну например…

— Достаточно, — поморщился К*** — я все понял и примеров больше не надо.

К*** переводил взгляд с портрета Александра Македонского на портрет Гая Юлия Цезаря и еле заметно шевелил губами. По артикуляции я догадался, что К*** переводит на древнегреческий и латынь родные русские слова, вероятно представляя какими яркими жизненными красками заиграет его диссертация, если Македонец категорично заявит своим бунтующим и вконец зае… ным службой воинам: «Это кто там своё еб…ло раскрыл?! Вы что совсем еба. лись!? Быстро встали в строй! Не х. й тут рассуждать! А ну вперед на край ойкумены, пока я вас всех не вые…л!», а Цезарь перейдя Рубикон, обратится к легионам: «Ну что ребята? Вые…м отцов сенаторов?! Не ссыте орлы, вам Рим раком поставить, не х. й делать!»

Экзамен по истории древнего мира я чуть позже сдал на «отлично», а вот К*** докторскую диссертацию не защитил, слишком сильно по мнению ученого совета воняло от его работы потом, мочой и кровью, а не академической наукой. И обращаясь к почтенным ученым мужам из диссертационного совета хочу в защиту К*** сказать: «Вы что мудаки совсем ох…ли? Да поймите вы, не говорят солдаты хоть в строю фаланги, легиона или десантной роты так как это пишут историки, драматурги и прочая не нюхавшая своей и чужой крови братия. Проще мы говорим, намного проще. Так же просто, как проста война, где ты всего лишь вынужден убивать, чтобы не быть убитым, а все остальное всего лишь словеса. И мы совсем не виноваты, что любое принуждение в человеческом сознании вольно или невольно ассоциируется с сексуальным насилием и эта постоянная готовность к обоюдному насилию отражается в лексиконе членов военного сообщества. Вы что это пи…сы ученые, Фрейда совсем что ли не читали?»

Ну да ладно, до всего этого еще дожить надо, а пока мы в армии, а психоанализ Зигмунда Фрейда в войсках заменяет устав, а там где на него забивают, то воинские традиции. А все-таки жаль ребята, что Фрейд в нашей армии не служил, вот уж у нас то, он материала для своих научных работ набрал бы — море, или по военному: «до полного ох…евания».

— Я тебе приказываю, хоть при мне не матерится, — сурово требует от меня командир второй парашютно-десантной роты старший лейтенант П*** и закончив разговор уходит к себе в такую же драную палатку к выпивающим и матерящимся офицерам. Ошарашено смотрю ему в спину, таких приказов я от П*** еще не слышал. Скрипит снег под легким шагом офицера, а ботинки у П*** все потрескались, небось промокают. Надо, надо ему новую обувь достать, не командиру же на вещевом складе ботинки себе п…ть, для этого солдаты есть, они все и сделают. Сделают, если заслужил это командир, если он настоящий офицер, а не…

А утром следующего дня… Ну вот вы то как думаете, можно из восемнадцатилетних детишек только, только оторванных от материнских юбок, всего то за три недели в голом поле подготовить десантников — духодавов. Нет. А если тебе с ними в горы идти? Если тебе с ними воевать? Тогда как? Опять нет? Так вот никто тебя и не спрашивает, можно или нельзя! Нужно под такую мать, вот и весь ответ…

— В цепь! Бегом!

С первого же дня началось обучение, начали мы личный состав сношать, службе и жизни учить.

— Куда прешь? Недоумок! Я сказал в цепь, а не в колонну. А ну бегом!

— Ты что милок? Никак устал!?

Остановился солдатик, задыхается в разряженном горном воздухе, качается.

— Запомни! В десанте не ходят, в десанте бегают! Пошел! Я кому сказал пошел! — ногой бью мальчишку по пониже спины. Шатаясь он побежал в цепь. Вот так — то родной, меня тоже так учили.

Бегает рота на занятиях по тактике, во взводных колонах, в составе отделения, малой группой. Поскрипывая на снегу новенькими высокими горными ботинками, ходит от взвода к взводу П***, почти не вмешиваясь наблюдает за обучением. Когда подходит ближе сразу меняется тон обращения сержантов к новобранцам.

— Уважаемый товарищ солдат! — обращаюсь я к сразу испугавшемуся такого обращения воину, — пожалуйста поправьте своё обмундирование и постарайтесь запомнить, расстояние между военнослужащими в цепи должно составлять не менее пяти метров, на равнине и не менее одного метра в горах, если разумеется, позволяет театр военных действий.

— Э… — робко тянет солдатик недоуменно смотрит то на меня то на командира роты и отвечает, — Есть!

Поморщившись П*** быстро отходит.

— Есть на ж…пе шерсть! — басом реву я на солдата, — А ну в строй бегом марш!

Бегает вторая рота, первая рота бегает, третья, весь батальон днем и ночью бегает. И соседи из четвертого батальона бегают, и оттуда сплошной мат несется. А после полевых занятий, вместо отдыха:

— Каждый из вас обязан знать не только свое оружие, но и все ротное вооружение, показываю… Понятно? Приступили…..

Сборка, разборка автомата, пулемета, АГСа, ручного гранатомета, миномета. Учитесь мальчики, учитесь, никто не знает когда вам это пригодится, может. Никто не знает, когда нас начнут на операции посылать. Учись! Глазки у тебя слипаются воин? Спатиньки хочешь? Спать дома будешь, если доживешь. А вот чтобы дожил:

— Упор лежа принять! Отжался на кулачках тридцать раз. Ну, как взбодрился? Продолжаем изучать материальную часть…..

Обед. Валит к столам мой взвод, так есть хотят, аж руки трясутся. Только уселись, как:

— Взвод встать! Вы это почему руки не помыли? По желтухе соскучились? Выходи строится! — с ненавистью смотрят на меня бойцы, — Мыть руки бегооом… марш! Еще раз увижу грязные руки и морды, так вместо обеда мыться станете, а вместо хлеба мыло жрать заставлю!

Сбегали и умылись, а потом не едят, заглатывают пищу бойцы, по уставу тридцать минут на прием пищи отводится, за пять минут всю еду смололи мои солдатики, на столе шаром покати, только моя порция нетронутой стоит. Давлю фасон, ем не спеша тщательно пережевывая пишу. Порция у меня в котелке особенная — дембельская. Мало нас старослужащих в батальоне, а повара нас больше офицеров боятся, вот и имели мы самый большой кусок хлеба, самый большой кусок масла, да почти все мясо из того что на кухне было. А вот этот пацан что напротив меня сидит, господи да какой же он голодный, так глазами мою порцию и ест, да челюсти непроизвольно двигаются. Точь в точь как я в учебке. Ешь солдат, пододвигаю ему свой котелок, хлеб, масло.

— А вы товарищ сержант?

— Сынок! Дедушка себе покушать всегда найдет. Ешь!

Ест, за ушами трещит как ест. Покушал солдатик? Взвод выходи строится!

Стоят в строю не наевшиеся солдаты, я того кто мою порцию смолотил вызываю, перед строем ставлю, и бью со всей силы, ногой в живот. Блюет солдат, вся пища из него вылезла.

— Ты, почему паскуда, с товарищами по взводу не поделился? В бою, что так — же будешь только о своем желудке думать? Руками солдат, руками всю рвоту убрал, а если еще раз увижу, что ты один жрешь, то не взыщи…. Искалечу! Всем все понятно? А раз понятно то: «Взвооод бегом марш!»

Ночной учебный марш — бросок, в горах, по пояс в снегу, с полной выкладкой. Вперед! Через часок падает один, подхожу к нему:

— Встать! Пошел!

— Не могу я, мамочка моя родненькая, сил у меня больше нет, — плачет солдатик, а слезы на ледяном ветру замерзают.

Нет тут мамы, мальчик, а есть я твой командир, я тебе и за маму и за папу…, а еще солдат, я за твою жизнь, перед своей совестью отвечаю, выучить я тебя должен, чтобы не погиб ты в первом же бою… Вот потому и кричу тебе:

— А вот он может, — рядом еще один воин стоит, качается, но не падает, — А вот он, он, — поочередно показываю пальцем на солдат окружившего нас взвода, — Почему они могут, а ты нет? Они что тебя засранца тащить должны? А ну встать! Под такую мать! Пошел!!!

И бью мальчишку, бью до тех пор, пока он не встает и пошатываясь не идет дальше. Вперед взвод, вперед.

Жестоко? Да! Не по уставу? Да! А может ты сержант хамская твоя морда просто от власти одурел? Может ты, тварь этакая, издеваешься над детьми, которые под твою команду попали? Нет. Не издевался я над своими пацанами, учил, как мог. Судите как хотите. Вот только… только не было в моем взводе раненых и убитых, не было. И совесть моя… Да ладно, что там говорить. Вперед взвод, вперед! Многому нам еще надо научится мальчики, многому, а времени чуть-чуть осталось. Скоро нам на боевые, уже приказ комбриг получил, перекрыть горные тропы и перевалы, а до Пакистана, если по прямой всего пятьдесят километров. Идут оттуда духи, нас да наших товарищей убивать. Так, что вперед взвод, вперед, буду вас учить, как могу, и всему что сам знаю. Вперед мальчики, вперед родные, скоро привыкните, легче станет.

Тактика, огневая, физическая подготовка, и снова и снова и без отдыха, каждый день, до упора, до рвоты, до полного изнеможения.

— Товарищ сержант! Такие действия уставом не предусмотрены, — это мне на тактических занятиях, делает замечание вновь прибывший командир первого взвода.

Из Московского ВОКУ он. Не любят выпускников этого училища в армии. За выпендрёж не любят, за то что москвичи, за

то что у каждого второго папа генерал. За то что почти у каждого «лапа мохнатая» в штабе. Каждому из них еще придется доказать, что нормальный он парень и можно ему верить. Смотрю я на по-строевому подтянутого высокого летёху и презрительно усмехаюсь.

Ты кто такой? Щегол малохольный, шнурок, разэтакий чтоб мне замечания делать!? Для меня один среди офицеров авторитет есть, это ротный, он свое право замечания мне делать, в горах заработал, когда взводным моим был. Рядом мы год отвоевали. А ты… да я тебя чмо московское в упор не вижу! Забил я на тебя! Отзываю лейтенанта в сторону, чтоб солдаты не слышали:

— Ты летеха, жить хочешь? — тихонько ему шепчу, — ты кого учишь? По уставам твоим нас всех перестреляют. Тебя первого. Тебе еще самому учится надо, а вот когда твой взвод без потерь духов будет мочить, вот тогда свой рот и открывай… А пока цыц!

То бледнеет офицерик, то краснеет, кулачки сжимает вот- вот бросится. Давай попробуй, вот как ахну прикладом тебе в грудину, так и улетишь. Но сумел он гонор свой перебороть, смолчал, только зубки заскрипели, и жаловаться на упадок воинской дисциплины не побежал. Будет из тебя толк парень, будут тебя солдаты не только за звездочки офицерские уважать, все будет, только потом. А пока ты только после училища, да от молодой жены сюда прибыл, а тут необученные и пока бестолковые солдаты, да наглые никого не признающие дембеля сержанты, вот так ты свою службу и начал товарищ лейтенант. Ничего обстреляешься, обвыкнешь, и любого на место поставить сможешь, и здесь и в любой другой части и в любое время…. Больше после службы в 56-й, тебе уже никто «цыц» сказать не посмеет.

— Ой, товарищ сержант, а это что? — показывает мне мелкое насекомое солдатик, из Москвы он призван, а москвичам в армии больше всех достается.

После отбоя отдыхает рота в жарко натопленной палатке. Сидят на койках бойцы и почесываются.

— Вошка это, гвардеец, вошка… — а сам за его реакцией с интересом смотрю.

— Да вы что?! Так надо же дезинфекцию делать, белье, форму все менять! — с брезгливым ужасом на лице кричит пацан.

— Делай, меняй, — соглашаюсь я.

— А как? — чувствует подвох столичный мальчик и маменький сыночек, боится впросак попасть.

— Комбригу доложи, он в штаб армии сообщит, оттуда в Генеральный штаб доклад отправят, дескать, завелись у рядового второй роты вши, надо тревогу бить, да все им менять.

Всего то месяц с небольшим прослужил солдатик, а штабам уже не верит. Мнется, но спрашивает:

— Что же делать?

— Достань бачок, всю форму и белье прокипяти, вот тебе на два — три дня и полегчает. А сам сегодня голый ложись. Смены то у тебя нет?

— Так не просохнет до утра одежда, как же я голый то буду? Или вы меня от занятий освободите?

— Ничего страшного, ты же десантник, ты же гвардеец, мокрую одежду оденешь, пока на тактике будешь бегать, она на тебе и высохнет.

Кипятили форму, кипятили белье, потом на бегу одежду на себе сушили, сами каждый день ледяной водой мылись, закалились, а вот вошек так и не вывели.

— Товарищ сержант, у меня голова болит и тошнит, — заявляет мне на утреннем построении боец из второго отделения.

Смотрю, нет, не симулирует солдатик, лоб горячий, вид грустнее обычного. Достаю из личной аптечки таблетки, одна — аспирин, вторая — активированный уголь. Лечись. И в строй бегом.

— Я же болею! — удивляется солдатик, — мне лежать надо, постельный режим соблюдать.

Мама у него врач, вот умных словечек и нахватался.

— В армии воин, нет больных, а есть живые и мертвые. Ясно?

— Так точно, — с тоской отвечает юный больной воин, — Ясно.

Ничего побегал по снегу, пропотел, на ночь я ему горячего чая дал и еще одну таблетку аспирина. Утром встал бодрый, здоровый и веселый. Вот так мы простуды всякие лечили, быстро и эффективно, кстати, сами также лечились.

Строевой подготовкой почти не занимались, да ну ее на хер! Умеют в строю стоять, выход из строя сделать, в ногу ходить и достаточно. В горах не строевым шагом ходят. Уставам не учили, на кой они спрашивается нужны, уставом от пули не заградишься. Общепринятых армейских приколов типа «сорок пять секунд отбой!» тоже не устаивали, зачем? и так пацаны за день намотаются. Матом по службе конечно крыли, но специально ни над кем ни издевались, не оскорбляли. Вечером в палатке перед сном встанет по стойке «смирно» на табурет один «шнурок» с выражением прочитает:

Дембель стал на день короче
Дембелям спокойной ночи…

Вот и вся «дедовщина». Физподготовкой в личное время заставляли заниматься, это было. Пресс покачать, мышцы спины натренировать, общую выносливость развить, все требовали делать. Так ведь надо это, иначе сдохнет солдат в горах. Как без тренажеров мышцы подкачать? Ствол миномета это штанга, опорная плита миномета это тренажер для мышц спины и ног. Табурет — для упражнений на пресс, отжимание от пола для укрепления рук и общей выносливости. Спинка кровати второго яруса, вместо перекладины. Вот вам и все тренажеры, ну и бег естественно. Не простой бег, а такой когда в РД насуют по два боекомплекта, общим весом под сорок кило и бегом марш. За три недели службы все солдаты как усохли. А уж жрать то хотели, ну как волки зимой, иль как десантники всегда. Хочешь жрать солдат? Пайки с которой еще и на складе и на кухни уворуют, тебе не хватает? А вот это милый второй этап обучения. Во-первых запомни, никто о тебе заботится не собирается, во-вторых… хочешь жрать так добудь еду. Как? Смекалку солдат прояви, где есть еда вот туда и иди, вот за такую отлучку, тебя ругать не буду, зато если попадешься, получишь трендюлей по полной программе. Вы поняли товарищ солдат?

Для начала бойцы по мелочи с батальонной кухни все тырили. Там буханка с хлебом, здесь грамм триста маслица, тут кусок мяса, а уж потом:

— Я знаю товарищ старший лейтенант что это ваши бандиты, ограбили продовольственный склад, — бесится зам по тылу.

Идет в штабе бригады дознание. Вызваны, командир второй роты, командиры взводов и начальник караула. В тот день в декабре наша рота несла караул, я как раз начкаром был. В числе объектов подлежащих охране был и продовольственный склад. Надежные бункеры отрыть не успели, все имущество в палатках, а часовые вечно голодные молодые солдаты.

— Твои мерзавцы, — орет лиловый от злобы майор, командиру роты, — вынесли все доппайки, чем я спрашивается теперь офицеров кормить буду?

Затем поворачивается в мою сторону майор, кричит:

— Сержант! Признавайся! Мерзавец я из тебя всю душу вытрясу…

Признаваться? Нашел дурака! Все печати и пломбы целы. Мы взяли? А ты докажи!

— Товарищ майор, — с болью, с мукой несправедливо обвиненного человека, отвечаю я, — часовые тут не причем. На складе круглосуточно дежурили ваши подчиненные…

Что майор съел? Твои подчиненные бросили ночью склад, а мои часовые не растерялись.

— Разберитесь майор в конце то концов со своими кладовщиками! — возмущается начальник штаба бригады, — вы сами просили, разрешить внутренний караул на складах, я такой приказ издал. Где же был ваш караул?!

Тот караул товарищ майор, прихватив ящик тушенки свалил пить брагу на день рожденье писаря особого отдела. Утром только вернулись. А как пропажу обнаружили так хай и подняли. Но докладывать я вам об этом не собираюсь. Сами разбирайтесь, а наше дело маленькое: пост принял; пост сдал.

Дознание нас не уличило, зато уже вечером после смены караула в расположении роты П*** вывел меня за палатки и:

— Ты что совсем обнаглел? — зашипел сжимая кулаки он, — я тебе не дам офицеров голодными оставлять. Где доппайки?

— Там где и положено на складе, только в другой палатке, там где старые сапоги хранятся, — спокойно глядя на перекосившееся от возмущение лицо П***, отвечаю я, — их эти сучары сами там спрятали. Мои бойцы видели как они вечером втихоря ящики переносили, а вот уж оттуда ребята из них всего три ящика взяли: один со сгущенкой и два с тушенкой. А эти пи… сы теперь всё на нас навешать хотят.

— Да? — П*** чуть опешил, спросил, — Верно? — злобно матернулся, быстро решил, — Пойду и начальнику штаба доложу, я им б…м покажу как офицеров голодом морить…

Пропавшие ящики с доппайками в тот же вечер нашли, а кладовщик в дурака играл: «ой забыл что убрал, ой инвентаризацию не провел, ой не подумал, виноват исправлюсь». Про три пропавших ящика он уже и не заикался. Сильно забывчивого кладовщика отмудохали товарищи офицеры и перевели служить в четвертый батальон, а мой взвод досыта пожрал. Дристали они правда потом с денёк, но ничего, это дело житейское, уж лучше от обильной и жирной пищи животами пострадать, чем чахнуть с голодухи. Вот как учатся воины боевой науке, не по дням, а по часам постигают военное дело, все влёт ловят. Одно слово молодцы! А кто их учил? Вот то-то и оно.

Уже дома участь в институте, я с искренним изумлением узнал, что точно такой же методики в обучении бойцов придерживались спартанцы. Там тоже молодых воинов в качестве боевой подготовке поощряли самостоятельно добывать пищу. Не верите? А вы первоисточники по истории древнего мира прочитайте, там об этом черным по белому написано. Так что ж это значит мои ребята вроде спартанцев были? Путь это и нескромно, но я считаю, что десантники с нашей бригады пошустрее были. Спартанцев с детства к военной службе готовили, а мои ребятки только второй месяц как от мамкиных

юбок оторвались и службу тащить стали. И потом вы вот только послушайте:.

Приходит рота с тактики, личный состав весь вымотанный, замерзший, мокрый, солдатня злая до чертиков. Мечтаем согреться и обсушиться Вваливаемся в палатки, а там холодина. Продрогший дневальный в шинели стоит и чуть не плачет, не смог растопить чугунную печку, не горит мокрый уголь, нет дров на растопку. Палатка промерзла, а дневальный потупив голову и виновато шмыгая носом готов принять заслуженную кару. Его сразу вся рота растерзать готова. А пацан дневальный с отделения Лёхи. Стал быть Лёхе судить его и карать.

— Смотри, — показывает расстроенному мальчику Лёха и достает из лотка с минами дополнительный минометный заряд: промасленный бумажный сверток с порохом.

Разрывает колечко заряда и порох в печку на мокрый уголь высыпает, штык — ножом вскрывает патронный ящик, два цинка с патронами отбрасывает, сухие дощечки ящика расщепляет на растопку, промасленную всю в крапинках пороха бумажку поджигает и… через полчаса печка вся малиновая от жара, по палатке теплый воздух волнами гуляет. Все уже разделись до белья, верхняя одежда сушится, скоро ужин, благодать.

— А вот теперь, — сурово объявляет Лёха счастливому пацану дневальному, — Запомни! Еще раз будет печка холодной, я тебя урою. Понял?

Могут спартанцы, лютой зимой в чужих горах одними щитами и мечами огонь развести? Нет! По крайней мере мне из истории такие случаи неизвестны. А вот наши ребята запросто сумеют военное снаряжение не по назначению использовать, так сказать при острой нужде «перекуют мечи на орала». А печки у нас в палатке с тех пор жару достаточно давали.

В конце декабря пообвыкли ребята, приноровились, кое-чему выучились, пора образование солдатское заканчивать, пора вам ребята крови и пороха понюхать.

Первый выход он учебный был, вот только солдатики об этом не знали, было решено по кишлакам, что рядом располагались, маршем пройти, как говорится себя показать и на них посмотреть. Учебный то он учебный, но в Афгане никогда не знаешь когда и на кого напорешься. Поэтому собирались, как на боевую операцию, боеприпасы, пайки, разбивка бойцов по боевым группам, все как положено.

— Родной! Ты зачем сухпаек выкинул, а в РД патронов и гранат напихал?

— Товарищ сержант, так вдруг не хватит! Что же мы без патронов делать будем?

Мне смешно, а воин серьезный такой. Видит воин кровавый бой, вот кончились у взвода боеприпасы, а враг все ближе и ближе, и он достает предусмотрительно захваченные лишние патроны и гранаты, и спасает весь взвод. Со слезами на глазах благодарит его товарищ сержант, «спасибо солдат» — говорит ему ротный, к ордену его представляют, и все им восхищаются. Боже ж ты мой, ну какие это знакомые симптомы, а раз так то неси мальчик свои патроны, неси, следующий раз, ты их выкинешь, а наберешь хлеба и консервов.

— Взвод! Слушай мою команду! Верхнюю одежду снять, приторочить к РД. Сам бушлат и ватные штаны снимаю и к ранцу привязываю. В декабре в горах минус двадцать, да ветер тысячами ледяных пуль пронизывает, в декабре в горах снега по пояс, а когда и по грудь. Да как же мы в одном х/б пойдем? Да вот так! Только так и надо ходить, чтобы от холода и ветра не умереть, налегке надо ходить, чтобы силы были, что бы на привале или в засаде сухую одежду на мокрое и потное х/б одеть, чтобы не загнуться, вытерпеть, дойти и вернутся в родные палатки, к печке «буржуйке» да к кухне батальонной.

— Твой взвод головной заставой пойдет, — говорит мне ротный, пока он сам третьим взводом командовал, мы только передовыми и ходили, советует:

— Ты особенно ребят не нагружай.

— Не учи ученого, — огрызаюсь я.

— Да? — злится П***, - А тебя кто учил? Ученый ты наш! Забыл умник, как сам щенком беспомощным под ногами путался.

— Ты с училища приехал, не лучше меня был, — возражаю, — сам первые операции болтался как…

И не договариваю, что было то прошло, я уже давно не щенок, а он… его мы по праву считали лучшим офицером бригады. Высшую воинскую награду он получил, уважали его ребята, все с кем ему служить довелось. Да и не только мы — солдаты, даже штабные его уважали, с мнением его считались. Сколько раз он выводил нас из тупиков, когда сбивались с пути в незнакомый горах, сколько раз воевали под его командой. Знания свои на опыт этой войны помножил, вот и был третий взвод батальонной разведкой, и не разу по нашей вине не попадал в огневой капкан, наш батальон. Еще уважали мы тебя Сашка П*** за то, что не было в тебе ни капли гонора офицерского, и ел ты с нами на операциях с одного котелка, и пару раз поминая погибших ребят водку с одной кружки пил, но при этом каждый, даже вконец оборзевший дембель, точно знал — ты командир, и приказ свой любого выполнить заставишь.

— Ты понял! Ребят не перегружай, — повторил П*** и

отошел к другим взводам.

Первые километры марша настороженно шли бойцы, в снегу тропу для роты топтали. От х/б пар валит, горячим солдатским потом обливается на двадцати градусном морозе и ветру, третий взвод. А потом… Потом поникли головы у ребятишек, не по сторонам, под ноги смотрят, и думы все об одном: «Когда привал? Когда же вы сволочи объявите: Привал!» Не скоро еще мальчики, не скоро. До ночи нам топать, терпите.

— Это сигнальный огонь, — показываю ребятам со своей группы, небольшой продолговатый цилиндр пирофакела, — он горит три минуты, ночью этим огнем мы показываем, «свои», только не спутайте сигнальный огонь с сигнальными ракетами.

После двенадцати часового марша по горам попадали на снег солдаты, но сначала, как и положено, огневые позиции оборудовали. Бушлаты и ватные штаны отвязали, оделись в сухое, портянки перемотали. Вот и нормально, жить можно. Вот только как в горах в снегу, пищу разогреть и горячего похлебать?

— Дальше смотрите, — я достаю котелок, бросаю туда чистый снег, чайную заварку и сахар, срываю запал сигнального огня, ярко сильно вспыхнуло пламя, подношу к котелку, минута и растаял снег, заварился чай. Готово, можно пить, горячий, крепкий, бодрящий, полный глюкозы напиток.

— У каждого из вас есть сигнальный огонь, как его использовать я показал, — оглядываю обступивших меня солдат, — к приему пищи приступить! Только не пожгите друг друга. А ты придурок, — это я тому солдатику, что сухпай выкинул, а патронов с гранатами набрал, говорю, — садись со мной и жри. Да не выделывайся ты, если не поешь горячего зимой в горах, то сдохнешь. Ешь, давай.

Ну, вот уже и сутки пошли, как мы вышли. Втянулись бойцы, попривыкли, если уметь то и в горах на снегу выжить можно, и горячую пищу добыть. Подучились солдатики выживать, подучились.

— Ложись! В укрытия ползком, да тихо не шуметь, — шепотом отдаю команду.

Заметил, что метрах в пятистах от нас по склону соседней горы редкой цепочкой в колонну по одному, идут человек двадцать, вооружение винтовки и автоматы. Нагружены мешками — вьюками, тяжело идут. По укрытиям расползлись солдатики, все как учил, молодцы.

— Сержант! Люди! С оружием, — задыхаясь от волнения, шепчет мне лежащий рядом боец.

— Сам вижу.

Нет, вы только посмотрите на этого пацана, личико все

красными пятнами пошло, такой весь взволнованный мальчик, уже и «товарища» при обращении пропустил, совсем к службе привык, это хорошо. Тихо отдаю команду:

— Приготовится… прицел постоянный… Огонь!

Из пятнадцати стволов длинными очередями, стали бить по колонне духов.

— Огонь! Огонь под такую…. Огонь!

Побросали духи мешки, сами попадали и в ответ, из автоматов и винтовок, Огонь! Вот только лежим мы за камнями в укрытиях, не видят они нас толком, потому и пули все мимо просвистывают. А они как на ладони, вот только расстояние большое и рассвет тусклый, не встало еще солнце. Все равно. Огонь! Расползаются и они по укрытиям, только трое неподвижно лежат. По вспышкам, они по нам стали бить, а пульки все ближе постанывают. Ищут нас.

Перебежками вся рота подбежала, рассредоточилась за камнями. Огонь из автоматов! Огонь из пулеметов! Гранатами огонь из АГСов! Плотно мы их накрыли. Уходят духи, не бегут, а именно уходят, правильно по одному под огневым прикрытием остальных, перебежка зигзагом, и все он за склоном, не достать. А вот этот душман или от страха или просто неопытный, прямо побежал, и достала его свинцовая очередь из пулемета. Готов. Большая часть их ушла, мы их не преследовали, горы незнакомые можно и самим в засаду угодить.

Вот вам и крещение. А вон ребята и ваши трофеи в мешках, быстрее их потрошите, разбирайте и прячьте по ранцам. А вот рядом с вьюками лежат и первые убитые вами люди, мальчики. Не надо пацан, не смотри на убитого тобой человека. Понимаешь тут такое дело: «или ты его или он тебя» Ну вот ребята и началась для вас война.

— А я то… я то думал, что так страшно будет… а оказалось то ничего…

— Я сначала и не понял ничего… а потом как стал из автомата мочить…

— А это что свистело… пули?… Да? Пули! А вроде и не похоже… в кино они по другому свистят…

— У меня автомат замолк, думаю заклинил… посмотрел, а магазин пустой… не заметил как и расстрелял…..

Возбужденно переговариваются бойцы, почти кричат, недоумевают и поняли, поняли что, сколько о войне не рассказывай, не поймешь ты ее, пока сам не увидишь, что хотят тебя убить, а ты стреляешь в ответ… Я уже через это, давно прошел. Я тоже первый раз почти ничего и не понял.

— Слышь сержант! А воевать то не так уж и страшно… — уже

по свойски обращается ко мне пацан из первого отделения. Весь в снегу, как опьянел от запаха пороха, от возбуждения первого боя, от первой удачи что сам живой, а те кто убить его хотел, вот они поодаль трупами валяются.

Надо лишнюю уверенность в своей непобедимости с них сбить. На войне по разному бывает, боевая удача, она и задом к тебе повернуться может.

— Когда ты из укрытия стреляешь, — сухо и сжато отвечаю и смотрю на его красное от холода и такое довольное лицо, — может и не так страшно, а когда из укрытия по тебе? Как мы их сейчас расщелкали, так же и нас могут. Как вернемся, начнем тренироваться, как самим из-под огня уходить, да как в засады не вляпываться.

После марш — похода вернулись домой, оружие почистили, сами помылись, перекусили и отдыхать. Только засыпать стал, как меня солдатик толкает:

— Сержант вставай, мы тут собрали кое- что, давай к нам…

Почти с самого начала все бойцы в роте на мелкие группы обособились. Разбились по землячеству, по возникшим дружеским отношениям, по складу характера. В любом мужском коллективе так, особенно в армии. Я так свой взвод уже перетасовал, кто с кем дружит, тот с тем и служит. Большая часть роты уже вовсю храпит по своим постелям. А эти трое с моего взвода бодрствуют. Одна компания первое отделение третьего взвода. Закуток в палатке одеялами огородили, стол из самодельных табуретов соорудили. Вот теперь вижу, что не мальчики вы уже, а солдаты, времени совсем ничего прошло, месяц всего, а у вас и водка на столе и мясо жареное и хлеб без нормы крупными кусками порезан. Где только и научились? Как только и достали. Но военный этикет такие вопросы задавать не позволяет. Пригласили? Ешь, пей, все на столе. Захотят сами скажут, не захотят их право.

— Трофеи загнали, — с улыбкой объясняет мне Олег В***, тот самый боец которого я бил ногой в живот перед строем взвода, — у поваров на батальонной кухне обменяли, на мясо и хлеб, а водку ту еще с Союза как привезли, так и хранили, думали на Новый год, но раз такое дело…

— Ну, ребята с крещением вас! — чокаюсь с бойцами и пью свою долю водки, хоть и горькая ты водочка, а все равно родимая, такая — же хреново-пьяная как и жизнь наша солдатская.

А ничего прилично мне налили, граммов на двести. Сладко кружится голова, тихо плывет душа. Куда же ты плывешь душа моя? «Домой, домой» — отвечает мне душа. И знать пока не знает моя душа, что дома, она все сюда возвращаться будет, сначала во

снах, а потом только в памяти. Только в памяти, да и то все реже и реже. И лица моих товарищей уже будут не от выпитой водки расплываться, а от ушедшего времени.

— Сержант!

— Чего?! — выныриваю из своего опьянения, смотрю на продолговатое, любопытствующее лицо собеседника. Тут за самодельным столом, он для меня не подчиненный, не солдат и не друг. Просто собеседник, сотрапезник, нормальный парень.

— А ты домой вернешься, что делать будешь?

Какой любопытный, а? Ну вот так я тебе взял и всё сказал. Я милый даже по пьяни наизнанку не выворачиваюсь.

— Ты мне лучше скажи чего это ты по ночам все в тетрадку все пишешь? — вопросом ухожу от ответа.

Олег краснеет, не отвечает. А его дружки перемигиваются. Знают и не выдают. Все правильно ребята. Самое это паскудное дело своих выдавать.

— Стихи небось сочиняешь? — подначиваю я. Вспоминаю свой давнишний сон про Гомера и улыбаюсь.

— Нет не стихи, — Олег не смотрит на меня, видно что гадает: «сказать не сказать». Чуть помедлив решился:

— Я дневник пишу, — признается он, и с вызовом говорит, — вернусь домой книгу напишу о нас и про Афган.

— Небось и про меня там нацарапал, — любопытствую я, — может покажешь? Да ты не боись, если что не так, бить и смеяться не буду.

Олег уходит к своей кровати достает лежащее на полу РД, роется в нем, вернувшись быстро перелистывает страницы и протягивает мне раскрытую общую тетрадь. С трудом разбирая текст торопливо написанный мелким неровным почерком читаю:

> *«Ну и сука же наш сержант, всех зае…бал! Вчера на тактике избил Кузьму, на огневой чуть не убил Дурдыева. Прямо унтер Пришибеев, нет хуже в сто раз хуже. Избил бы его, но тогда другие дембеля в землю по самый х. й вобью. Сам всегда только мясо жрет, а у нас жиденький супик с сушеным картофелем. Каждый вечер весь взвод сажает на электрический стул. Кто первый упадет, тот вокруг палатки будет с минометной трубой час бегать. Когда мы перед отбоем отжимаемся, а потом пресс до усёру качаем, он на коечке полеживает и только покрикивает: «Веселей товарищи гвардейцы, веселей» А когда набухается с другими дембелями, так строит взвод давай мозги компостировать: «Я же для вашей же пользы стараюсь» Педагог х. ев! А еще любит во время занятий*

по рукопашному бою вызвать молодого и тут же пиз…ть его начинает, да еще приговаривает: «Сопротивляйся! Под такую твою мать! Сопротивляйся!» А из нормальных слов он знает только: «Строится»; «Смирно» и «Приказываю», все остальное только матом. А вот интересно узнать кто и как его воспитывал? А еще он…»

Читаю и не верю, неужели это я такой? Нет правда, это я что ли? Это что только таким он меня видит.

— У тебя в тексте ошибка, — сурово замечаю я Олегу, возвращая ему тетрадь, — Запомни: сука за…бать никак не может. — Язвительно добавляю, — интересно знать кто тебя биологии в школе учил?

— Это образное выражение, — смутившись оправдывает Олег, оглядываясь на хихикающих товарищей.

— Даже в образах надо соблюдать достоверность, — ворчу я, и с усмешкой добавляю, — ну ладно все верно я только матом разговариваю. А ты что же в своем дневнике, нецензурные слова используешь?

— От тебя заразился, — переходя на «ты» угрюмо отвечает недовольный критикой своего труда Олег.

— Насчет «избил бы его» давай разберемся, — требую я и пьяно усмехаюсь, — вот завтра я тебе устрою спарринг по рукопашному бою. Вот и попробуй меня избить, если сможешь. А если я такой сякой и разэтакий, а еще и хреновый, то чего меня водку пить пригласили? Я вас просил что ли? И вообще, — вставая с «каменной мордой» и духовно страдая от несправедливости продолжил я, — за водку конечно спасибо, а если так: да пошел ты Олег на х. й вместе со своим творением. Пиши чего хочешь, мне плевать!

— Там и другие записи про тебя есть, — оправдывается Олег.

— Пригласили первый бой обмыть, — пытается удержать меня за рукав Кузьма. Это его я избил на тактике, за то что он медленно передвигался и вечно путался в построениях, и все никак не мог толком понять что если башку из укрытия выставлять, то пулю словишь.

— Мы сами слышали как Лёха своим бойцам говорил, чтобы не боялись с нашим взводом ходить, потому что, ты духов чуёшь и ребят под пули никогда не подставляешь, и нас не подставил, вот и позвали, — запинаясь от выпитой водки бормочет курносый веснушчатый Валерка, лезет в своё РД и достает еще бутылку, — предупреждает, — последняя.

— Кому Лёха, — уже отходя от обиды, но все еще сердито говорю я, — А вот вам сержант О***.

— Так будешь дальше читать? — протягивает тетрадь Олег.

— Нет, — отвожу его руку, — потом в твоем романе прочитаю, и уже всем:

— Хватит пить ребята, завтра занятия, отдыхайте. Отбой!

И первый заваливаюсь спать. Лежа на своей койке улыбаюсь. Ну надо же! Вот так живешь, живешь, а тут бац и ты уже прообраз литературного персонажа. Интересно, а чего он там про меня в своей книжке напишет?

В конце восьмидесятых в начале девяностых годов фамилия Олега В*** несколько раз мелькнула на страницах периодической печати. Я всё ждал когда он свой роман опубликует. Интересно же прочитать про Афган, про бригаду, да и про себя тоже. В жизни то я далеко не герой, а тут глядишь хоть литературным стану. Будет чем в старости перед внуками похвастать, покажу им книжку и с гордостью заявлю: «Смотрите это же я! Вот у вас какой дед в молодости был! А этот писатель у меня во взводе служил. Нормальный солдат был». Не дождался.

Москва, ноябрь одна тысяча девятьсот девяносто пятого года. В столицу я приехал в по делам. Тяжелое колкое ощущение чужого враждебного города. Вывески не на русском языке, валюта: доллар USA. Мы проиграли войну. Без выстрелов под ликующий чужеземный вой, развалилась страна. Свои стали чужими, а чужие рвут и рвут в клочья упавшего одуревшего от реформ и водки обессиленного великана. Мы в стане потерпевших поражение. Разруха, безработица, нищета. И подступающее чувство безнадежности. У меня дома тяжело болеет мама, жена в декрете нянчит мальчугана — моего сына. А тут:

— Съезди в Москву, а? — просит меня хорошо знакомый директор строительной фирмы.

Давным-давно еще в СССР моя мама работала вместе с ним. Он постарше меня будет. Когда-то он ей помог. Я уже переучился с историка на юриста и провел несколько довольно успешных процессов, этому директору полгода назад отсудил значительную сумму. Он еще пытается строить там где только воруют. Он еще верит в будущее, а я уже нет.

— Нет, — коротко и резко отвечаю я, — у меня другие планы.

— Мне федеральную лицензию зарубили, — тихо сообщил директор. Он без приглашения пришел ко мне домой и сейчас в кухне за столом сидит и пьет чай.

— Стройка приостановлена, деньги не перечисляют, сроки горят, все подряды на строительство уйдут к другим, мне останутся одни убытки.

Смотрю на его усталое морщинистое лицо, на тяжелые руки,

на грубые обхватившие чашку с чаем пальцы. Для советских времен у него обычная была карьера: рабочий на стройке, прораб, начальник участка, директор. Днем он строил, вечером учился.

— Это твои проблемы, — холодно в духе времени отвечаю я и выразительно смотрю на часы. Время двадцать ноль-ноль.

— Рабочим заплатить не могу, нечем, а у каждого из них семьи, — просит он, — я тебе уже доверенность приготовил, съезди, а…

— Ты хоть представляешь, сколько это стоит в Москве выбить тебе лицензию? — все так же холодно и уже с заметным раздражением спрашиваю я.

— Свою квартиру в банке заложил, — морщится немолодой замотанный неурядицами мужик, — деньги есть. Последние деньги. Не будет бумажки, все дело пойдет прахом, рабочие на биржу, а я на помойку…

Через десять лет он в своем кабинете умрет от инфаркта, фирму возглавит его сын. Наверно это здорово, когда сын продолжает строить, вместо ушедшего отца. Строить невзирая ни на что, строить в нашей стране.

— Съезди, — моя мама с трудом опираясь на палочку вошла в кухню, чуть задыхаясь от астмы сказала, — было время он нам помог, теперь твоя очередь.

Приемные начальников, равнодушно- презрительные выхоленные секретарши, чиновные кабинеты. Это уже чужая страна, чужой город и чужие люди. Для этого города, вся остальная Россия была просто «Мухосранском». Днем я бегал по кабинетам, ночью на компьютере правил документы представляемые на лицензирование и платил. За все. За то чтобы приняли вне очереди, за то чтобы посмотрели бумаги вне плана, за сделанные замечания, за каждую подпись, за то что человек в моем городе хочет работать и строить, а не воровать. Полученные деньги таяли, как патроны в затяжном и безнадежном бою, еще немного совсем чуть-чуть и мне уже нечем будет заткнуть очередную чиновную пасть. Экономил на жилье и еде. И чувствовал как захлестывает злоба, как в бою, когда не имеешь права быть убитым, ведь другим от этого станет только тяжелее, им же придется вытаскивать твой труп. Права на проигрыш не было и лицензию я выбил. Пока ещё мне везёт, пока ещё не убит. Пока…

Закусочная была расположена прямо в вестибюле станции метро. Исцарапанные белые пластиковые столики, потертые пластиковые креслица, неизвестного качества и происхождения пища. Кофе с молоком мутная бурда, разогретый в микроволновке гамбургер вот весь мой заказ. Дело сделано и

пора домой. Через четыре часа мой поезд. А сейчас я только перекушу и отдохну немного. Так сильно я не выматывался даже в горах Афганистана. Мимо моего столика направляясь к эскалаторам спешат люди. Серые лица, напряжение в каждом движении, пустые глаза не смотрят они только фиксируют передвижения, а вот человеческий взгляд у каждого обращен только на себя. Молодые и старые, мужчины и женщины, они все на одно лицо. Чужое лицо Москвы девяностых годов, серое напряженно усталое лицо последних лет уходящего века.

«Но как и прежде тропой пустынной идем к горам, что бы вернуться, но и кого-то оставить там…» — услышав исполненную строку из песни своей юности я нехотя повернул голову. У входа на станцию стоял высокий сутуловатый небритый бомжеватого вида мужик в грязном камуфляже, с гитарой. Хрипловатым, похмельно — осипшим голосом он негромко пел, у ног обутых в давно не чищеные ботинки стоит картонная коробка. Пробегая мимо него прохожие бросали мелочь в коробку и не слушая исполнителя бежали дальше.

«Еще один «герой» под такую его» — равнодушно отметил я и отвернулся.

За соседний столик присели двое ментов, молодые замотанные ребята в несвежей форме. Хозяин закусочной среднеазиатского типа смуглый лысоватый мужичок быстро вышел к ним неся на подносе стаканчики с кофе и пластиковые тарелки с едой. Невольно слышу:

— Ему тоже, — кивнув в сторону певца приказал хозяину закусочной, мент постарше с мятыми погонами старшего лейтенанта.

— А платить? — неуверенно с легким акцентом спросил хозяин, сноровисто расставляя на столике тарелки и стаканы.

— Я вот тебя узбек, гастарбайтер ты х. ев, в отстойник засуну на три часа, — нехорошо ухмыльнулся мент, — там и расплатимся.

У немолодого мужика задергалось лицо, но он промолчал и торопливо вернулся в свой закуток. И у меня непроизвольно чуть дрогнули губы, мой погибший друг был узбеком, а если бы ему так сказали, он то чтобы сделал? А я чтобы сделал? Хотя про себя то я уже знаю: сижу; молчу и продолжаю слушать.

— Ты это чего? — удивленно спросил второй мент помоложе — лейтенант, — на хер тебе этот бомжара нужен? Его гнать отсюда надо.

— Ты у нас в отделении первый день на смене вот и запомни, — объяснял старлей брезгливо ковыряя пластмассой вилкой гарнир в тарелке, — Этот — он чуть кивнул в сторону

певца, — из настоящих. Когда он тут появился, то мы его в отделение отвели и все документы проверили. Льготное удостоверение есть, в военном билете отметка что служил в Афгане есть, удостоверение к медали есть. На бутылку дали и отпустили. Пусть себе зарабатывает как может. И подкормить его тоже не помешает.

— Понятно, — легонько вздохнул второй мент и тоскливо заметил собеседнику, — еще неизвестно как нам командировки в Чечню отрыгнуться, может вот так же стоять будем.

— Вот и я об этом…

Хозяин торопясь принес еще один поднос с едой, суетливо все расставил и подбежал к певцу. Быстро кивая головой заговорил, тот вопросительно глянул на ментов, старлей сделал приглашающий жест, певец не торопясь пошел к столикам.

— Не узнаешь? — глянув в мою сторону хрипловато спросил подошедший к столику певец.

Смотрю на его помятое небритое лицо, потухшие глаза, отечные мешки алкоголика под глазами, к его помятой камуфляжной куртке на засаленной ленточке приколота медаль «За отвагу».

— Я вас не знаю.

— А я вот тебя сразу узнал, — морщится певец и скалит в улыбке давно нечищеные зубы, — не сильно ты изменился.

— Есть проблемы? — сразу насторожился старлей, и мне властно, — Предъявите ваши документы!

— Я его знаю, — все еще улыбаясь говорит певец, обращаясь к офицеру, — 56 — я бригада, вторая рота, командир третьего взвода, — и уже мне:

— Верно?

— Ты кто? — все еще не узнавая спрашиваю я и еще раз оглядываю его. Нет этого опустившегося человека, этого дурно пахнущего алкаша я не знаю. Разве что мельком где-то виделись?

— Олег В***, - представляется певец, — ну теперь узнал?

Так что же с тобой случилось Олег? Где же тебя убили? Ты же труп! Не может человек без души жить, а твоя душа умерла, я это по мертвым глазам вижу. Без души жить тело не может, только существовать. Пить, жрать, ходить, но не жить. Разве затем мы выжили на войне, чтобы дома умирать. Я же твои статьи в газетах читал, думал: «вот молодец парень, журналистом стал». Ждал когда ты про нас напишешь. Где же твой роман, под такую твою мать! Как иначе про нас узнают? Про настоящих, не терминаторов, не киборгов, не суперменов, про настоящих солдат, самых обычных ребят брошенных в дерьмо ненужной нам войны.

— Газета где работал, медным тазом накрылась, другая работа дрянь, толком нигде не платят, жизнь паскудная, стресс водочкой снимал, тут выпил, там похмелился, вот понеслась п…а по кочкам, — закусив рассказывает Олег.

Поев менты уже ушли, час пик прошел, в этой жалкой забегаловке за столиком сидели только мы вдвоем. Уже выпили за встречу. Вспомнили живых и мертвых и еще раз выпили за помин души погибших ребят. А Олег криво улыбаясь все рассказывал:

— Жена ушла, родители умерли, денег нет, вот я тут и пристроился. А чё?! — Он с пьяным вызовом посмотрел на меня, — Все нормально, на бутылку на жратву всегда наберу, а чего еще надо?

Что надо? Не знаю. Каждый сам для себя решает, что ему надо. Жизнь паскудная, не платят, работа дерьмо, так у тебя одно что ли так? Всем досталось. Только мы продолжаем карабкаться по жизни, а ты сдался. Побираешься тут, по дешевке за бутылку торгуешь нашей памятью, за подачки поёшь не тобой написанные песни.

— А как же твой роман, про нас? Помнишь? Ты же обещал написать…

И не давая договорить он меня прерывает:

— Да кому он на х. й нужен?

Никому, ты прав. Такие как мы только на войне нужны. Как под жопой гореть начинает, вот только тогда нас зовут: «Товарищи солдаты! Защитим Родину- мать! Не выдавайте родимые!» А в другое время лучше, проще не вспоминать, забыть, про тех кто откликнулся на этот призыв. А про войну приключенческие сказки рассказывать, что бы с охотой шло воевать свежее пушечное мясо нового призыва. Всегда так было. Вот только это не повод чтобы заживо умирать.

— Ну что еще по одной? — предлагает бывший солдат, бывший журналист, бывший человек, умевший воевать, но так и не нашедший в себе силы жить.

— Может ко мне поедешь? — неуверенно предлагаю я, пока замотанный хозяин несет очередную бутылку, — Работу тебе подберу, пока на стройке, а там посмотрим, квартиру найдем, если надо подлечим, у меня полно знакомых врачей…

— Ага и ты будешь как встарь мне мозги еб. ть, это делай, это не делай, — со злобной иронией ухмыляется Олег, безразлично интересуется:

— Ну и сколько у вас в Мухосранске рабочий получает?

Говорю сколько. Немного, да и задержки бывают. Но на жизнь хватит. И потом все дальше только от тебя зависит. Булькающим

смехом сквозь пьяную икоту заливается Олег:

— Да ты что совсем ох. ел? Я тут за день больше заработаю…

Он уже заметно опьянел, осоловел, руками хватает закуску, запихивает в рот, наливает дешевую водку пьет. Смачно отрыгивает. Я прощаюсь и ухожу, скоро поезд, а меня ждут дома. И слышу как в спину хрипло кричит мне Олег:

— Если тебя так приспичило, сам пиши. А мне уже все по х. й!

На его крик оборачиваются редкие прохожие, а я ухожу не оглядываясь.

Прощай Олег В***! Не сомневайся я напишу. Как смогу. Ведь кто то же должен написать про нас, а я за чужими спинами никогда не прятался.

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**
24 декабря 1981	**4 ДШБ**	**Баладех**

В декабре восемьдесят первого четвертый десантно-штурмовой батальон из нашей бригады, на весь Афганистан прославился. О нем даже по радио иностранному сообщали. Ему же было посвящено одно из заседаний правительства Афганистана. Бесстрашно вызвал батальон на бой все кочевые пуштунские племена. Численный состав этих племен, никто, даже они сами не знают. Но уж никак не меньше ста тысяч хорошо вооруженных мужчин. Кочевые пуштуны в той войне нейтралитет держали. На любую власть они клали…. У них своя власть, племенная, и своя земля, а где эта земля по которой они кочуют находиться, в Афганистане или Пакистане, вождям начхать было. Пока их не трогали, они не воевали. Правительство в Кабуле, это вполне устраивало, вождям делались подарки, рядовых членов племен поддерживали продовольствием, и все шло хорошо. Пока отважные десантники…

В декабре 1981 года был четвертый батальон на операции, пытался реализовать разведанные, полученные авиа разведкой. Но душманов не нашел. Такое часто бывало, в порядке вещей так сказать. Возвращаются наши орлики домой, а тут вооруженные люди передовой роте: угрожать; мешать проезжать; ружьями махать. И всячески свое недовольство демонстрируют. Командир Десантно-штурмовой роты на всякий случай уточняет:

— Армия?

Нет, продолжают, возмущаться вооруженные люди.

— Царандой?

Нет, уже на прицел наших бойцов берут.

— Местная самооборона?

Совсем уж для очитки совести спрашивает офицер. Тоже нет. На прицел берут, ружьями грозят, но не стреляют.

По рации спрашивает ротный комбата:

— Что делать? Не армия, не царандой, не местные отряды, оружием грозят, но не стреляют.

— Тебя, что от командования ротой отстранить, — в свою очередь, ласково спрашивает комбат, — если ты до сих пор не знаешь, что делать, когда тебе препятствуют, всякие там….

— Не надо! — просит офицер и твердо заверяет, — знаю я что

делать!

— Ну, раз знаешь….. - заканчивает диалог комбат, — конец связи.

Отдает матерный и очень боевой приказ командир роты, своим бойцам. И из башенного спаренного с пушкой пулемета ПКТ (пулемет Калашникова танковый) дает длинную очередь башенный стрелок (правильно оператор-наводчик) поверх голов неизвестных, но очень недовольных присутствием десантников на своей земле, лиц. Те оторопели. А к ним шустро попрыгав со своих машин воины — штурмовики кинулись.

Раз, кулаком в морду, два ногой в живот, рывком винтовку, на себя, да переднюю подсечку провел, вот и повалил. Быстро, лихо показал свои навыки рукопашного боя десантник супротивнику. Машет захваченной винтовкой: «Готов разоружили!».

А все БМД продолжают вести стрельбу из пулеметов поверх голов, задрав стволы пушек, стрельнули пару раз из орудий, для паники. Всех разоружили, лица поразбивали, повалили, в ряд положили, но на поражение не стреляли, убитых среди неизвестных нет. Дальше! Эх «раззудись рука, развернись плечо»! Пошли обыскивать стоящие невдалеке шатры. Бабы визжат, детишки орут, десантура шмонает. Все найденное оружие и боеприпасы собрали, конфисковали, погрузили. И ручкой на прощанье помахали: «Адью!».

Спокойно вернулся в место постоянной дислокации батальон. Трофейное оружие сдали, благодарность за умелые действия получили, все просто отлично. Кроме оружия и боеприпасов набрали, нахапали и других трофеев, в основном бытовых — магнитофоны, часики, приемники, фонарики так мелочь одна. Их естественно сдавать никто не собирался.

Сутки прошли, как батальон вернулся, а из штаба армии, уже комбригу грозят: от должности отрешить; погоны снять.

«Вы хоть понимаете что наделали? Это же пуштуны! Они утверждают что ваши бандиты их избили и ограбили и теперь войной грозят. Приказываю вам товарищ подполковник до приезда комиссии по рассмотрению этого инцидента, своих мародеров за пределы части не выпускать» — вопит распоряжаясь штабной чин.

Комбриг в трауре, комбат в тоске, командир роты в прострации. И опять всплыл вечный вопрос отечественной жизни и философии: «Кто виноват?» и «Что делать?» Но хоть они люди и с высшим образованием пусть даже и военным, а комбриг и академию успел закончить, но офицеры боевые, решительные, всякий комиссий за свою службу навидались. Первым ответили

на вопрос, «Что делать?». Приказ командиру второй роты: «Выручай Сашка, позарез надо!» и пять жирных баранов мы приволокли в офицерскую столовую. Как их нашли и где взяли лучше не спрашивайте, только одно скажу, потерь в роте не было. Повар грузин помолившись принес баранью жертву богам из штаба армии, и начал мясо невинных жертв мариновать. Новый приказ издает комбриг по офицерскому составу бригады: «Ребята у кого что есть… Выручайте!» От сердца оторвали и с душевной болью, принесли товарищи офицеры заветные бутылочки. А один офицер из четвертого батальона, даже три бутылки армянского коньяка, отдал. Был он армянином, бутылки берег, чтобы достойно отпраздновать рождение сына, но был отличным парнем, хорошим товарищем и поставил общественное благо выше личного. Алтарь великой жертвы войсковому товариществу и взаимовыручке, был до краев наполнен замаринованным мясом и алкоголем.

Комиссия прилетела на двух вертолетах. Из первой винтокрылой машины выдвинулся суровый генерал и старшие офицеры, все в полевой форме, за версту от них несло желанием покарать нечестивцев осквернивших интернациональный долг. Из второго вертолета в окружении офицеров в афганской форме вышел цивильный товарищ, министр по делам национальностей в правительстве Бабрака Кармаля.

Министр, под прикрытием наших БМД, сразу отбыл к губернатору провинции.

А генерал с присными начал творить суд и расправу в палатке командира бригады. Два дня и две ночи заседала комиссия, начали с коньяка потом выпили всю водку, сожрали все мясо, но нашли ответ на трудный почти не разрешимый вопрос: «Кто виноват?». Да никто! Роковое стечение обстоятельств. Мародерство? Да помилуйте! Откуда? Разве наши интернационалисты на это способны? Все разговоры о мародерстве в 56-й бригаде это происки забугорных врагов и злобная клевета. Но мы не поддадимся на их грязные провокации! До браги, хоть и она была припасена, комиссия не опустилась, и отбыла в Кабул в твердой уверенности, что бригада достойно представляет нашу доблестную армию на самом трудном рубеже борьбы с контрреволюционерами и империалистами.

Только отбыла комиссия, как весь личный состав бригады построили. Первым, через переводчика, перед нами выступил министр по делам национальностей, он коротко проинформировал, что конфликт улажен, и что ограбленному племени заплатили за причиненный материальный и моральный

вред в твердой валюте, вежливо попросил больше так не делать, а то этой самой валюты у народно демократической республики маловато.

Вторым держал речь командир бригады. Передать ее не могу, а то меня обвинят сразу: в кровосмешении; скотоложстве; мужеложстве; порнографии; особом цинизме; разврате; подлой клевете на советскую армию и прочее… прочее… Вывод из речи скажу, комбриг настоятельно рекомендовал, больше так не поступать, не подводить его и не позорить его седую голову, а то он сделает так что: кровосмешение; скотоложство; мужеложство; совершенное с особым цинизмом, покажутся нам легким развлечением, по сравнению с тем, на что он способен в гневе. Все конфликт был исчерпан.

В первых числах марта, когда уже начал таять снег, стали проходимыми горные перевалы и тропы, случилось чудо.

Чудом была комиссия из Москвы прямо из Генерального штаба ВС СССР. Каждый кто служил сразу скажет, любая комиссия, это сразу и непреходящая головная боль и траур для всей части. Не ударить в грязь лицом, показать образцовую выучку и воинскую дисциплину, при этом запудрить мозги, втереть очки, накормить и напоить ораву проверяющих, вот что такое комиссия. Но эти проверяющие сильно отличались от остальных неоднократно мною виденных. Приехали они неожиданно, без предварительного за месяц уведомления, и увидели нашу часть, такой, какая она есть. Возглавлял комиссию Большой Генерал, точное звание не знаю, он щеголял в новеньком бушлате без знаков отличия, но было сразу видно, что это очень Большой Генерал, так как вокруг него вьюнами вились генералы помельче. Большой Генерал, маленький сухонький бодренький старичок, со свитой обходили бригаду. Изношенная до предела техника и оружие, дырявые палатки, грязные в оборванном обмундировании солдаты, чуть лучше одетые офицеры, полное отсутствие хотя бы признака бытовых удобств, отвратительное питание. И при всем при этом солдатики не ныли, не жаловались, были в меру веселы и бодры. На начальство не глазели, занимались своими делами, а если кого спрашивали, то спокойно без подобострастия отвечали.

— Да как же вы служите в таких то условиях?

— Нормально, товарищ генерал…..

— А в баню вас часто водят?

— Так у нас ее нет, сами воду греем и в палатках моемся.

— А питание как?

— А вы сами попробуйте, товарищ генерал….

Откушал ложечку супа, генерал, попробовал кашки,

брезгливо посмотрел на компот, понюхал плесневелый хлеб. Посмотрел на оборванного солдата в стоптанных сапогах.

— Нас на фронте в войну и то лучше снабжали! — сделал заключение, и комбригу:

— Вы докладывали в штаб армии о бедственном положении во вверенной вам части?

— Неоднократно, — хмуро отвечает подполковник, и видит подполковник, разгромный «о бардаке в воинской части» приказ, и свое позорное увольнение.

— И что? — поднял брови генерал.

— Вы сами все видите, — мрачно цедит полковник, — добавить мне нечего.

— Вижу, — сухо кивает головой генерал, — Все вижу, а еще я вижу, что даже в таких условиях, часть выполняет поставленные перед ней задачи, а личный состав не превратился в грязную толпу…, а сохранил воинский дух, и дисциплина у вас не показная, а настоящая, такая у нас только на фронте была. Вы подполковник, настоящий командир и офицер. А со снабжением я разберусь.

Комбриг от неожиданности, даже уставную фразу «Служу Советскому Союзу!», не сказал, только покраснел немолодой мужик как красна девица. А Настоящий Генерал дальше пошел, по жилым палаткам, по автопарку, по кухням и складам. Думаете вру? Так я сам этот разговор слышал, а до этого про наше житье бытье рассказывал и Генерала пищей угощал.

Почему я с заглавных букв его звание пишу да Настоящим называю? А сдержал он свое слово. Через неделю после его убытия к нам колонна грузовых машин подошла, а потом через день постоянно машины стали колонами приходить. Все сменили, палатки, кровати, матрасы, постельное белье, обмундирование, все новое привезли. Технику новую пригнали, все стрелковое вооружение поменяли, продовольственное снабжение улучшилось. Полевыми банями и вошебойками снабдили. Модули (сборные домики) стали строить. И такие комиссии бывали.

С марта 1982 года духи из Пакистана поперли, обученные, хорошо вооруженные, а наше дело закрыть тропы и перевалы, не пропустить. Да как закроешь то, на каждую тропу пост не поставишь, а троп в горах не меряно и не считано. Старались, как могли, из операций не вылазили. Только ладонью такие пробоины не заткнешь, а вот руки замочишь.

Замочишь… Вот и мочили мы ручки в своей и чужой крови. Пороха нанюхались до тошноты. Повоевали, под такую…, брали мы духов, и они по нам стреляли. Но сказать, что особенно

тяжелые бои были, не скажешь. И бойцы в нашей роте, бывшие мальчишки, тоже ко всему помаленьку привыкли. Выучились, воевать и выживать, ну и злобы тоже набрались, тоже дело не последнее, без злости трудно воевать. Боевых потерь у меня во взводе не было, а вот желтуха была, от нее не спрячешься, не спасешься. К марту из пятнадцати бойцов, во взводе только восемь осталось. Учеба как таковая уже закончена была, гонять личный состав почти перестали. Дальше кто кем станет, это уже от личных качеств каждого солдата всё зависит, а основам их уже обучили.

Сходили на операцию отдохнули, хозяйственными работами позанимались и опять: вперед в горы, вот и вся служба. После полутора лет войны интуиция у меня обострилась, вот засады и чуял всеми «фибрами души», в головной заставе мой взвод всегда ходил, полагался на мое чутье командир, вот потерь у нас в роте и немного было. Не перли мы на рожон. В бессмысленные и безнадежные бои не ввязывались. Было такое, что и отступали, не драпали, а именно отступали. Постреляем и сваливаем. Судите? Да как хотите. Вот только не всегда есть смысл «стоять насмерть». Да и ради чего? Зато потерь у нас в роте мало было, берегли мы личный состав, пацанов и их матерей берегли. Да и себя тоже, если уж совсем честно, нам до дембеля только пару месяцев оставалось. Обидно было умереть в самом конце службы. Берегли, вот только не всегда получалось…

Возвращались с очередной операции. Тихо и мирно все прошло. В горах постреляли, попугали духов и назад. Небольшой горный кишлак что стоял у нас на пути, мы стороной решили обойти, чтобы не завязнуть на его узких изломанных улочках. Двигаясь походной колонной по тропе в обход, шли с интервалом в два три метра между бойцом. И вот тут то из крайнего двухэтажного дома, по нам из пулемета огонь открыли. Нет на тропе укрытия, мы на тропе как мишени на стрельбище. Двести метров до дома. Первая очередь поверх голов прошла, видать неопытным был пулеметчик — дух. Легли. Счет на секунды пошел. Вот сейчас возьмет дух правильный прицел поведет стволом, нажмет на спусковой крючок и, смертными стонами да воплями раненых закричит вторая рота. Кто меня дернул черт или ангел не знаю, но уж точно не героизм как его в книжках описывают. Вскочил и бегом петляя зигзагами побежал к дому, а пулеметчик на меня огонь перенес, только не может он на упреждение взять, не может угадать в какую сторону рвану, вот и мимо посвистывает смерть, пока мимо, а тут и вовсе звук выстрелов слышу, а посвиста пуль, нет. Смотрю, а от первого взвода к дому Хохол бежит, пригибаясь зигзагом, вот дух на него

огонь и перенес. Сколько секунд прошло, пока я до стены дома добежал, не считал. В мертвое пространство попал, только сердце колотится да воздуха не хватает, и ноги как обмякли. И Хохол добежал, ртом воздух глотает, дышит, не надышится, только грудь ходуном ходит. А дальше все просто, и совсем не страшно, это для его пулемета пространство мертвое, а для наших гранат нет. Закидали мы его гранатами, с двух сторон. Вот он и замолк, навсегда, пулемет весь искореженный, а сам… не стал я его рассматривать, сам жив и, слава Богу. Как есть так и говорю, не было у меня никаких чувств, когда к дому бежал, не было, вот только и выбора тоже не было. Один хрен не спрятаться было на той тропе, лежал бы страхом парализованный, так все равно бы убили. Не убили. Просто повезло мне. Неопытный был пулеметчик — дух, плохой стрелок, вот и остался я в живых, и в роте потерь не было.

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585

Время проведения	**Привлекаемые подразделения**	**Район Боевых действий**	**Примечания автора**
14–25 апреля	**4-й ДШБ**	**Гардез, г. Нарай, Алихейль, Гуль Гундай (марш в р-н Гуль Гундай и обратно)**	**В деблокаде 4 ДШБ участвовали все подразделения 56 — й бригады за исключением 3 ДШБ**

Дорогой сыночек!

Я уже дни считаю, когда ты вернешься. Так по тебе соскучилась. Уже и одежду тебе всю новую купила, на размер больше, чем та которую ты до армии носил. Ты же сильно вырос наверно! Даже поверить не могу, что ты такой большой стал и уже сам солдатами командуешь, ты уж их не обижай, помни у них тоже мамы есть. Я уже и в институт сходила все программы собрала для вступительных экзаменов. Сыночек, ты попроси своих командиров пораньше тебя отпустить, тебе же еще к экзаменам готовится надо. И не забудь взять характеристику. Ты слышишь? Не забудь, а то ты у меня такой рассеянный. А дома у нас все хорошо. Я не болею,

работаю. Мне отпуск обещали дать когда ты вернешься. Возвращайся скорей.

Целую, твоя мама.

28 марта 1982 года приказ N 85 Министра обороны: Уволить в запас призыв весны 1980 года. Дождались! Да пошла ты теперь на х. й военная служба! Мы уже граждане, а не солдаты. Все! С нас хватит. Со всего батальона дембеля собрались отметить этот праздник, перепились водки и браги, в воздух из автоматов и пулеметов стреляли. Салют, вам ребята! Со всех видов стрелкового оружия, салют. Сигнальными ракетами, салют! Мирным огнем разукрашено ночное небо, не смерть, радость несут запущенные к звездам красные трассера. Как же от нашего призыва немного ребят осталось в первом батальоне, всего то человек пятнадцать. Пьяные, счастливые. Для нас все кончено. Осталось только гадать, кто в какую партию на отправку попадет. А пока, можно валяться на койках и мечтать, нас уже не трогают, к службе не припахивают и расцветают в апреле красные маки Афганистана.

— Строится батальон! — доносится крик дежурного по батальону.

— Строится вторая рота! — кричит снаружи палатки дневальный.

Лениво поворачиваюсь на койке с бока на бок и смотрю как выбегают на построение бойцы. Вчера я узнал, что попал в первую партию отправляющуюся в Союз. Почти месяц следуя незыблемой армейской традиции отдаю свое пайковое сливочное масло молодым солдатам: «Вам еще служить, а мы дома вволю пожрем. Кушайте внучки, дедушка угощает». Неделю назад сдал командование взводом вновь прибывшему лейтенанту и меня уже ничего не касается.

— Вставай да вставай же! — толкает меня забежавший в палатку Лёха.

— Чего еще?! — недовольно ворчу я и отталкиваю его руку.

— Всю бригаду комбриг строит… — говорит стоя у моей койки Лёха. Смуглое лицо у него встревоженное.

— Да пошел он к духовой матери! — не вставая с кровати равнодушно отвечаю я, и улыбаясь, — Лёха мы же в первую отправку уходим, скоро в Союз…

— Четвертый батальон духи в кольцо взяли, — кричит мне Лёха и с силой бьет ногой по сетке кровати, — Да вставай же ты! Все наши уже пошли на построение…

Батальон окружили? Такого еще не было. Построена бригада. Все в строю стоят. Только в охранении на позициях оставлены

дежурные посты.

— Четвертый батальон окружен в горах, — лицом стоит комбриг к построенной части, — у них большие потери.

Даже утром в апреле уже жарко, беспощадно жжет горное солнце. Кружится у меня голова, пересохло в глотке, в четвертом у меня полно знакомых ребят, еще в учебке службу вместе начинали. В ротном строю никто не шепчется. Растет у всех напряжение от командира роты; до последнего страдающего поносом солдата из минометного взвода. Напился мерзавец не кипяченной воды вот теперь и поносит. Боже мой какая ерунда в голову лезет, какое мне дело до этого засранца, какое мне вообще до всего этого дело…

— По данным командира батальона, подтвержденным авиаразведкой — сухо продолжает говорить подполковник, — силы противника составляют до полутора тысяч душманов вооруженных легким и тяжелым автоматическим оружием, в том числе и минометами. Если мы не деблокируем батальон, все погибнут.

После короткой паузы подполковник начинает рубить приказами:

— Всех без исключения в строй.

У меня холодеет под сердце. Колоколом грохочут «фибры души»: «Ну вот тебе и звиздец пришел!» Как же обидно, под самый дембель. Смотрю на немолодое загоревшее лицо подполковника и слушаю:

— В ротах и батареях в нарядах оставлять не более двух солдат. В охранении части оставить только дежурные посты. В штабе части остается только караул и знаменный взвод. Всех офицеров штаба распределить по боевым группам. Весь личный состав батарей и вспомогательных частей распределить по ротам в качестве усиления.

Мало, все равно мало. Один батальон, разведрота, батареи, хорошо если хоть шестьсот человек нас наберется. В четвертом батальоне еще триста. Девятьсот. В чужие незнакомые горы на укрепленные позиции духов, в атаку на пулеметы. Они же нас из укрытий всех положат. Набатом бьют «фибры души»: «Убьют тебя, убьют!»

— Командирам рот через тридцать минут доложить о готовности к выступлению. Командование операцией принимаю на себя. И… — подполковник чуть замялся, может слова ободряющее искал, может хотел брякнуть что нибудь этакое патриотичное, не нашел и не брякнул, коротко закончил:

— К бою!

Не хочу я к бою, я домой хочу, мало я навоевался что ли,

пусть другие теперь… В расположении роты молча собираю свое РД: патроны, сухпай, гранаты. Щелкая затвором проверяю механизмы РПКС. Все в порядке. Другие тоже собираются. Вся рота готовится. Их уже учить не надо, сами знают что да как.

— Ты что-то побледнел, — замечает подошедший П*** тихо предлагает, — можешь остаться.

Первый раз при солдатах называю его по имени:

— Хватит Сашка х. ню пороть, — коротко злобно отвечаю я П***.

— Все жить хотят, — как-то неопределенно говорит П*** Он уже переоделся в солдатскую полевую форму, нет звездочек на погонах, нет на панаме офицерской кокарды. Да, все хотят жить.

Тоже мне новость! Вот в том то и дело что все хотят. Мы хотим, солдаты окруженного батальона хотят и верят что не бросят их придут на помощь, даже духи что по ним стреляют тоже надеются, что не их убьют в этом бою.

— Наш батальон десантируют с вертолетов, — помолчав начинает объяснять П*** — ориентировочно за пять километров от места боя.

— Ясно.

— Ты командуешь группой передового дозора, — заканчивает постановку задачи П*** — действуй по обстановке. Главное чтобы они нас раньше времени не обнаружили.

Отбираю себе группу. Какие там на хер добровольцы? По очереди подзываю бойцов: Ты пойдешь! Бледнеет Кузьма; И ты! Опускает глаза Олег; Ты тоже! И прямо в глаза смотрит мне Валерка. Со мной четверо нас. Хватит. Другие тоже жить хотят. Не повезло вам ребята, были вы лучшие солдаты во взводе, вот первыми и пойдете.

Уже сидя на жесткой скамейке в фюзеляже вертолета почувствовал, вроде как и отпустило. От шума винтов от вибрации корпуса машины, летящей к месту выброски, в десантном отсеке ничего не слышно. Закрыв глаза утешаю себя, убьют так убьют да хрен с ним, все одно когда никогда, а помирать придется. Маму конечно жалко, один я у нее, а так вроде как и ничего. Вертолет то вверх то вниз, ныряет, противно сосет под ложечкой. Знаю когда летчик так пилотировать начинает, выполняет машина противозенитный маневр. Лица у всех ребятишек как побледнели, кой кого уже поташнивать стало. Вот так ребята, в десанте служить, это вам не в берете перед девками вые…ться.

— К машине!

Завис вертолет над землей, не глушит пилот двигатель, открыт десантный люк. Бьет в лицо воздушный поток, бешено

свистит разгоняемый лопастями винта воздух.

— К машине! — повторно перекрывая рев двигателя, кричу я, — Пошел!

По одному из люка выпрыгиваем, и сразу от вертолета в цепь разворачиваются группа. Вертолет взмывает в воздух. И тишина. Никто не стреляет, никого не видно, не обнаружили нас пока. Вот и чудненько. При доставке не сбили, при высадке не перестреляли, а уж дальше мы сами. Еще десять минут лежим, перекуриваем, осматриваемся и прикрываем высадку остальных групп. Все в сборе? Все. Пошел!

На двести метров вперед от роты уходит передовая походная застава. Это ж сколько раз я дозором то ходил? Много, почти на каждой операции. Ничего пока живой. Слушай горы солдат, смотри вперед и по сторонам, под ноги глянуть не забудь и слушай, слушай «фибры» своей души, может и обойдется все. Виляет узкая горная тропа, что там за поворотом? Да хрен его знает! Идешь? Вот и иди, что будет то и будет.

— Ну чего тебе? — не оборачиваясь на ходу спрашиваю веснушчатого Валерку. Он чуть поодаль со мной в паре идет. Чувствую, что давно хочет что-то спросить.

— А ты вправду духов чуешь? — ускорив шаг и подходя ближе нерешительно спрашивает Валерка.

— Правда, — утешаю его. Пусть верит, ему так легче будет впереди идти. Обернувшись глянул на его красное все мокрое от пота лицо и замогильным голосом тихонько провыл:

— Еще чую, что тебе твоя девонька со студентом изменила, а когда ты живой вернешься, то на другой женишься.

— Это кто же тебя сказал? — от удивления разинув рот спрашивает Валерка и спотыкнувшись о камень короткой очередью выплевывает матерное ругательство.

— Духи гор, — подвывая говорю я и не выдержав тихонько смеюсь и посмеиваясь всё веду наблюдение. Что-то мне не нравится, вот та гряда не нравится, и шепчут «фибры души»: Будь осторожнее.

— Какие еще духи?!

— А вот те, что за теми горками прячутся, — уже без улыбки шепчу и командую, — Ложись!

Ползком в укрытие. За кучу камней и голову не выставлять. Лучше смотри, не мелькнет ли кто, нет ли дымка, не блеснет ли на солнце чужая оптика. А горная гряда в пятистах метрах от нас и в самом деле подозрительная, тропка через нее идет, очень, очень удобное место для засады. Пригнувшись подбежала вторая пара дозора. Олег с Кузьмой. И тоже укрываются за камнями. Кузьма все никак к климату здешнему не привыкнет, все потеет и

потеет, дышит тяжело. С Архангельска парень, жару плохо переносит. Тихо то как, только издалека где ждет нашей помощи четвертый батальон, слышен приглушенный рокот дальнего боя.

— Очень даже может быть, — разглядывая гряду в бинокль, согласился П***.

Рота рассредоточилась за последним поворотом, их с гряды не увидишь, а П*** к нам подполз. Недалеко от меня залег. Стоптанные ботинки, измазанная в пыли выцветшая форма, сбился ремень с подсумком, красно-бурое от горного загара лицо, щурит глаза П*** на ярком солнце.

— Кинуть туда пару мин, — предлагаю я, — посмотрим за реакцией, если ответят то из минометов их расстреляем, если нет то повзводно туда перейдем.

— Первыми откроем огонь, себя обнаружим, — негромко отказывается П***, и после секундной паузы тихо говорит:

— Пусть думают, что на них дураки необстрелянные нарвались. Один взвод в открытую прямо через горы пошлем на гряду подниматься. Остальные в том числе минометы и АГСы их прикрывать будут, по обнаруженным огневым точкам легче огонь вести, накроем их и под огневым валом прорвемся.

— И кто первыми пойдет?

Кому задыхаясь карабкаться наверх по склону, кто примет огонь на себя, кого ты пошлешь ротный? Кому первыми сегодня умирать?

— Нам придан взвод из противотанковой батареи, их отправим, — с расстановкой цедит слова П***, отворачивается и снова смотрит на впереди стоящие горы. Есть там засада, нет ли там засады, бессмысленно рисковать не стоит.

— Так они же первый раз в горах! — слегка недоумеваю я, — Они же раньше только в охранении стояли. Их же как курей перестреляют.

— Ты что совсем дурак? — со злобой, не поворачиваясь в мою сторону, вполголоса отвечает П***.

Нет, я все понял, тебе же нас жалко. Сколько мы уже вместе служим? С первого дня как прибыли. Долго уже, а один день в Афгане за три считается. Пусть гибнут другие. Чем они лучше нас? Кому-то же надо идти первыми. А кому и когда идти, здесь решаешь ты командир второй роты старший лейтенант П***.

Вот и карабкается в гору приданный взвод, я там уже никого не знаю, они всегда только в охранении стояли, особняком жили. Нет у духов танков, вот раньше и не посылали их на боевые операции. И опыта у них нет, а вот приказ есть. Тяжело идут в гору, сноровки им не хватает, еле поднимаются. Страшно вам ребята?

Рассредоточилась по огневым позициям рота. Поставлен прицел у минометов, у АГСов, у пулеметов, у автоматов. В укрытиях мы ждем, когда начнут расстреливать, убивать приданный нашей роте взвод, готово к бою оружие, готовы мы закрыть их огнем и пойти на прорыв. И то утихая то усиливает горное это, грохот далекого боя. Боя в котором умирает четвертый батальон. Вот только не вороны над ним кружат, вертолеты. Очертили вертушки вокруг израненного батальона огненные кольцо, одна пара отстрелялась ракетами, ей на смену вторая уже летит. Вот только поэтому еще и держатся ребята.

Не выдержали нервы у духов на гряде, что заслоном на нашем пути стояли. Загрохотал пулемет, вниз по карабкающимся солдатам открыл огонь пулеметчик, винтовки резко часто и гулко захлопали, автоматы застрекотали.

Одни из наших упал, второй… и залегли ребята, под камнями хотят спрятаться. Без толку это, по вам же сверху бью, нет у вас укрытия.

И тут же по обнаруженным огневым точкам противника со всех стволов открыла стрельбу наша рота. Захлопали выталкивая мины минометы, забились дрожью АГСы очередями как веером бросая гранаты, безостановочно опустошая один магазин за другим забили автоматы. ПКМы опустошают ленту за ленту, только и успевают вторые номера расчетов менять раскаленные стволы и коробки с патронами. А лучшие ротные стрелки, расчетливо выбирая цели бьют по обнаруженным позициям противника беспощадным прицельно-снайперским огнем. Огонь! Огонь! Огонь! Не жалеть патронов. Ничего не жалеть и не кого. Огонь! Огонь! Огонь! Готовится к броску по тропе первый взвод. Мельком вижу напряженное злое лицо Хохла и бледно решительное лицо взводного лейтенанта к ним подползают бойцы двух боевых групп первого взвода. Им рывком не ложась вперед бежать, использовать момент растерянности, проскочить простреливаемый район, сбить противника с рубежа, закрепится. И прикрытые ими тут же остальные группы побегут. Сбить, сбить духов с рубежа, выбить их с укреплений, не дать им добить уже замерших между камнями растерянных ребят. Какие тут команды?! Каждый знает сам что делать! Огонь вторая рота! Не снижать темп стрельбы, огневым шквалом своих закрыть, не давать поднять духам головы. Пошел вперед первый взвод!

Ловлю в прицеле мелькнувшую на чужом рубеже голову, очередь. Крошат камни пули, прячется дух не хочет высовываться, боится под пули башку подставлять. Это правильно, бойся, а еще лучше беги отсюда пока не поздно, потому как мы все равно вперед пойдем… Следующий, а вот этот не боится ишь азартный

какой, автоматик выставил вниз пуляет, и не заметил как из укрытия своего высунулся. Очередь! Готов. Следующий… Три магазина я короткими очередями из РПКСа расстрелял, пока пробегал свою дистанцию первый взвод. А вот и наша очередь.

— Встать! — поднимаясь ору я и приказываю, — за мной бегом марш!

И не оглядываясь бегом по тропе. Не свистят пули, теперь нас прикрывает огнем первый взвод, не до нас духам, некогда им по нам стрелять. Не хватает воздуха в легких, широко раскрыт рот, заплетаются ноги, летят из-под подошв стоптанных сапог мелкие камушки. Бегом! Не так то это и много пятьсот метров пробежать, особенно если по тебе не стреляют. Вот и добежал, валюсь на землю хрипло дышу и слышу:

— Ушли суки! — возбужденно кричит мне лежащий рядом летеха первого взвода, — мы в преследование! Сашке доложишь!

Одним за другим подбегают, падают и сразу в разные стороны в цепь расползаются бойцы с моего взвода. Молодцы ребятишки! Уже кричать и учить не надо, сами все знают.

— Хохол! — одышливо окликаю товарища, — Ты жив?

— Жив! — кричит от своего укрытия Хохол. Вон он где, в ста метрах от меня, за обломком горы.

— Пока без потерь, — уже намного спокойнее говорит летеха, — как мы сюда ворвались, так духи сразу с позиций свалили. Догнать их надо…

Все правильно лейтенант, вот теперь как раз и надо преследовать отходящего противника. Не дать им закрепится на следующей высоте, гнать их гнать… иначе опять нам идти в атаку, без прикрытия, вверх в гору в лоб на пулеметы. Авиация не поможет, вертушки над окруженным батальоном кружат, им не до нас.

Снарядив патронами пустые магазины автоматов и пулеметов, наскоро перекурив и попив водички, уходят вдогон отступающим духам ребята. Быстро идут, никто не отстает. А я остаюсь и мои солдаты остаются. Вот сейчас вся рота подтянется тогда и мы пойдем. Вперед, а пока мы тоже быстро и сноровисто снаряжаем патронами расстрелянные магазины и курим.

— Первый взвод уже ушел, — докладываю я. Рядом стоит П*** и вытирает ладонью пот с лица. На лбу и на щеках у него грязные разводы от мокрой от пота пыли. Уже вся рота на бывших позициях духов собралась, а быстро мы их сбили, всего то двадцать — двадцать пять минут прошло с момента открытия огня.

— У нас двое убитых один раненый, — помолчав говорит П***, спрашивает:

— У духов потери есть? Видел кого?

— Есть, только небольшие, — отвечаю, а сам смотрю как тащат на плащ- накидках убитых противотанкистов, — Небольшие потери, — хмуро повторяю, — иначе они их бы вынести не успели, а так, — показываю рукой в сторону огневых точек, — только пятна крови.

— Судя по вспышкам и интенсивности стрельбы их человек тридцать было, — резюмирует П*** и командует:

— Подъем! — и мне, — Бери ребят и вперед…

— Товарищ старший лейтенант, — подходит и обращается к ротному вновь назначенный командир третьего взвода, — разрешите мне свой взвод повести.

Хороший он пацан, не выделывается, старательный такой, вот только неделю назад как к нам прибыл. Куда ты так торопишься лейтенант С***? На твой срок этого дерьма, этой войны за глаза хватит.

— Санек! — укоризненно и строго обращается П*** к своему тезке лейтенанту, — ты мой заместитель, если меня убьют, ты командование ротой примешь, а взвод пусть сержант ведет.

Гордо так напыжился С*** доволен оказанным доверием. Полевая форма у него новенькая не обтертая, на офицерском ремне кобура с пистолетом, на плече автомат, грудь закрыта бронежилетом. Дышит только тяжело. Да кобуру постоянно поправляет, видать она ему бедро растерла. А ведь я тебе советовал С*** не бери пистолет, он тут не нужен и бронежилет только лишняя тяжесть, от пули или осколка он не спасет. Не послушался, вот и страдай теперь.

— С телами что делать, раненого куда эвакуировать? — понизив голос спрашивает С***.

Раненый может не выдержать переноски, вынос убитых сильно затормозит наше движение. Не выдержит… затормозит… так ведь не бросишь же их тут в горах.

— Славке скажи пусть остается со своими, — распоряжается П*** — круговую оборону пусть займет и ждет приказа.

С*** уходит к командиру взвода противотанкистов, тот сидит рядом с раненым. Поодаль в тени от скалы лежат два завернутых тела. А пацан все постанывает, ему грудь прострелили. Рядом весь его взвод сгрудился. Первый это у них бой. Не привыкли еще.

А мы уходим. Вдогон духам. В ста метрах впереди первый взвод, теперь они ГПЗ. Духи боя не принимают, не пытаются нас задержать и мы прем вперед. Вот за теми горами дорога, на ней укрывшись за машинами отстреливаются наши ребята, еще чуть — чуть нам идти, километра полтора только до них осталось. Шире шаг! Не отставать, соблюдать дистанцию…

В ГПЗ все бойцы разом легли и стали расползаться: вправо; влево. Только один прежде чем лечь быстро сделал отмашку рукой: «Внимание! Вижу противника» Не стреляют. Мы духов видим, они нас нет. Вся рота залегла. Минометчики и АГСники выбирают места для позиций и устанавливают свои стволы, остальные пригнувшись перебежками по одному вперед. Третий взвод влево, второй взвод вправо. Не добегая до левофлангового бойца ГПЗ лечь и дальше по пластунски. Жмешься к земле и ползешь, рвут острые мелкие камни форму, а мне уже наплевать, мне ее в любом случае не долго осталось носить.

Вот они! Около сотни их будет. На вершине соседней горы спиной к нам с десяток духов с винтовками, вниз постреливают. В межгорной долине расположились два миномета, расчеты мины подносят, скользнула мина в ствол миномета через секунду резкий хлопок и полетела мина. Еще через несколько секунд доносится взрыв. Бьют по нашим навесным огнем. Остальные отдыхают. Сидят, лежат, бродят, наверно пьют из котелков, жуют лепешки, курят, болтают. Хотя кто его знает, отсюда ясно не видно. А вот то что перерыв устроили, а охранение не выставили, это точно. Как всегда. У них с этим делом всегда не важно было. Смотрят перед собой, за тылом и флангами не следят. Или все-таки следят?

Расстояние между нами метров восемьсот, из стрелкового оружия огонь малоэффективен, у мин разброс большой, АГС на пределе стрелять будет, особого толка от такой стрельбы нет.

А значит… а значит ползком на рубеж открытия действенного огня. Ползком триста метров. Ползти и молится, чтобы не засекли наблюдатели. Хотя молится это так для «красного» словца. Когда ползешь не молишься, некогда, тяжелое это дело передвигаться по пластунски. Мысли когда ползешь, все конкретные: «вот до того камушка доползти… колючий кустарник миновать… о камни не порезаться не побиться… чуток отдохнуть как замереть, вслушаться и опять ползти».

Значит ползти? Или нет? ладно пока подождем, прикажут змейками прошуршим вперед, а ведь прикажут, другого выхода то нет…

— Тебя ротный зовет! — подполз и передал приказание маленький смуглый боец из первого взвода, — Он у нас, — и рукой показал где.

— Давай за мной, — тихонько говорю я бойцу. Как его? Дудырь вроде?

Пока ящеркой полз все не вслух матерился: «как при царе Горохе под такую…, все приказы связными передаем, на полевых малого радиуса действия рациях аккумуляторы сели, а новых нет.

Идиотизм! Ползи тут теперь, а если заметят? Наш же враз разъ… бут!»

В маленькой ложбинке за десять метров от позиции первого взвода все офицеры собрались и два сержанта: я и Лёха. Присели.

— Твой взвод, — обращается П*** к командиру первого взвода, — уходит, делает за горой круг и в засаду с правого фланга. Отсюда видно, что там еще одна тропа и если через нее пойдут духи на прорыв ты их встретишь.

— Ты, — приказывает он командиру четвертого взвода, — после первого выстрела открываешь и ведешь беглый огонь из минометов, по долине, АГСника туда же прикажешь стрелять. Сам знаю! — не давая возразить лейтенанту резко говорит П***, - что результат будет почти нулевой, хоть панику посеешь и то хорошо.

— Лёха! — поворачивается П*** в сторону командира отделения ПКМ, — на тебе те духи что на вершине засели, все четыре пулемета твоего отделения пусть только по ним бьют. И чтобы они головы не подняли.

— Ты, — смотрит на меня П*** — ведешь стрельбу только по минометным расчетам, огнем минометы блокируешь и что бы никто к этим трубам близко не подошел, если повезет то может в мину попадешь и она рванет.

— Второй взвод отстреливает остальных, — закончил постановку задачи П*** — Вопросы?

— Так мы их не выбьем, — доставая сигареты категорично возражаю я и смотрю как недовольно морщится П***, - они за камнями попрячутся, и будут отстреливаться. Вот и будем друг в друга до темноты пулять.

— Ты кто? — с сарказмом спрашивает П*** — может фельдмаршал? Али генерал? — и резко повышая голос, — Х. ля ты меня учишь!? Думаешь я сам не знаю? Может ты предположишь: «В атаку вперед!» Побить то мы их побьем, а сколько ребят положим?! За камнями попрячутся, — едко передразнивая меня хлещет словами П***, - вот и пусть прячутся. Во — первых по дороге они стрелять больше не смогут. Во-вторых мы на них вертолеты наведем. Третье, по дороге через час или два подойдет батарея «Градов», укажем им точные координаты, сами чуть отойдем, они дадут залп, так тут даже камни оплавятся.

Все так и вышло. Открыв огонь по распределенным целям, мы связали духов. По окруженному батальону никто из них больше не стрелял. Наш огонь был мало эффективен. Зато ведь и они по нам точно попасть не могли. Во взрыватель мины я конечно не попал, зато к своим минометам никто из духов больше не сунулся. Они по камням расползлись и отстреливались, мы за

своими камнями сидели и постреливали. Обычная перестрелка, это для нас. А вот для них… через полчаса перестрелки по рации П*** навёл на них звено вертолетов, трассерами и сигнальными ракетами мы указали пилотам цели. На духовских позициях от взрывов НУРСов месиво камней и осколков. После налета вертушек прекратился оттуда огонь. А мы все равно не встаем. От дороги что за горой уже не слышен гул боя. Не одна наша рота, дошла. Остальные выдвигаясь своими маршрутами тоже сбили духов с их рубежей.

— Отходим! — слышу крик от позиций второго взвода, где сейчас находится П*** со связистом, и голосом по цепи передается приказ: «Отходим… Отходим…»

— Уходим! — повторяю я команду своим бойцам.

Быстро отступаем еще метров пятьсот назад, на исходный рубеж. Перебежками передвигаемся, как говорится: «береженого Бог бережет». Сейчас «Грады» начтут бить. Часто так бывало, что реактивные снаряды в полете меняли траекторию и били по своим. Лучше подальше отойти. А то как саданут…

За уклоном горы все собираются, повзводно, по группам, переговариваются, рассаживаются, закуривают, пьют воду, кто-то уже и сухари грызет. Только наши посты наблюдения бдят. А так… то почти закончен бой.

Перекличка. Все налицо.

— Слушай Саша! — подхожу к П*** — а сейчас то зачем «Градами» бить?

Рядом с П*** стоит связист и передает по рации координаты и видимые ориентиры командиру батареи реактивных систем залпового огня.

— Пусть потренируются, — подмигивая и улыбаясь отвечает довольный офицер, — может и орденок кто заработает. Для карьеры офицера орден большое дело.

Залп! Горы как содрогнулись, взрывная волна аж до нас докатилась. Реактивные снаряды ударили по указанной площади. Даже у нас с гор посыпались мелкие камушки, ну и удар. Еще залп и опять дрогнули горы.

— Передай полное накрытие, и достаточно, — приказывает П*** связисту, тот начинает бубнить в микрофон.

— Бери своих ребят и проверь, что там, — приказывает мне П*** и тут же отменяет приказ, — Нет! Ты тут стой. Лейтенант С***! — зовет П*** своего временного заместителя.

Тот подбегает. Оживленный радостный. Такой бой, такой бой! Потерь почти нет, духи перебиты, окруженный батальон деблокирован. Все почти как на показательных учениях. Грамотное взаимодействие родов войск. Десант, авиация,

артиллерия. Комбинированные удары, умелое командование и противник уничтожен. Вот только тут потери не условные, живые люди с обоих сторон убиты. Не хера тут радоваться товарищ лейтенант. Я отворачиваюсь. Чего-то меня на сантименты потянуло, сам же рад, что я жив, а они убиты. Чего ж ты других за то же осуждаешь?

— Бери свой третий взвод и проверь не осталось ли живых духов, на их позициях, — приказывает П*** лейтенанту.

А я услышав «свой третий взвод» вздрагиваю, потом одергиваюсь, уже не мой взвод, да уже не мой. Немного жаль, привык я к ним, хорошие у меня ребята.

— Потом выйдешь на господствующую высоту и просигналишь ракетами, — продолжает приказывать П***, - если все нормально то мы за тобой двинем.

— А если там есть живые? — пытается уточнить С***, - если там раненые, с ними что делать?

— Поступайте по обстоятельствам, — переходя на холодно служебное «вы» отрубает П***.

— Можешь их в жопу поцеловать, — подходя зло смеется командир первого взвода, он чуть подольше служит и уже знает, что это означает: «поступайте по обстоятельствам».

Скидываю свой РД, сажусь в тень, приваливаюсь к большому бурому камню и закрываю глаза. Интересно, а вот дома, я все это забуду? Или начну сказки про войну рассказывать. Типа какие мы лихие да благородные, и какие они плохие. А если я все это расскажу в том числе и что означает «поступайте по обстоятельствам» то что про нас скажут? Да пусть что хотят то и говорят, на войне нет правых и виноватых, все кто воевал все в дерьме измазаны, кто-то больше кто-то меньше. Есть на войне безгрешные? Да есть! Только их раньше всех на небеса забирают, нет им места на той земле где люди убивают друг друга, на той земле где идет война.

— Хватит спать, — бесцеремонно расталкивает меня Лёха, — давай лучше курнем, я уже и косяк забил.

Он рядом со мной присел, усталый, потный, грязный, мой друг.

— Ты же знаешь, я это не люблю, — отказываюсь я.

— В Союзе такой дури не найдешь, — смеется Лёха, в руках у него заряженная джарсом сигарета, — давай курни за компанию, ну в последний раз.

— Хрен с тобой.

Пряно острый запах джарса. Еще пара минут и он начнет действовать. Еще пара минут и мне все будет смешно, начнет сохнуть горло, невыносимо захочется жрать и только где там в

глубине моей души будет клубиться и расти печаль. Вот он кайф афганской войны: одурелый хохот; жажда, голод и затаенная грусть.

На запах косяка подходят: Хохол, первый ЗКВ; Владик, второй ЗКВ; Мишка, четвертый ЗКВ; Жорик, командир отделения АГС. Шестеро нас дембелей, для шестерых это последний бой в Афганистане. Кружком сели и еще один косяк забили. Недовольно глянув в нашу сторону, подальше, чтобы не доносился до него запах, отошел П***, следуя его примеру не один из офицеров не подошел, не стал доеб…тся: «А что вы это себе позволяете?»

— А Сашка молодец, — втянув в легкие дымок афганской дури говорит Хохол, — Заметили ребята? Никого из нас в лоб не послал.

— И потерь в роте нет, — приняв от Хохла косяк заметил Владик.

— У противотанкистов есть, — глухо возражаю я.

— Ну… — тянет Мишка, — это же не наши…

— А чьи же?

По первому кругу прошел косяк, каждый по затяжке сделал, и еще осталось. Вопрос: «чьи же?» все дружно проигнорировали. Да и такое деление было: свои да не наши. По второму кругу косяк пустили.

— Быть П*** маршалом! — уже хохочет Жорик.

— А чё?! Отлично! — радуется Хохол, — у нас сыновья к тому времени подрастут к нему служить отправим.

— Пусть на складах их пристроит! — регочет Владик, — самая служба, и не х. й им в строю делать.

— Или пусть маршальских бл. дей на машинах возят, — размечтался Лёха.

Еще не ставший маршалом П*** отошел еще дальше, чтобы и хохота нашего визгливого не слышать.

— А ты чего молчишь? — толкает меня Хохол.

— Во-первых П*** маршалом не быть, а во- вторых я лучше дочку заделаю, — улыбаюсь я и заливисто с повизгиванием хохочу. Все пошла туманить мозги наркота.

— Это почему П*** маршалом не быть? — обижается за ротного Владик, — он чё по твоему х…вый командир?

— Что бы маршалом стать надо жопы выучится лизать, а П*** воевать умеет, а вот лизать нет. Он до генерала и то хрен дотянет, небось полковником его на пенсию выпихнут.

— Да?! — вскакивает Хохол, — а вот х. й тогда этой армии, а не наших детей!

— Тебя не спросят, заберут и все, — вяло отмахивается

Мишка, — сядь лучше, а то шальной снайпер еще яйца тебе отстрелит.

Красная ракета, зеленая ракета, сигнал: «в зоне видимости противник не обнаружен, путь свободен».

Строится рота и вперед, опять вперед, для нас последний раз вперед. Вперед по извилистой тропе, в колонну по одному. И держать, держать в полной готовности оружие. Хочешь жить? Не расслабляйся! Ударит по тебе могут всегда и будь готов ответить. Проходим долину, все камни перевернуты и выщерблены крупными осколками, некоторые частично оплавлены, на тела убитых духов не смотрю, насмотрелся за полтора года, с меня хватит. Вверх поднимаемся. Я иду с отделением ПКМ. На ремнях первые номера тащат пулеметы. Масса ПКМ со снаряженной на 200 патронов лентой пятнадцать с половиной килограммов, длина 1173 мм. Тяжелая штука, особливо когда в горах ее тащишь, зато эффективная. У ствола ПКМ четыре нареза. Начальная скорость пули 825 м/с. Режим огня непрерывный. Темп стрельбы 650 выстрелов в минуту. Прицельная дальность 1500 м. Надежное оружие. Вторые номера несут коробки с лентами и сменные стволы. Бодро ребята после отдыха идут, переговариваются. Я рядом с Лёхой иду, он впереди я сзади. Свою «бандуру» ПКМ Лёха второму номеру отдал, сам АКСушку взял.

— Думал всё, убьют меня сегодня, — смущенно улыбаясь тихо жалуюсь я Лёхе, — когда собирались так мандраж и бил.

— Я тоже чуть не облевался пока на вертолете летели, — с хохотом признается, оборачиваясь в мою сторону, Лёха. Темные узкие глаза у него блестят, смуглое лицо лоснится от пота.

— Вроде обошлось.

— Ну браток, не говори «гоп», — опять засмеялся Лёха намеренно утрируя украинский говор и узбекский акцент.

— Ты куда смотришь б…ть! — отвернувшись Лёха так заорал, что я аж вздрогнул, — Ты сука стволом пулемета камни задеваешь. А ну подтяни ремень и ствол оружия всегда вверх должен смотреть. Урод!

Идущий впереди Лёхи солдат второй номер расчета, быстро поменял положение оружия.

— Да ладно тебе Лёха, — ничуть не убоявшись крика рассмеялся он, — задумался я.

— Сынок, — с фальшивой лаской говорю я парню, — это нам задумываться уже позволительно, а ты об оружии думать должен.

Выходим на вершину, вон там внизу на дороге разбитые машины, чадящие подбитые БМДэшки, уже не боясь бегают между ними солдаты. С обоих сторон окружают как сдавливают узкую дорогу горы. Вот только уже не слышно стрельбы закончен бой.

Теперь вниз, а там по машинам и домой.

— А у нас дома горы тише, красивее, спокойнее, — осматриваясь и легонько вздыхая говорит Лёха.

— А у меня дома вообще гор нет, — хохочу я, — век бы их проклятущих не видеть.

— Ничего ты не пони… — и недоговорив падает навзничь Лёха и я рядом падаю. Дальним эхом доносится хлопок выстрела.

Убил тебя Лёха снайпер, пуля в левый глаз попала, а правый так открытым и остался, ты даже рот закрыть не успел. И оба мы не услышали выстрел.

— Лёха! — рвется к нему второй номер.

— Лежать! — кричу я и прячусь от снайпера за Лешкино тело.

— Ловить его суку будем, — кричу я бойцу, — ты из ПКМ бьешь. Очередь. Пауза. Очередь. И так пока лента не кончится. Он тебя высматривать и выстреливать будет. Вот тут я его и поймаю. Понял?

Очередь! По противоположенной горе бьет второй номер Лешкиного расчета, трясется его пулемет. Прочесывают пули все камушки все подозрительные места где мог засесть снайпер. Я лежа установив на сошках свой РПКС не моргая до рези в глазах смотрю на гору. Дрянь дело. Расстояние по прямой около семисот — восемьсот метров. Много для прицельного выстрела из РПКС, достаточно для винтовки с хорошей оптикой. Очередь. Режут пули с ПКМа горный кустарник, крошат и раскидывают камни. Одна надежда. Что не выдержит снайпер или стрелять начнет, или со своей позиции попытается уйти. Еще очередь и еще. Уже с четырех пулеметов чешут гору ребята из Лешкиного отделения ПМК. Подползли ребята и включились в охоту за снайпером. А на горе нет ничего, нет никакого движения. Затаился дух. Не поймать его. Не хочет он в огненную дуэль сыграть. Не будет стрелять. От дороги вверх на горку цепью пошли солдаты. Немного человек десять. Не наши, то есть не с нашей роты, видать с четвертого батальона ребята. Ясно, будут местность осматривать. Искать снайпера. Тут ему уж не вывернутся. Начнет стрелять или передвигаться, обнаружит себя. Будет тишком отлеживаться, найдут его. Против десяти автоматических стволов ему с винтовкой не выстоять. Не выдержал дух, решил рискнуть, хотел уйти, пусть хоть и под огнем, но уйти. Мелькнул, и за камень, опять мелькнул. Снова чуть показался и… задержав дыхание плавно тяну я курок своего РПКСа. Короткая на три патрона очередь. Есть! Попал! Дернулся он. Зацепил я его. Хочет он отползти, медленно двигается, очень медленно. Еще одна очередь. Ну вот теперь он дернулся и затих. Как его тело пули из четырех пулеметов разорвали, уже не стал смотреть. 7,62 мм

калибр ПКМа, когда очередь из него в тело попадает так она плоть на куски рвет.

Достаю бинт смачиваю марлю водой из фляжки и вытираю удивленное Лешкино лицо. Немного крови из него вышло, пуля в мозг попала и на вылет прошла. Закрываю правый глаз. Забинтовываю ему лицо, отвязываю от РД плащ- накидку и завертываю его. И… ничего не чувствую, не сожаление не огорчения и слез у меня нет. Только пустота. А ведь мы вместе домой собирались.

Еще одну плащ-накидку подает второй номер Лешкиного расчета, хотя теперь уже первый, эту накидку как носилки используем. Взяли за края, ну понесли.

А ты Лёха и не тяжелый совсем, не трудно тебя нести, неудобно только. Как же неудобно, ведь мы ж с тобой дружили. Другие ребята они так… сослуживцы, товарищи, приятели, а вот дружил я только с тобой.

— Убит? — спрашивает незнакомый высокий капитан кивая на Лёху, когда мы спустились вниз к машинам четвертого батальона, и не дожидаясь ответа распоряжается:

— Давай его к остальным, вот туда, — показывает рукой в сторону грузовой машины из подошедшей автороты.

Несем к машине и закидываем Лёху в кузов. Там в ряд лежат закутанные в солдатские саваны тела убитых. Пахнет в кузове прокисшей и свежей кровью, да мертвечиной. На солнце в жару трупы быстро разлагаются, бой уже двое суток идет, вот только закончился. Те что уже пахнут, это первые кого убили. С ними ты Лёха на дембель поедешь, не со мной. Прощай Алишер О*** — Лёха! Пока помнят тебя живые и ты жив, а я тебя помню.

— Помоги, а? — просит окликая меня знакомый военврач.

Я его у машины встретил когда к своей роте уже возвращаться. Лешкин второй номер, мой спутник к своим раньше убежал, а я бреду еле переставляя ноги и загребая сапогами дорожную пыль. Наша рота вся с гор спустилась вниз. Только на господствующих вершинах выставлены дежурные посты, мало ли чего. Когда основная колонна уйдет, их снимут с позиции и посадят на БМД арьергарда.

— Чего надо? — без интереса спрашиваю врача. Мне все так безразлично и противно, что только одно выражение осталось: «мне все по х. й». И к роте возвращаться не охота, ничего не охота, даже домой. Ушел бы куда подальше лег на землю и смотрел бы в синее небо. Как же все за…ло!

— Ребят из БМДэшки вытащить надо, — просительно говорит военврач, худое красное плохо выбритое лицо и спиртным от него тянет. Клюкнул уже.

— А я то тут причем? — равнодушно отказываюсь я, — пусть твой фельдшер лезет, или санинструктор с роты.

— Не могут они, — удерживает меня за рукав выцветшего и рваного х/б военврач, — пробовали, облевались и вылезли. Сгорели ребята в БМД, — тихонько добавляет он, и обещает, — я тебе медицинского коньяка налью и потом полную фляжку дам, я еще…

— Медицинский коньяк? — вяло спрашиваю, — это чего еще? Спирт что ли?

— На попробуй, — сует мне флягу врач.

Отвинчиваю колпачек фляжки, мелким глотком пробую жидкость. Отчетливый привкус настоянного на спирту лекарства. Вкус незнакомый, резкий, но не противный. Огнем жжет пищевод.

— Препарат поддерживающий работу сердечной мышцы, — комментирует мое удивление военврач, — капли «Настойка Боярышника». Его хирурги настоящему коньку предпочитают, — едва заметно улыбаясь краешком тонких губ, откровенничает:

— Помнишь в марте проверка с Генштаба была? Ну там еще генерал такой важный был? Он приказал все заявки по бригаде в полном объеме выполнить. Вот мы «Боярышник» пять тысяч единиц, емкостью сто миллилитров единица в заявку кроме всего прочего и включили. На армейских складах после генеральского приказа и пикнуть никто не посмел, все выдали. Вот теперь разбавляем чуток и пьем медицинский коньячок потихоньку. Цени, все врачебные тайны тебе выдаю. Ну как согласен?

— Еще две фляги, — апатично начинаю торговаться я. Хоть Лёшку как приедем помянем, бойцов с его отделения обязательно позову. Я же знаю они его уважали.

— Идет, — легко соглашается военврач, и отводя взгляд советует, — а эту флягу ты пока идем допей, а то хрен чего сделаешь.

Вдвоем идем мимо готовящегося к маршу четвертого батальона. Где-то на километр вытянулась по грунтовой дороге колонна. Отхлебываю из фляжки, рассматриваю побитые машины возле которых суетится грязная усталая солдатня. Бортовая броня у БМДэшек вся в пробоинах. Паршивая броня, не сталь, а сплав какой то. Крупнокалиберная пуля из ДШК такую броню как консервную жестянку насквозь пробивает. Мина даже противопехотная у этой машины гусеницы рвет, а когда противотанковая взрывается то БМД аж подкидывает, днище в клочья, а экипаж в вечную память. Да братцы из десантно — штурмовых батальонов, ну и хреновая же у вас служба. И не зря БМД братской могилой десанта зовут. Пока иду мимо избитых этим боем десантных машин продолжаю мелкими глоточками

пить сердечное лекарство, легчает, плывет голова, немеют губы. Вот и пришли. В голову колонны, к тем машинам, что впереди четвертого батальона в ГПЗ шли.

Покореженная почерневшая машина, распущены гусеницы. Мертвая машина и духом смертным от нее так и несет. От нее поодаль метрах в пяти еще две машины. Тоже побитые все, но хоть живые. Экипажи как могут их лечат. Копошатся солдаты в БМДэшках и в нашу сторону поглядывают.

— Экипаж там, — шепотом говорит военврач и кивает в сторону мертвой БМД.

— Люки при взрыве заклинило, вот и сгорели ребята, — устало и без эмоций добавляет стоящий рядом с машиной высокий весь перемазанный черным машинным маслом механик.

— Ты полезешь? — угрюмо спрашивает подошедший офицер. У него грязная полу ободранная полевая форма, обтрепанные ботинки, и мрачное со следами отработанного горючего и масла лицо.

— Их первыми подбили, — отрывочно говорит он, — долбанули из гранатомета и п…ц, снаряды детонировали, всех в куски. Хорошо еще десант на броне был, а не в отсеке. Солдат с брони взрывной волной сдуло. Побились и поломались, а так живы. Потом духи по концевым машинам долбанули. Подбили. Вот и заперли нас. Не взад не вперед двинуть нельзя. А с гор бьют безостановочно. С пулеметов садили и с минометов. Хрен прорвешься.

Допиваю оставшуюся во фляге жидкость. Сильнее жжет все внутренности, да крепок медицинский коньячок. Да ребята всем в этом бою досталось. Стараясь не шататься иду к машине, рядом с размотавшейся гусеницей уже расстелены плащ- накидки, рядом военврач семенит.

— Ты подавай, я приму, — говорит он, просит, — только не спеши.

Оскальзываясь на горячей от солнца броне лезу к башне, на ней люк уже кувалдами сбит. Только глянул вниз, только вдохнул идущий из внутренности машины смрад, так и вывернуло меня наизнанку, до желчи рвало. Меж рвотными позывами, сполз с машины. И опять желчью, до надрыва. Нееет! Больше я туда не полезу. Сгибаюсь у борта сожженной БМД и закрыв глаза слышу как издалека звучащие незнакомые голоса:

— Вот и все так.

— Оттащим машину, зальем солярой и выжжем все до пепла, что останется толом рванем.

— За ребят в гробы мешки с песком положат…

Открываю глаза и вижу на почернелом борту убитой машины

номер 045. Генкина машина, я его знаю. Он у нее командиром был. Геннадий М*** мы с тобой в учебке вместе службу начинали, я на командира отделения учился, а ты на командира БМД. Старший сержант. Весеннего призыва 1980 года. Вот и еще один, убит. Из Смоленска он. Туда отправят пустой цинк с мешком. Даже костьми в родную землю лечь, и то тебе Генка не судьба. До пепла тебя сожгут. Прости Гена, но я к тебе больше не полезу. У каждого свой предел есть. И мой предел из меня рвотной желчью выходит.

— У вас в машинах ОЗК и противогазы есть? — подавив очередной рвотный позыв, давясь хрипом спрашиваю у собравшихся возле машины экипажей.

Они тоже через свой предел перейти не могут, никто внутрь мертвой машины не полез, никто не хочет по кускам собирать сгоревшую человеческую плоть. Воевать? Ладно, а куда деваться. А туда? Нет только не я!

— Посмотрим…

Приносят резиновый общевойсковой защитный костюм и противогаз. Все грязное слежавшееся. На солнцепеке в сорокоградусную жару напяливаю на себя резиновый плащ с капюшоном, резиновые сапоги, одеваю перчатки, натягиваю на голову шлем — маску противогаза и…

Сначала один вытаскивал, потом еще один в ОЗК и противогазе помогать спустился, у люка то что от ребят осталось, их товарищи принимали. По кусочкам экипаж собрали: механик — водитель; оператор наводчик; командир машины. Кто кем был уже не разберешь. Но хоть так, все лучше чем пеплом на чужой земле оставаться. Все собрали.

Еле вылез из машины, срываю противогаз, рву застежки ОЗК снимаю и бросаю на землю перчатки, плащ, скидываю высокие резиновые сапоги. И все равно остается, как прилип ко мне запах обугленной человеческой плоти. Нечего на меня так смотреть! Это не слезы, очень сильно вспотело у меня в противогазе лицо, вот и кажется вам что градом текут по моим щекам слезы, а это всего лишь пот. Хоть слезы хоть пот без разницы, все быстро высохнет на афганском солнце, даже следов не останется.

— Твои фляги, — достает из сумки и протягивает мне медицинский коньяк военврач. Он уже не красный, бледен до синевы.

— Не надо, — отталкиваю его руку. Не надо, я уже досыта этой войны нахлебался, до блевотины и не поможет тут сердечное лекарство, даже если оно настояно на спирту.

— Сам дойдешь? — глухо отводя глаза спрашивает стоящий рядом офицер — командир расстрелянной головной походной

заставы.

А я раньше и не знал, что даже солнце черным бывает, что и на жаре может бить ледяная дрожь. Через десять лет во время прохождения криминалистической практики, я упаду в обморок, когда увижу как привычно разделывает патологоанатом тело в морге. «Ты прямо как баба, — чуть презрительно бросит мне санитар убирая от моего лица нашатырь, — а если бы ты войну попал? Уссался бы там небось?!» Нет я не уссался на войне, просто через десять лет ударил по мне из памяти запах обугленной человеческой плоти. А я так надеялся, что все забуду. Но это когда еще будет… А пока, тут в Афганистане весной восемьдесят второго года я даже не слыша своего голоса отвечаю не смотрящему на меня офицеру:

— Дойду…

И ухожу.

— Уже успел? — раздраженно и тихо спрашивает П*** отведя меня подальше от машины в которой уже сидит мой бывший взвод, — Где нажрался? Где ты тут умудрился пойло найти?

А я даже и не заметил как до машин дошел. Все готовы к движению. Подальше от этой дороги, подальше от места этого боя. Как можно дальше от войны.

— Помогите ему сесть, — не услышав ответа и повысив голос коротко приказывает П***, - он же на ногах не стоит.

Двое солдат ловко выпрыгивают из кузова машины, и подсаживая помогают мне залезть в темный кузов машины.

От выкуренного час назад косяка, от впитавшегося в кровь алкоголя, от прошедшей изматывающей рвоты, от жары, от войны, сознание прячется в беспамятство и я закрываю глаза.

Через два дня я и еще сто моих товарищей с бригады были демобилизованы. Почти весь призыв весны восьмидесятого года ушел в одну отправку. Двадцать восьмого апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года, война для меня закончилась. Была радость, было ощущение приближающегося счастья, была надежда, что теперь то все будет только хорошо. И только где там в глубине свой души, уже тогда в апреле восемьдесят второго, я знал что это были самые страшные, тяжелые и самые лучшие годы моей жизни.

Послесловие

Ну вот и все. Если ты до конца дочитал, то кто бы ты ни был, мы прошли с тобой по кусочкам этой войны. Пусть и на время, но и ты стал бойцом второй роты, а я всегда рядом с тобой был. Ты видел то же что и я. И теперь прощаясь с тобой я за нас обоих говорю:

Прощай Афган, прощай. Прощай, вот только все равно, сколько не прощайся с тобой, ты навсегда останешься в нашей памяти, раной, которая не хочет заживать.

Сначала про нас просто молчали, только украдкой шептались «Афган…Афган…..» и, не таясь во весь голос, рассказывали о той войне, те кому повезло вернуться.

Потом из нас хотели сделать героев — интернационалистов. Образец для подражания, под такую их… Отретушировать ту войну, героической ее сделать. Не вышло. Оказалось что у героев, куча проблем, которые некому решать, оказалось, что герои пьют или выпивают. Просят квартиры, лечение, лекарства, протезы, а на всех то и не напасешься. Вышло так, что иные герои и наркотой баловаться стали. А некоторые герои, привыкнув по военному решать бытовые вопросы, уже успели присесть за колючей проволокой. Ну, какие же это герои — интернационалисты? Какой они могут подать пример?

Тогда про нас просто забыли. Много вас тут ходит….. Мы вас туда не посылали….

И мы остались один на один, со своими бедами и проблемами. Но как писал о другой войне и о других солдатах поэт — фронтовик Орлов: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели…..»

Возможно тебе интересна моя послевоенная судьба? Если так то сообщаю: у меня все хорошо. Я успешно закончил институт, женился, потом еще одно высшее образование получил. Семья нормальная, на кусок хлеба зарабатываю, крыша над головой есть. А чего еще то надо?

Выжили тогда, справились и сейчас, нашли и мы свое место под солнцем, выучились, завели семьи, растим детей….. Вот только иногда…

В красном сне
В красном сне
В красном сне
Бегут солдаты
Те, с которыми когда-то

Был убит я на войне
Был убит я на войне

Автор стихотворения

Григорий Поженян.